

Предисловие редакции www.avtonom.org

Эта повесть носит документальный полностью. Автобиографичный характер. Ее автор проработал несколько лет в прокуратуре следователем, но оказался слишком честным и непригодным для системы. Крайне полезная книга о современной российской действительности.

Коррупция, правовой нигилизм тех, кто вроде бы по долгу службы призван исполнять законы и принуждать к этому других, только больше увеличивает противников «нашей» современной российской системы. Ее античеловеческая сущность с каждым днем будет все больше людей приводить к мысли о необходимости бороться. Важная и нужная это книга.

Единственное с чем бы мы поспорили – с частым обращение автора к религии. Он человек верующий и косвенно постоянно проводит мысль, что нужно быть честным и справедливым исходя из религиозных соображений. Получается, что нормы морали в своей основе имеют сверхъестественный характер. Этика возникает в обществе. Быть честным и справедливым нужно не потому, что «так бог велит» в «Библии», а потому, что в конечном итоге это наиболее правильный способ поведения в обществе, среди людей, в обществе равных, достойных и свободных.

ВВЕДЕНИЕ.....	2
Глава 1. Welcome to the machine.....	4
Глава 2. Статистические показатели.....	10
Глава 3. Waiting for the Worms	24
Глава 4. Need a Dirty Woman.....	60
Глава 5. Outside the Wall.....	69
Глава 6. Выговор за лампу.....	79
Глава 7. The Trial.....	90
The Urge to Defecate	94
Worm Your Honor	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	106
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ.....	110

Книга представляет собой автобиографическую повесть, написана на основе личного опыта автора, полученного при работе в должности следователя прокуратуры Шахунского и Канавинского районов Нижегородской области в период с 2002 по 2005 годы. Посвящена фактам должностных злоупотреблений и моральному разложению сотрудников прокуратуры, а также милиции и суда, «отчетным играм» прокурора Нижегородской области Демидова.

Отдельные фрагменты, использованные в книге, были опубликованы в статье «Раб прокуратуры» в газете «Новое Дело» за 10 - 16 ноября 2005 года, г. Н.Новгород.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Welcome to the machine

Глава 2. Статистические показатели

Глава 3. Waiting for the Worms

Глава 4. Need a Dirty Woman

Глава 5. Outside the Wall

Глава 6. Выговор за лампу

Глава 7. The Trial

Заключение

У каждого всегда есть дюжина гладеньких причин, почему он прав, что не жертвует собой. Одни еще надеются на благополучный исход и криком своим боятся его нарушить (ведь к нам не поступают вести из потустороннего мира, мы же не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту, и ухудшить ее нельзя).

А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

А.Н. Поднебесный

В КРУГЕ ВТОРОМ

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Н.А. Некрасов. Железная дорога

ВВЕДЕНИЕ

В своей книге я попытаюсь отразить *реальное* положение дел в сфере соблюдения прав граждан в сфере уголовного судопроизводства и дать оценку *фактически* проводимой в России уголовной политики. Реальность, применение закона в реальной жизни коренным образом отличается от того, что описано в учебниках по юридическим дисциплинам.

Для кого я пишу эту книгу? В связи с этим вопросом вспоминается анекдот: «Президент Путин пообещал в ежегодном послании к Федеральному Собранию, что к 2008-му году все люди в России будут жить богато и счастливо. Список *людей* прилагается». Так вот - я пишу для людей. Для настоящих людей, а не для тех, «список которых прилагается». Это вступление я делаю для того, чтобы было понятно, от чьего лица я выступаю, и для кого я пишу эту книгу.

За прошедшие годы и сегодня в России достичь успеха можно лишь путем обмана, лжи, предательства, ценой чужого горя и чужих сломанных судеб. Именно так *они* достигают этого. Желая представить самих себя в выгодном свете, они дурачат других разговорами об энергичности, карьере... Эту ложь придумали те, кто уже достиг успеха, имеет деньги и власть, но полученные путем лжи и предательства. Их счастье построено на чужом несчастье, и своей подлой жизнью они доказали, что не только можно построить свое счастье на чужом горе, но что только так и можно его построить.

Все мы в школьные годы писали сочинение на тему «Чацкий и фамусовское общество», всех нас учили презирать общество лжи и лицемерия и уважать честность и искренность Чацкого. Почему же так много из нас любой ценой стремятся стать членами именно этого «фамусовского» общества и вместе с ним провозгласить правдолюбие Чацкого сумасшествием?

Почему в органах власти из столетия в столетие, из поколения в поколение производятся подлецы? Да потому что этот качественный признак власти в России

является наследственным. *Сынки* начальников вырастают, и сами становятся *начальниками*. Следует при этом уточнить, что *их сынки* могут быть как кровными, так и «духовными» (хотя правильнее было бы сказать «бездуховными»). Например, Молчалин – это духовный сын Фамусова). Их отличительное качественное свойство – подлость – передается в их роду из поколения в поколение независимо от того, кровные они родственники или «духовные». Быть подлецом – это их (без)духовный, (без)нравственный выбор. С философской точки зрения это еще раз доказывает первичность духовного перед материальным.

Цель моей книги - исследовать глубины человеческой подлости. По-видимому, я стану пионером новой, особая отрасли социальной психологии – психологии подлости. Специфика моего исследования заключается в том, что психология подлости рассматривается на примере сотрудников российских правоохранительных органов, в первую очередь прокуратуры. Я пишу об этом на основании собственного опыта. Два с половиной года я работал следователем прокуратуры.

Моя книга – один из немногих образцов в современной России, когда автор говорит только правду. Я пишу правду, поскольку единственным судьей для меня в данном случае является Бог. Я пишу все как на духу. И перед Ним я не могу лгать. Правда жжет глаза сынам лжи, *сынкам*, поэтому эта книга не для них, они ее просто не смогут читать, у них она вызовет лишь бесноватую злобу и ярость.

Я говорю правду, поскольку ничего другого мне больше не осталось. Правда – это единственный, последний смысл в жизни человека, который остается после того, как все остальное, составляющее смысл жизни людей, разрушено.

Это мой рассказ о том, что мне пришлось пережить. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю в произошедшем со мной гораздо больше. Я познал сущность *этих* людей. Я увидел, чем является государство, опирающееся на таких людей, его *система*. Для таких простых людей, как я, это система бесправия и произвола.

Я всегда искал высший смысл в жизни, и всегда этим высшим смыслом была правда. Когда-то, уже много лет назад, один человек сказал мне снисходительно-учительским тоном: «нет никакого смысла». Теперь я стал мудрее, и такие люди не способны больше обмануть меня. На своей шкуре я убедился, что действительно, для *них*, для особой категории людей, смысла жизни не существует. Эта категория людей с этической точки зрения представляет собой кишечные трубки, говоря о них, имеет смысл вести речь только о выполняемых ими *функциях*, основными из которых являются поглощение, переваривание пищи и дефекация, а никак не о *смысле* их жизни. Чувства, характерные именно для человека, такие как любовь, сострадание, у них отсутствуют, поскольку, видимо, отсутствуют необходимые для этого органы чувств.

Именно такие люди подчинили себе государственные органы. Почему так произошло - это другой вопрос. Но свершившийся факт необходимо констатировать. В прокуратуре я встречал в основном только кишечные трубки.

Что интересно: когда человек обращается в ту же прокуратуру за помощью, он ищет сочувствия, сострадания, но эти люди просто не способны на такие чувства. Михаил Задорнов по этому поводу говорит, что отсутствие органов чувств связано с паразитарной природой *этих* людей. По своей природе, по своей сущности – это паразиты, питающиеся за счет остальных людей, не включенных ими в круг избранных. Так, у глистов даже глаз нет, одна только пищеварительная система. Дело в том, что у *этих* людей отсутствуют не все органы чувств, а только те, которые делают человека человеком. А те органы, которые составляют основу гедонизма, похоти, как раз развиты у них как ни у кого другого.

Но что самое страшное. Посвятив так много места доказательству того, что *они* не люди, я вынужден признать, что где-то в глубине их кишечника, под толстым слоем жира все же осталась еле тлеющая искра Божественного света; похоронить заживо его можно, но потушить полностью никто не в силах. Эта искра не дает им спать спокойно, проявляясь иногда как нечто, похожее на совесть. Они, правда, предпочитают считать это коликами в желудке или еще чем-нибудь типичным для них. Именно это и страшно. Любой человек изначально обладает тем, что делает, или, вернее, может сделать его человеком. Любовь, сострадание, правда, справедливость – все эти чувства заложены в любого от рождения. Но только *эти* люди намеренно, целенаправленно уничтожают в себе эти чувства, а заодно уничтожают тех людей, которые эти чувства проявляют.

С другой стороны и я сам не мог не поддаться тлетворному влиянию той среды, в которой я работал. Однако в моем случае вынужденная ложь, на которую меня обрекала эта система, была подобна вирусу, атакующему защищенный от нее сильным иммунитетом организм. Вынужденно переболев этой заразой, я восстанавливался вновь. Учитывая все это, я не делаю однозначных оценок, я далек от того, чтобы делить все только на черное и белое.

Когда-то великий русский гражданин А.И.Солженицын рассказал о своем опыте столкновения с этой системой в своем романе. Он описал увиденное им с точки зрения заключенного, пострадавшего от этой системы. Я же был звеном этой системы. Для меня этот опыт оказался еще более страшным, чем пережитое Солженицыным. Если он был снаружи, он прошел первый круг ада в тюрьмах и лагерях, будучи невинно осужденным, то я был внутри, тем, кто отправляет в эти тюрьмы и лагеря, и при этом сохранил верность правде и справедливости. Я прошел через более глубокую дьявольскую злобу – я прошел по второму кругу ада. Об этом и будет моя повесть.

Название моей книги не связано с дантевскими кругами ада, как это было у Солженицына. Я отсчитываю круги от круга Солженицына. Его круг первый, мой – второй. Не нужно искать ад на страницах Библии или у Данте. Если ад где-то и существует, то он здесь, в России. Для талантливого, для гениального человека, для человека с чистой душой, искреннего, всегда и во всем стремящегося к Правде, ад – в России. Так было и так есть. Нигде, ни в какой стране мира никогда так не издевались, не истребляли с такой циничной изощренностью самых талантливых и честных людей, как в России. Пушкин, Лермонтов, Есенин – были подло убиты режимом, и список это можно продолжить и в нем будут тысячи лучших людей.

Моя книга написана на основе моего личного опыта. В тех случаях, когда о тех или иных событиях мне известно не из личного опыта, а со слов людей, которым я доверяю, я буду использовать вымышленные имена. Я не хочу подставлять под удар честных и порядочных людей, которые мне рассказали о тех или иных случаях прокурорского или милицейского беспредела. Методы, которые использует прокуратура, милиция и суд в расправе над теми, кто говорит о них правду, чудовищны в своей жестокости, бесчеловечности и беззаконии.

Глава 1. Welcome to the machine

Я всегда мечтал работать следователем. И в 2000-м году моя мечта стала сбываться. Тогда мне пришлось поработать общественным помощником у следователя по ОВД областной прокуратуры.

В то время я был студентом-заочником второго или третьего курса юридического факультета. Учитывая мое социальное происхождение (из простых рабочих) и материальное положение нашей семьи (бедность на грани нищеты),

дорожка в прокуратуру мне была «заказана», просто так меня не взяли бы даже и общественным помощником. Но я сначала пришел в милицию. Случайно я познакомился с одной женщиной–следователем Нижегородского РУВД, и напросился в помощники. Она познакомила меня с двумя другими следовательшами (около 80% следователей милиции тогда составляли женщины) и они разрешили мне приходить и помогать им в составлении различных процессуальных документов, я выезжал с ними на места преступления, участвовал в следственных действиях. Буквально за несколько дней я вошел в курс дела и по некоторым делам практически занимался расследованием. Тогда то я и понял, что мое призвание – быть следователем, бороться с преступностью.

Несколько раз я встречал в камерах изолятора временного содержания при Нижегородском РУВД бывших учеников школы, где я раньше учился. Все они были прожженными хулиганами, в школьные годы мне самому не раз приходилось терпеть на себе их хулиганские выходки, и в том, что их привлекают к уголовной ответственности, я видел справедливую закономерность. Не удивлялись и они, увидев меня в ИВС. Меня они принимали за следователя, и им это также казалось естественным и закономерным. Я всегда был образцом правды и справедливости, всегда противопоставлял себя насилию и лжи, поэтому увидеть меня в качестве следователя было для них *непривычным* (исходя из реальной действительности) доказательством того, что справедливость на земле существует.

В течение почти полугода негласно, без ведома руководства РУВД я работал помощником у следователей, имел полный доступ к уголовным делам и вещественным доказательствам. В итоге мне написали отличную характеристику и поставили на нее печать РУВД. В этот момент в РУВД из прокуратуры Нижегородской области поступило постановление о создании следственной группы для расследования одного многоэпизодного преступления, и следователь, у которой я работал помощником, была включена в состав этой группы. Это обычная практика в работе правоохранительных органов: когда у прокуратуры не хватает собственных сил, она всегда привлекает в качестве «чернорабочих» сотрудников милиции. Я вместе со следователем милиции, которой я помогал, отправился в областную прокуратуру, где моей помощи были только рады.

Руководителем нашей следственной группы был следователь по ОВД, старший советник юстиции, порядочный, благородный человек, сейчас уже вышедший на пенсию. Как я узнал впоследствии общие черты морального разложения, присущие всем высокопоставленным прокурорским сотрудникам, коснулись и его, но по сравнению с другими его действительно можно было привести как образец порядочности.

Больше всего тогда меня поразило, как несравнимо отличается оплата труда следователей прокуратуры и следователей МВД, и как это не соответствует реальной работе тех и других. Загруженность следователей МВД была в несколько раз больше чем загруженность следователей прокуратуры. Так, у нашего руководителя в производстве было только одно дело. Примерно также обстояло дело и у других прокурорских следователей. В милиции же у следователей в производстве было по 15 – 20 и больше уголовных дел. Загруженность работой следователей МВД была в несколько раз выше, чем прокурорских, однако зарплата у прокурорских была в несколько раз выше. Наш «важняк», узнав, сколько получает наша следователь в РУВД – около трех с половиной тысяч рублей, от души рассмеялся, а затем отыскал завалившуюся в столе бумажку с расчетом его зарплаты. Такие квиточки выдают при получении каждой зарплаты. В нем значилось около девяти тысяч рублей. (Это было в 2000-м году. Сейчас, в 2006-м, даже начинающий прокурорский сотрудник, еще даже

не закончивший вуз, поскольку *своих* они часто берут на четвертом-пятом курсе вуза, получает около двадцати тысяч).

Однажды я был свидетелем того, как в кабинет нашего шефа пришел некий мужчина, по-видимому, его давний друг. «Слушай, помоги устроить дочку на работу. Она у меня заканчивает юрфак...» – сказал тот. «Не знаю, не знаю...» – ответил наш шеф, но пообещал помочь. До этого он рассказывал нам, что помог устроиться на работу в прокуратуру сыну одного своего знакомого, директора крупного нижегородского автопредприятия. (Этот сынок и сейчас успешно работает в одной из нижегородских районных прокуратур, несмотря на один некрасивый случай: в одном ночном клубе он учинил пьяный дебош, избил охранника, и при всем этом размахивал своим удостоверением и кричал, что он следователь прокуратуры. После того, как избитый охранник подал заявление в милицию, дело быстро прикрыли, а свой следователь отделался лишь выговором). «А нельзя ли мне тоже поступить на работу в прокуратуру?» – как-то поинтересовался я у нашего шефа. «Давай десять тысяч» – в шутку сказал он. «Кому?» – спросил я. На это шеф улыбнулся и сказал: «Бесполезно, все места уже распределены». «А если в район?» – не унимался я, имея в виду работу в сельском районе. «Ну, в район еще может возьмут, - с улыбкой ответил тот, - куда-нибудь в Шахунью...» Да, он тогда действительно сказал это, именно так, почти как пророчество, и то, что казалось тогда забавной шуткой, обернулось чудовищной правдой через два года.

Через два месяца дело мы расследовали. Это было последнее дело того следователя, после этого дела он вышел на пенсию. Меня же потом вызывали на допрос в Нижегородский областной суд. Суд интересовался тем, каким образом я сумел тринадцать раз поучаствовать в качестве понятого по одному и тому же уголовному делу. У меня тогда в прокуратуре взяли образец моей подписи и за меня расписывались в протоколах следственных действий, где было необходимо участие понятых. Таким образом моя подпись появилась более чем в половине из этих тринадцати протоколов.

Другим понятым была подружка другой молодой девушки-следователя милиции из нашей следственной группы, которая ни в одном следственном действии не участвовала. Я хотя бы несколько раз выезжал на проверку показаний обвиняемых на месте и был бы рад поучаствовать и в других следственных действиях, но мне о них попросту не сообщали, видимо, считая мое участие лишним.

Как я узнал впоследствии, такие следственные действия, как проверка показаний на месте или следственный эксперимент, иногда предпочитают проводить без посторонних глаз, хотя по закону участие понятых является обязательным. Попытки, которым подвергают подсудимых, чтобы они «добровольно показали» на месте, «как они совершали преступление» лучше применять без свидетелей.

Адвокаты в следственных действиях в том деле вообще ни разу не участвовали, а лишь расписывались в готовых протоколах, и это тоже типично и характерно для нашей действительности, как я также убедился в этом впоследствии. По тому делу был даже такой случай. Главный обвиняемый, назовем его Федянин, отказался от помощи адвоката и пожелал сам защищать себя на следствии. Однако для следователя такой отказ не является обязательным. Более того, участие адвоката в данном случае было обязательным, поскольку за совершенные обвиняемым особо тяжкие преступления, в частности неоднократные убийства в составе банды, уголовным законом предусматривалась смертная казнь. Следствие уже практически подошло к концу, мы подшивали документы в тома для ознакомления обвиняемых, а адвокат этому обвиняемому так назначен и не был. Вот и ознакомление с делом завершилось. И тогда наш следователь решил подстраховаться и «назначить» тому обвиняемому адвоката. Действительно, если бы адвокат в деле не участвовал, то судом это могло бы быть

признано существенным нарушением УПК и дело могло быть возвращено для дополнительного расследования в прокуратуру (тогда еще действовал УПК РСФСР 1961 года, который, в отличие от нового УПК позволял такую процедуру). У нашего следователя был давний друг, который раньше также работал в правоохранительных органах, а теперь был адвокатом. Они созвонились и договорились. Имя этого адвоката задним числом вписали во все процессуальные документы, соответствующие тем следственным действиям, в которых адвокат должен был участвовать: протоколы допросов обвиняемого, проверки показаний на месте и др. На досуге адвокат зашел и расписался везде, где нужно. Была создана полная иллюзия того, что адвокат реально участвовал в деле. В нашем суде больше ничего и не требуется. Главное для российского суда – это бумажка. То, что говорит в суде человек – это вторично.

Так и оказалось в действительности. На суде тот обвиняемый бурно протестовал против того, что на следствии его, якобы, защищал некий адвокат. Адвоката вызвали в суд. Однако в соответствии с УПК РСФСР и Положением об адвокатуре РСФСР (а также и в соответствии с современным законодательством, в частности ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») допросить адвоката суд не имеет права. Вернее, защитник не вправе разглашать сведения, сообщенные ему в связи с осуществлением защиты (ст. 51 УПК РСФСР) и не может быть допрошен в качестве свидетеля об этих сведениях (ст. 15 Положения об адвокатуре РСФСР), однако эта норма толкуется судом произвольно, и в данном случае была применена именно она. Суд «презюмировал», что адвокат в деле реально участвовал (ведь есть же его подпись на бумажках!) и допрашивать его не стал. Напрасно обвиняемый во всеуслышанье заявлял, что *видит этого адвоката первый раз*. Подпись на бумажке в российском суде значит гораздо больше (если не все), чем слова живого человека, стоящего перед судом.

Об этой истории я узнал еще до моего вызова в суд, мне рассказала об этом другая участница нашей следственной группы, та, чья подруга «участвовала» в качестве второй понятой. Впоследствии, когда я сам уже работал в качестве следователя, я убедился, что практически все следователи используют подобную практику. Более того, при созданной самим государством системе бесплатной адвокатской помощи сами адвокаты остаются от этого в выгоде, и «защита» ограничивается лишь тем, что адвокат забегает к следователю в последний день перед направлением уголовного дела в суд и расписывается в нужных местах. В суде на это смотрят сквозь пальцы.

Тогда же, еще ни разу не сталкиваясь с российским судом, будучи вызванным в качестве свидетеля я несколько испугался. Я не знал, как мне следует поступить. Сказать ли правду о том, что фактически я участвовал в от силу в половине из тех следственных действий, в протоколах которых стояла «моя» подпись? Однако, как оказалось, правда в суде была никому не нужна. Судья прекрасно понимал, как обстояло дело в действительности. Судья спросил меня, участвовал ли я в качестве понятого в следственных действиях. Я подтвердил, это действительно было так. «Вы ведь, наверно уже не помните, сколько раз участвовали?» - задал мне наводящий вопрос судья. Я действительно не помнил. Все вопросы адвокатов, обращенные ко мне, судья отвел без объяснения мотивов отвода. Мне не пришлось ответить ни на один вопрос адвокатов. В том числе был отведен судьей вопрос и о том, каким образом в автомашине «Волга», указанной в протоколе как средство доставки участников следственного действия на место проверки показаний и рассчитанной на пять посадочных мест, уместилось семеро участников проверки показаний на месте: водитель, следователь, обвиняемый, конвоир, адвокат, и двое понятых. Единственное, что я сказал суду, кроме ответов «да» на его два вопроса, это мои установочные данные

и место работы. Тогда я работал сторожем на автостоянке. Это вызвало смех на скамье подсудимых. Встречая меня в прокуратуре, эти ребята, которые проходили обвиняемыми по делу, считали меня следователем, и поэтому вполне справедливо возмущались, когда меня записывали в качестве понятого. Узнав же, кем я тогда на самом деле работал, они были так удивлены, что больше никаких вопросов мне задавать не стали. На этом допрос закончился. Гособвинитель из прокуратуры ни задал мне ни одного вопроса. Это был толстенький низенький человек, все время заседания он не издал ни звука и лишь улыбался, глядя на других участников. После заседания, когда судья объявил перерыв, он подошел ко мне, я стоял в коридоре суда вместе с той молодой следовательницей, которую также вызывали в качестве свидетеля, и продолжая улыбаться, протянул мне руку. При этом он захихикал, видимо его забавляла комедия, разыгранная в зале суда.

После этого вплоть до 2002 года я в прокуратуре не появлялся. Я подумал было возобновить работу в качестве помощника следователя в Нижегородском РУВД, но произошедшие там за время моего отсутствия события заставили меня отказаться от этого. Я узнал, что следователь, назовем ее Частова, по рекомендации которой я и начал работать помощником у двух других следовательниц, была уволена. Обстоятельства ее увольнения, как мне рассказали об этом ее коллеги, были следующими. В РУВД обратился потерпевший с заявлением об угоне автомобиля. Частова составила постановление о возбуждении уголовного дела и отправилась к начальнику следственного управления (СУ) при Нижегородском РУВД, назовем его Кваксимович, за подписью: для возбуждения уголовного дела следователю милиции требовалось согласие начальника следственного отдела. На это Кваксимович сказал Частовой, что пусть, мол, потерпевший приносит энную сумму долларов Частовой, та передает половину ему, и тогда милиция возбудит уголовное дело. Частова отказалась, причем позволила себе уточнить, не взятку ли собирается требовать Кваксимович. Вместо ответа начальник СУ вышел из себя и, если в цензурной форме изложить его требования, потребовал от Частовой, чтобы та либо немедленно увольнялась из «органов», либо выполняла его требование, в противном случае он пообещал уволить ее сам. Частова предпочла уволиться по собственному желанию.

Эта история заставила меня отказаться от работы в милиции. Я продолжал учиться на юриста и занимался научной деятельностью. В 2001-м году я написал научную работу по уголовному праву, научным руководителем выступила к.ю.н., доцент Колосова В.И.

В 2002 году в прокуратуре Нижегородской области проводился большой набор новых сотрудников. В 2002 году вступал в действие новый уголовно-процессуальный кодекс, и у прокуратуры появилась отличная возможность расширить по этому поводу свои штаты и придумать новые синекуры для вновь подросших сынков. При этом места оставались даже для чужих, таких, как я, задачей которых было выполнять реальную работу. Я уже упоминал, что следователь прокуратуры по сравнению со следователем милиции практически ничем не занимался, соотношение дел в производстве было одно «прокурорское» к тридцати «милицейским»; это была синекура для своих. Однако работать все равно кому-то надо было, поэтому, кроме сынков для откармливания и получения денег, в прокуратуре набирали небольшое число «рабочих лошадок», которые и выполняли основной объем работы. Так, у меня в Шахунье в производстве было до двенадцати уголовных дел одновременно, в то время, как у моего соседа по кабинету, в производстве было одно.

Когда я пришел в отдел кадров прокуратуры, то я увидел список из почти восьмидесяти имевшихся вакансий. Однако прямо с порога прокурор отдела кадров Майорова заявила мне, что ни одной свободной вакансии нет, кроме должности

следователя в прокуратуре Шахунского района. Это один из самых удаленных районов на севере Нижегородской области. Иначе как *ссылку* направление туда на работу рассматривать нельзя. Например, в 2004 году, когда я уже второй год работал там, к нам в прокуратуру перевели одного проштрафившегося сотрудника с должности прокурора одного сельского района. Его назначили старшим следователем, «отправили к нам на перевоспитание», как сказал по этому поводу тогда наш прокурор района Фуреев В.П.

По месту жительства в Н.Новгороде либо в близлежащих районах мне работу не предложили, хотя в тот же период я был свидетелем того, как другие мои однокурсники были трудоустроены либо в Н.Новгороде, либо в ближайших к городу районах. Меня отправили в Шахунью даже несмотря на то, что я являюсь опекуном своей престарелой матери 1939 г.р., инвалида 1 группы, которая согласно заключению ВТЭК нуждается в постоянном постороннем уходе, я же являюсь единственным ее близким родственником. На этом же основании я имею отсрочку от призыва на воинскую службу.

На работу в прокуратуру меня взяли, когда я был еще студентом 5-го курса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Это позволяет Закон о Прокуратуре. К тому времени я уже сумел существенно отличиться в учебе и научной работе в университете и вполне мог бы рассчитывать на то, чтобы меня взяли на работу в городе. Моя научная работа была признана лучшей в области юридических наук на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ, я был награжден правительственной наградой - медалью Министерства образования Российской Федерации. До сего дня еще никто из студентов-юристов Нижегородской области не получал такой награды. Я был награжден дипломом 3-й степени на Областном конкурсе научных работ, похвальной грамотой декана юридического факультета за успехи в учебной и научной деятельности. И раньше я имел высокие достижения в учебе. В 11-м классе стал победителем Областной экологической олимпиады, без экзаменов был зачислен на биологический факультет ННГУ, однако избрал в качестве своей профессии юриспруденцию. За время обучения в университете я стал автором нескольких научных публикаций.

Однако никакие достижения в учебе не шли в сравнение с таким «неоспоримым» достоинством, как наличие родственников в прокуратуре. Уже потом, работая в Шахунье, я узнал, что в городские прокуратуры и прокуратуры близлежащих (в пределах 20 минут езды на автобусе) районов были приняты почти исключительно дети руководящих прокурорских работников (исключением из детей прокурорских работников являлись принятые на работу в прокуратуру дети их друзей и знакомых и дети крупных чиновников и богатейших предпринимателей – они ведь действительно не были «сынками», их родители в прокуратуре не работали, так что «гнусная ложь», будто на работу в прокуратуру берут лишь сынков прокурорских работников), которые как и я на тот момент были еще студентами последних курсов, однако уровень моих знаний и умений был на порядок выше, чем у них, что подтверждали, в частности, имевшиеся у меня награды, в том числе правительственные, за достигнутые успехи в области изучения юриспруденции.

Все проводимые прокуратурой Нижегородской области экзамены, испытания при приеме на работу являются лишь формальными мероприятиями, направленными, с одной стороны, на создание видимости равноправия при приеме на работу, а с другой, истинной, стороны, для отсева неугодных кандидатов на имеющиеся вакансии.

Когда приказ о моем назначении был уже подписан, и мне предстояло отправляться в Шахунский район, выяснилось, что удостоверение в отделе кадров мне выдавать не собираются. На мои вопросы меня направили к начальнику отдела кадров

Лазареву В.Л., который мне ответил, что удостоверения прокурор подписывает «пачками», сразу штук по десять, и из-за меня одного мое удостоверение к прокурору не понесут. Как он мне сказал, там, в Шахунье вообще можно работать без удостоверения. Мне было сказано, чтобы я ехал без удостоверения. Я бы мог поехать и без удостоверения, если бы не цена железнодорожного билета в Шахунью. Тогда билет в один конец стоил около 100 рублей. Я до этого работал сторожем в школе, моя зарплата была немногим больше стоимости этого билета, поэтому сто рублей для меня были крупной суммой денег. По удостоверению же я бы мог проехать бесплатно, пользуясь льготами сотрудников прокуратуры. Поэтому я стал настаивать, что бы мне выдали хотя бы справку вместо удостоверения, что я являюсь работником прокуратуры.

Однако привыкшим к роскоши никогда не понять живущих в нищете. Для них бедняки – это не люди, а низшие существа. Мою просьбу выдать мне удостоверение начальник отдела кадров воспринял как неподчинение и личное оскорбление.

Выслушав меня, В.Л. Лазарев, начальник отдела кадров, встал из своего кресла и перед тем, как ответить мне, лицо его передернулось, как бы от презрения. «Я тебя что-то не понимаю. Ты наверно раньше работал дворником где-то ... не в России. Мы, - он сделал паузу, выделив это слово, - берем не работников, а *рабо*в, мы не рабоТо-, а рабаТодатели... У тебя сто рублей нет на билет, - он размахистым жестом вытащил из заднего кармана брюк бумажник, - на, я тебе дам. В займы». От такого монолога начальника отдела кадров прокуратуры я несколько опешил и не мог сказать ни слова. Я отказался от его денег и повторил, что желал бы получить удостоверение.

Удостоверение мне выдали на следующий день, и я благополучно прибыл на место работы. Однако моя твердость не прошла для меня бесследно. В.Л. Лазарев позвонил прокурору Шахунского района Фурееву В.П. и охарактеризовал меня как скандалиста. Ко мне немедленно были предприняты репрессивные меры. Меня обязали ежедневно в письменном виде отчитываться о проделанной работе. Однако ни единого недостатка в моей работе обнаружено не было. Прокурор района дал мне отличную характеристику для аттестации.

К тому же, как я узнал, сам начальник отдела кадров пользовался неоднозначной репутацией. От других сотрудников прокуратуры я узнал, что он был взяточником, и неплохо получал за хорошие места в прокуратуре. У него имеется парк из нескольких автомобилей, которые он периодически меняет на более дорогие автомашины иностранного производства. Мне пришлось тогда вспомнить упоминание о 10 тысячах рублей за прием на работу, которое обронил в 2000-м году руководитель нашей следственной группы. Лазарев тогда уже был начальником отдела кадров. В 2003 году Лазарев уволился. Впрочем, сразу же вновь занял начальническое кресло. Он стал начальником Службы судебных приставов Канавинского района Н.Новгорода, где впоследствии, как я уверен, сыграл свою роль в моем увольнении. Теперь же он руководит Управлением министерства юстиции по Нижегородской области.

Глава 2. Статистические показатели

Долгое время «Красная смерть» опустошала страну. Никакой мор не был еще столь беспощаден или столь отвратителен. Кровь была ее знаменем, и ее печатью – алость и ужас крови. Острые боли, внезапное головокружение, - а затем кровь, что обильно хлынет сквозь поры, и гибель... Но принц Просперо был жизнерадостен, неустрашим и находчив. Когда народ в его владениях наполовину вымер, он призвал к себе тысячу здоровых и неунывающих друзей из числа рыцарей и дам своего двора и с ними удалился в одно из принадлежащих ему аббатств, построенное наподобие замка. То было просторное и великолепное

здание, рожденное эксцентрическим, но царственным вкусом самого принца. Аббатство окружала крепкая и высокая стена с железными воротами. Придворные, войдя, принесли кузнечные горны и увесистые молоты и заклепали болты изнутри...

Эдгар Аллан По. Маска Красной Смерти

Правоохранительные органы России работают по отчетной системе борьбы с преступностью, которая была установлена еще в 20-х годах прошлого века. Несмотря на то, что такая система отрицательно зарекомендовала себя еще в советские времена, явившись причиной создания лишь видимости борьбы с преступностью в результате приписок и искажения статистических данных, сегодня, в условиях «демократии» лишь немногие государственные деятели находят в себе достаточно гражданского мужества открыто признать опасной практику «установления отчетности в борьбе с преступностью», как это сделал бывший министр внутренних дел С.Степашин.¹ Кроме фальсификации отчетности, существующая отчетная система работы, как справедливо указывает ученый из нижегородской Академии МВД О.Д. Калашников, провоцирует сотрудников правоохранительных органов на применение пыток, фальсификацию доказательств и иные способы нарушения законности.²

Я буду говорить лишь о том, чему был свидетелем сам, хотя мой опыт типичен не только для нашей области, но и для России в целом. Вся деятельность прокуратуры Нижегородской области направлена на создание видимости благоприятной отчетности. Это особая «потемкинская деревня», где во главу угла поставлены статистические показатели. Реальное положение дел в борьбе с преступностью никого не интересует, более того, если расследование тех или иных преступлений может неблагоприятно отразиться на отчетности, то от него попросту отказываются.

Так, очень часто убийства маскируются под несчастные случаи или самоубийства. Это делается лишь тогда, когда, во-первых, для раскрытия убийства потребовалась бы большая реальная работа, во-вторых, расследование этого убийства никому в прокуратуре не нужно. Приведу в качестве примера реальную ситуацию. В подъезде дома был обнаружен труп бомжа. Оперативники опросили жильцов. Установили, что бомж этот ночевал в том подъезде почти постоянно, многим был знаком, но ни родственников, ни близких его установить не удалось. Также установили, что в день смерти его избili у киоска, где он обычно покупал выпивку. Кто его избил и за что – не известно. Установить в таких случаях подозреваемого, а главное доказать его виновность практически невозможно. Дело – «глухарь». Труп отвезли в морг на вскрытие. Я присутствовал при беседе ст.следователя прокуратуры Арефьева и судмедэксперта после вскрытия. Эксперт установил, что смерть наступила от черепно-мозговой травмы, которая могла быть причинена при ударе тупым предметом. «Слушай, давай напишем, что он сам упал, когда спал, с подоконника» – предложил Арефьев. Эксперт усмехнулся: «Нет, я так не буду писать». Возможно, он сказал так, потому что я был рядом, а он не хотел иметь лишних свидетелей. На этом тогда мы и расстались. Но в итоге эксперт дал именно такое заключение, какое хотел от него получить Арефьев. Получалось, что потерпевший получил травму при падении с подоконника. На этом проверка была закончена, уголовное дело не возбуждалось, Арефьев вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, объявив произошедшее несчастным случаем.

¹ Калашников О.Д. Соблюдение прав человека и обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов по предупреждению организованной преступности. // Конституция Российской Федерации и перспективы дальнейшего развития российского законодательства. Материалы научно-практической конференции / Отв.ред. П.Н. Панченко. – Н.Н.: Стимул-СТ, 2004. С. 169

² Там же.

Описанный случай типичен. Это типичный стандарт, по которому действует прокуратура в подобных случаях. Это гораздо выгоднее для прокуратуры, чем проводить расследование, которое может затянуться на многие месяцы и не приведет ни к каким результатам, а следовательно, ухудшит отчетность, статистические показатели по срокам расследования, количеству приостановленных и нераскрытых дел. Обжаловать это постановление никто не будет, потому что убитый бомж никому не был нужен. Даже если у него и есть родственники, близкие, им на него наплевать. Законность постановления «как бы» должен проверять прокурор района, на практике же прокурор во всем согласен со следователем, и более того, ориентирует следователя на сокращение «ненужной» работы. Такой же характер носит и проводимая проверка отказных материалов, которую проводит надзирающий прокурор в прокуратуре области. Отменять собственные, то есть вынесенные прокурорскими сотрудниками, постановления надзирающий прокурор не будет. Решение по отмене незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратура может проявлять по отношению к милиции, но не к своим собственным следователям. Прокуратуре нужна благоприятная отчетность, поэтому ни следователь, ни прокурор района, ни надзирающий прокурор сами себе ее портить не будут. Поэтому в таких случаях, когда расследование бесперспективно или по крайней мере очень сложно, выгоднее состряпать отказной материал, то есть вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В качестве оснований отказа может быть что угодно, лишь бы это носило хотя бы минимальную правдоподобность. Как правило, в таких случаях погибший «упал сам».

От статистических показателей в первую очередь зависит материальное благополучие прокурорских работников (хотя это не единственный и, возможно, не главный фактор, о нем мы поговорим чуть позже). К должностному окладу установлена система доплат, которая удваивает оклад почти вдвое, плюс к этому выплачиваются ежеквартальные премии. Таким образом, каждый рядовой сотрудник заинтересован в сохранении этих доплат, которые снимаются в случае наложения дисциплинарного взыскания. Именно с ситуацией, угрожающей снятием доплат я столкнулся практически сразу по приеме на работу. На этом примере хорошо видны как критерии, по которым оценивается работа прокурорских сотрудников, так и отношение самих сотрудников к своей работе.

Тогда это было одно из моих первых уголовных дел. При расследовании этого уголовного дела я столкнулся с ситуацией, когда вина обвиняемого не получала своего полного подтверждения. Я доложил об этом прокурору района и выразил намерение освободить обвиняемого из-под стражи. Я мотивировал это тем, что по делу было недостаточно доказательств, и в суде обвиняемый мог бы быть оправдан. Прокурор поручил своему заместителю Толстогузову проверить это дело, а тот в свою очередь поручил это старшему следователю Арефьеву Ю.А., который тогда был моим наставником в работе. Арефьев же мне «популярно» объяснил, что в случае освобождения обвиняемого из под стражи, причем совершенно не важно на каком основании, не только мне, но и прокурору района, санкционировавшему ходатайство в суд об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, грозило дисциплинарное взыскание в виде лишения надбавок к зарплате. Такая практика проводилась прокурором Нижегородской области Демидовым. Дело в том, что прокурор области Демидов всеми силами пытается занять первое место в Поволжском федеральном округе по статистическим показателям борьбы с преступностью и обеспечению законности при расследовании уголовных дел. Основными статистическими показателями этого являются: срок расследования уголовного дела (не должен превышать двух месяцев), отсутствие прекращенных уголовных дел

(прекращение уголовного дела свидетельствует, в соответствии с этим подходом, о том, что изначально дело было возбуждено незаконно и прокурор не должен был давать согласия на возбуждение уголовного дела), отсутствие освобожденных подозреваемых, задержанных по подозрению в совершении преступления, и обвиняемых, освобожденных из-под стражи (освобождение опять же расценивается как следствие изначально незаконного задержания, а в соответствии с положениями нового УПК РФ такие лица вправе получить компенсацию за незаконное задержание или содержание под стражей). По этим статистическим показателям ведется отчетная борьба. Прокурор Нижегородской области затратил колоссальные средства на сооружение роскошного дворца для областной прокуратуры, и ему требуются высокие статистические показатели для собственного оправдания этих затрат в отчетной игре перед Генеральной прокуратурой. Поэтому в прокуратуре действуют следующие негласные правила, установленные прокурором области Демидовым: нельзя прекращать уголовные дела; нельзя освобождать задержанных и арестованных; расследование нужно завершать в двухмесячный срок; следователь обязан направлять в суд не менее двух уголовных дел ежемесячно.

Все эти требования на практике осуществить невозможно. При расследовании приходится и прекращать уголовные дела, если вина обвиняемого не подтверждается либо выясняется, что он не виновен; приходится отпускать из-под стражи арестованных, если вина их не подтверждается. Однако, учитывая необходимость сохранения высоких статистических показателей, следователь становится фактически обязан направить в суд уголовное дело, даже если обвиняемый в действительности не виновен. Иначе его самого и прокурора района, возбудившего это дело, ждет дисциплинарное взыскание. После того, как человек арестован, для следователя, не обладающего принципиальным характером, освободить арестованного становится сложнее, чем принудить к ложному признанию, сфальсифицировать доказательства по делу. Желание избежать взыскания является весьма действенным стимулом для формирования обвинительного подхода, принуждения обвиняемого к самооговору и фальсификации доказательств. Именно такая ситуация возникла у меня тогда.

Для «исправления» ситуации Арэфьев велел мне, во-первых, взять одежду обвиняемого в изнасиловании, потереть ее об одежду потерпевшей и послать все это на криминалистическую экспертизу волокон наложения, и таким образом сфальсифицировать доказательство по делу, а во-вторых, поручить оперативникам избить арестованного, чтобы добиться у него признания. «Сам только при этом никогда не светись» – дал он мне ценный совет тогда. Его забота была в данном случае не обо мне, не меня он желал избавить от взыскания, а прокурора района. Как уже впоследствии я узнал, это было одним из его собственных методов продвижения в карьере. «Никогда не подводи начальство, - сказал он мне тогда, причем повторил это дважды, - Подумай, из-за какого-то колхозника накажут прокурора района...» Я от такого «обучения» отказался, чем навлек на себя ненависть с его стороны. «Чего ты, все так делают» – упрекал он меня тогда. В этом я впоследствии полностью убедился.

Сам Арэфьев с согласия прокурора района скрывал все неблагоприятные статистические показатели, и ежемесячно в областную прокуратуру направлялись безукоризненные отчеты, по которым все уголовные дела расследовались в двухмесячный срок (одно – два дела для видимости правдоподобности он с прокурором ставили с превышением срока, но и в этом случае превышение было максимум на месяц), прекращенных дел не было, освобожденных из-под стражи не было. Это по сути выгодно и самой областной прокуратуре, поскольку она в свою очередь отчитывается перед прокуратурой Генеральной и ведет свою отчетную игру. То есть такой подход является фактически санкционированным вышестоящими инстанциями -

прокуратурой области для прокурорских работников в районах и ГУВД для райотделов милиции.

Приведу пример, как с отчетная система борется с преступностью. Мне пришлось ознакомиться с одной служебной инструкцией, выпущенной совместно прокуратурой Нижегородской области и ГУВД в 2004 г. Тогда ее выходные данные я не записал, теперь же, после увольнения, получить к ней доступ невозможно, хотя в случае действительно независимой проверки без труда можно ее найти. В ней анализировались результаты борьбы с преступностью. В частности, указывалось на то, что возрос уровень рецидивной преступности. Рецидивная преступность – это преступления, которые совершают, в основном, преступники, условно осужденные или освобожденные условно-досрочно. Контроль за их исправлением должны осуществлять уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) на местах, то есть при районных УВД. Приведу опять же пример из личной практики, как они этот контроль осуществляют. Так, по одному делу условно осужденный преступник вновь совершил преступление, на сей раз в отношении сотрудников милиции, учинив хулиганские действия и ударив сотрудника милиции прямо в помещении отдела милиции. По ходу дела я направил запрос в УИИ с целью получить справку о проделанной профилактической работе с условно осужденным. Однако из УИИ пришел ответ, что такой осужденный у них в списках не значится. Как же так? Я вновь направил им запрос, приложив копию приговора суда, где было указано, что на УИИ возлагаются обязанности по обеспечению исполнения возложенных на условно осужденного ограничений. Только почти через месяц, когда уголовное дело я уже направил в суд, из УИИ пришел ответ. Из ответа следовало, что некий сотрудник РОВД получил в суде копию приговора, но *не передал* ее в инспекцию. В общем, нашли стрелочника. Когда же я сообщил об этом факте прокурору, тот лишь усмехнулся. Дело в том, что начальник районной УИИ – его жена. Вернемся же к инструкции по борьбе с рецидивной преступностью. В чем же видит областное руководство причину увеличения рецидивной преступности? Может в недостатках работы УИИ, слабой профилактике преступлений? Все гораздо проще. В инструкции указано: *видимо сотрудники неверно заполняют статистические карточки...* Вот в чем причина роста рецидивной преступности, как же все «гениальное» просто, причина в том, что статистические карточки неправильно заполняют! Как же руководство предлагает бороться с рецидивной преступностью. Может совершенствовать работу уголовно-исполнительных инспекций, проводить профилактику преступности? Опять, все гениальное просто. Инструкция предписывает: *необходимо провести учения оперативных сотрудников по вопросу заполнения карточек статистической отчетности.* Известно, как будут проводиться эти учения. Вот так у нас идет «борьба» с преступностью. И методы этой «борьбы» уже не таясь приводят в служебных инструкциях.

В данном конкретном случае хочется привести как мое мнение, так и мнение независимых ученых о том, чем вызваны подобные меры, направленные на фальсификацию низкого уровня, в частности, рецидивной преступности. Все чаще среди ученых звучат высказывания о том, что «в органах законодательной власти проявилась и крепнет тенденция лоббирования законопроектов, в том числе в интересах крупных коррупционеров и взяточников, мошенников и прочих дельцов криминального бизнеса, наживших свои состояния противоправным путем» (См.: Свечков В.В. Развитие Общей части уголовного законодательства России на современном этапе. Н.Н., 2004). Вступившими в силу в декабре 2003 года поправками к Уголовному кодексу частично упразднен институт рецидива преступления, сужена возможность признания рецидива опасным или особо опасным, в сторону смягчения

изменились правила назначения наказания при рецидиве, отменен дифференцированный подход к назначению наказания в зависимости от вида рецидива. Такие изменения в законодательстве могли бы быть оправданы только крайне низким процентом рецидивной преступности на практике. Однако это как раз наоборот, существует высокий уровень рецидивной преступности, около 22 %, происходит интенсивный процесс криминальной профессионализации, что дает основания ученым утверждать, что искусственное снижение уровня рецидивной преступности (по статистическим отчетам) частичным упразднением института рецидива в Уголовном кодексе с неизбежностью повлечет увеличение и ожесточение фактической рецидивной преступности (Сверчков В.В. Указ. работа). Таким образом, становится очевидным, что изменения, внесенные в Уголовный кодекс в 2003 году направлены не на реальную борьбу с преступностью, а ведут к ослаблению борьбы с преступностью. Эти изменения не были криминологически обоснованы. Здесь уже власть, высшая, государственная власть вынуждена принять меры, чтобы задним числом оправдать эти изменения, не допустить того, чтобы стали очевидны неблагоприятные последствия внесения этих изменений в законодательство. Что в данном случае может оправдать внесенные в УК РФ изменения? Понижение уровня рецидивной преступности в статистической отчетности, *статистические* данные, которые бы свидетельствовали, что рецидивная преступность понижается, что будет представлено как её *фактическое* понижение.

У нашей страны самый высокий в мире процент раскрытия преступлений. Поддержание этого процента вызвано принятой отчетной системой борьбы с преступностью, погоней за высокими показателями. Но что реально стоит за этими цифрами в статистических отчетах? Стала ли жизнь граждан безопасней, стали ли соблюдаться законы? Законы не соблюдаются даже теми, кто призван следить за их соблюдением.

Как может в принципе соблюдаться законность, если система органов прокуратуры, надзирающих за законностью, формируется незаконно, по блату?

В районных УВД к делам, связанным со статистической отчетностью, допускают в качестве подчиненных только самых лояльных, самых управляемых в том смысле этого слова, под которым понимается подчинение любым незаконным приказам и осуществление любой незаконной практики, если это нужно начальству. Так в Шахунском РОВД в отделе аналитики (это отдел, занимающийся учетом статистических карточек) работала дочь начальника РОВД и на пару с ней молодой сотрудник, бывший опер, бывший следователь того же РОВД, которого переводили с должности на должность за постоянное пьянство и неспособность справляться даже с элементарными служебными обязанностями. Естественно, такие сотрудники не будут спорить с начальством ни при каких обстоятельствах. В отделе аналитики Канавинского РУВД имел место инцидент, который также подтверждает это правило. Как-то я пришел в отдел аналитики, чтобы сдать статистическую карточку на возбужденное уголовное дело и получить номер уголовного дела. В кабинете за столом с документами я застал девочку лет 15-ти, которая беседовала по телефону явно по личным, нерабочим вопросам. Я представился, сообщил цель своего прихода. Она мне сказала подождать и продолжила разговаривать по телефону. Затем в кабинет зашла женщина и села за другой стол. Я вновь сообщил о цели своего прихода и спросил, почему у них сотрудники на работе ведут разговоры по личным целям. На это та женщина мне сказала, что та девочка вообще не их сотрудница, а «просто пришла помочь и поучиться». Я на это спросил, почему к ведению статистического учета допускают посторонних лиц, ведь именно в сфере статистического учета преступлений допускается большинство нарушений. На это та женщина презрительно усмехнулась и

сказала: «Это откуда ты такой?». Я ничего на это не ответил, хотя это замечание было сделано с явно оскорбительной интонацией и действительно оскорбило меня. Я протянул женщине статистическую карточку, однако она тут же мне ее вернула и сказал, что регистрировать ее не будет, так как в карточке не указан КУП, т.е. номер сообщения о преступлении в книге учета происшествий по РУВД. Мне ранее при работе в Шахунском районе постоянно приходилось составлять подобные карточки, и при этом номер «КУП» от меня не требовали. Этот номер имелся в книге учета происшествий в дежурной части РУВД. Поэтому я предложил той женщине самой узнать этот номер в дежурной части, так как это входит в ее должностные обязанности. На это она стала махать на меня руками и повышенным голосом мне сказала: «Идите, идите отсюда, молодой человек, я вам ничего искать не буду, вас тут сто человек за день приходит, еще я за вас бегать буду...». Я ей на это ответил: «Вы свою работу просто делать не хотите, вот и все». Она мне еще раз сказала, чтобы я уходил, после чего я действительно ушел. Из этой ситуации хорошо видно отношение этих сотрудников к возложенным на них обязанностям, видна уверенность в собственной безнаказанности, за которой стоит поддержка со стороны руководства УВД и прокуратуры, полученная в обмен на их готовность выполнять незаконные приказы. Видно и как они готовят себе смену, приучая к нарушениям порядка еще стажеров.

В Канавинском РУВД проверки, проводимые комиссиями из Генеральной и из областной прокуратур, многократно выявляли случаи укрывательства преступлений, совершенные именно путем манипуляций со статистическими карточками. И это также показательно: районная прокуратура, возглавляемая Андроповым, которая находится в ста метрах от РУВД не выявляла в нем никаких нарушений. Это еще раз подтверждает, что самому районному прокурору выгодны незаконные манипуляции со статистической отчетностью.

Как мне впоследствии стало известно, по негласному указанию прокурора Андропова Ю.И. следователи прокуратуры и отдел аналитики Канавинского РУВД постоянно допускают искажения в статистической отчетности по направляемым в суд уголовным делам с целью создания видимости выполнения ежемесячного плана направления в суд уголовных дел. Так, по части уголовных дел статистические карточки составляются заранее и отдел аналитики регистрирует их до фактического направления уголовных дел в суд, как если бы эти дела были уже направлены. Фактически уголовные дела могут направляться в суд по истечении нескольких недель после регистрации соответствующих статистических карточек. Делается это в основном по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях прокурорской подследственности: убийствах, изнасилованиях. Расследовать такие дела в двухмесячный срок невозможно просто физически, и чтобы не портить отчетность, составляются статистические карточки, как будто дело уже окончено следствием и направлено в суд.

Наиболее распространенные нарушения, с которыми сталкиваются простые граждане, это отказ в приеме заявления о совершении преступления. По самым различным, порой очевидно надуманным основаниям, дежурные по РУВД или оперативники убеждают граждан не подавать заявления о преступлении или прямо отказываются принимать его. Это также в первую очередь связано с отчетной игрой. Если преступление раскрыть не удастся, то уголовное дело придется приостановить (если не прекратить) производством, что негативно отразится на отчетности. Установка на отказ в приеме заявления сотрудниками милиции задана именно прокуратурой, так как именно прокуратуре (прокурору области Демидову) нужны статистические показатели.

Как я убедился в своей работе, прокуратура района закрывает глаза на фактически известные злоупотребления сотрудников РУВД, так как в противном случае прокуратуре не удастся побеждать в отчетной игре. Дело в том, что прокуратура не занимается раскрытием преступлений. Только в телесериалах следователи прокуратуры раскрывают преступления, на практике же следователь прокуратуры занимается расследованием уже раскрытого преступления. За раскрываемость отвечает милиция – РУВД. Не будет необходимого количества раскрытых милицией преступлений - не будет показателей у прокуратуры. На каждого следователя прокуратуры по указанию прокурора области Демидова необходимо иметь по два направленных в суд уголовных дела в месяц. Конкретные механизмы, которые используют прокуроры районов для побед в этих отчетных играх, могут несколько отличаться, но в целом система одна: лояльность прокуратуры к злоупотреблениям милиции в обмен на необходимое количество раскрытых уголовных дел для прокуратуры. Так в Канавинском районе на поток поставлено раскрытие уголовных дел, связанных с оскорблением сотрудников милиции. Почти 90 % плана по прокуратуре по направлению уголовных дел в суд приходится на эту категорию дел. Механизм таков: сотрудники милиции задерживают подвыпившего субъекта и доставляют его в отделение милиции. Человек, естественно, начинает возмущаться. На это сотрудники милиции тут же составляют рапорта о том, что задержанный их оскорбил грубой нецензурной бранью, после чего задержанный сразу же освобождается. По этим рапортам возбуждается уголовное дело по статье 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», а так как оскорблены (то есть являются потерпевшими) сотрудники милиции, то расследование этого дела отнесено законом к подсудности прокуратуры. Ни сами сотрудники милиции, ни следователи прокуратуры не скрывают, что в большинстве случаев никакого оскорбления в действительности не происходило. Практически по всем таким делам в качестве «свидетелей» этих оскорблений выступают одни и те же подставные лица – стажеры милиции или родственники, знакомые, любовницы и т.п. «оскорбленных» сотрудников милиции. Протоколы допроса этих «свидетелей» следователи прокуратуры готовят на компьютере путем копирования одних и тех же текстов, когда-то ранее подготовленных, меняя в них только фамилии обвиняемых и те или иные конкретные обстоятельства. Даже фразы, которыми обвиняемые «оскорбляли» сотрудников милиции остаются из дела в дело идентичными. Сами «свидетели» при «допросах» самих себя не присутствуют, приходят только расписаться в протоколе допроса, подготовленном следователем прокуратуры. То же самое и с «потерпевшими» - «оскорбленными» сотрудниками милиции. Сами сотрудники милиции за фабрикации таких дел тоже получают поощрения, рапорт о таком преступлении приравнивается к раскрытию реального преступления, например, кражи, грабежа, и поэтому чем больше «оскорблений» претерпят сотрудники милиции, тем выше будут статистические показатели и Канавинского РУВД. Такими «оскорблениями» милиционеры иногда делятся друг с другом, когда, например, у кого-то не хватает показателей в отчетном месяце. Так, задержать человека, который «оскорбил» при задержании сотрудников, могут одни сотрудники, а оформить могут на других сотрудников. Если клиент был сильно пьян, то он, как правило, не помнит, кто именно его задерживал. Когда же его начинает допрашивать следователь прокуратуры о том, кто его задерживал и кого он оскорбил, то обвиняемый может сказать, что задерживал его сотрудник милиции на вид толстый и маленького роста, а по материалам дела окажется, что этот милиционер худой и высокий.

Если бы не погоня за статистическими показателями, то дела бы такие не возбуждались бы в таком количестве. Об обоснованности, точнее о полной

необоснованности возбуждения таких дел наглядно свидетельствует тот факт, что практически все они прекращаются в суде. Основанием прекращения служит примирение сторон, что по прокурорской отчетности считается так называемым нереабилитирующим основанием, то есть считается, что преступление было, но ввиду примирения сторон суд прекращает уголовное преследование подсудимого. Здесь есть еще одна уловка прокуратуры. Если потерпевший и обвиняемый примирились, то дела небольшой тяжести, каковыми и являются дела об оскорблении сотрудников милиции, могут быть прекращены и в ходе следствия. Нецелесообразно направлять такие дела в суд, поскольку суду не остается ничего иного, кроме как прекратить такое уголовное дело. По сути направляя в суд такие дела прокуратура необоснованно загружает суд ненужной работой, которую могла бы проделать сама, то есть прекратить уголовное дело по тем же самым основаниям и руководствуясь той же самой статьей 25 УПК РФ «прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон». Но это приведет к ухудшению прокурорской отчетности, фактически лишит смысла всю затею с возбуждением таких дел. Если дело, возбужденное прокуратурой, прекращается самой же прокуратурой, то в существующей отчетной системе считается, что не было оснований возбуждать такое дело, то есть оно было возбуждено незаконно, что грозит взысканием прокурору и негативно сказывается на отчетности. Но если в такой же ситуации такое же дело прекращается в суде, то для прокурорской отчетной системы это не имеет никаких негативных последствий. Дело в суд направлено, свою «работу» прокуратура выполнила, а как дальше с делом поступит суд, по большому счету прокуратуру это не касается. Поэтому дела прекращаются только в суде. Примирение с потерпевшим – это «нереабилитирующее» основание прекращения уголовного дела, такое основание не портит отчетности. Однако рассматривая эту ситуацию с точки зрения истины, реальной действительности, а не лживой прокурорской «потемкинской» отчетности, всегда нужно помнить, что в таких делах обвиняемые вынуждены признавать свою вину под давлением подставных свидетелей, и примирение является фикцией, поскольку в большинстве случаев не было и никакого оскорбления. Даже если предположить, что оскорбление имело место, то все равно в тех случаях, когда дело направляется прокуратурой в суд и судом прекращается, это значит, что прокуратура занимается исключительно показушной, не нужной обществу и налогоплательщикам работой, зря тратит наши с вами деньги. Такая «работа» прокуратуры направлена исключительно на цели собственного воспроизводства, призвана имитировать бурную деятельность.

С такой практикой, когда с целью создания видимости большого числа расследованных и направленных в суд уголовных дел сотрудниками милиции под руководством прокуратуры в больших количествах фальсифицируются уголовные дела об оскорблениях сотрудников милиции, я столкнулся только в Канавинской прокуратуре. В Шахунской прокуратуре такими делами не занимаются. Так, за два с половиной года моей работы в Шахунском районе только одно или два подобных преступления (статья 318 УК РФ) было совершено. И это реальный показатель количества подобных преступлений, именно столько – одно или два за год, совершается их в действительности. В Канавинском же районе в 2004 и 2005 гг ежемесячно возбуждалось более двадцати уголовных дел по фактам оскорблений сотрудников милиции. Это говорит о том, что большинство этих дел сфальсифицированы.

Хотя в Шахунье изобрели свой способ отчетной игры. Недостающее число уголовных дел расследуют от имени заместителей прокурора района следователи РОВД и от имени же заместителей прокурора направляют дело в суд. Сами заместители прокурора лишь расписываются в процессуальных документах в нужных

местах, как будто это они сами их и составили. Что показательно – у суда по этому поводу не возникает ровным счетом никаких вопросов. Ежемесячно прокуратура направляет в суд минимум по четыре таких дела (направлять в суд четыре дела на прокуратуру сверх дел, расследованных и направленных прокурорскими следователями требует прокурор области Демидов). И все четыре дела расследованы разными следователями милиции, соответственно протоколы допросов, другие документы написаны разным почерком, но подписи везде одинаковые – заместителя прокуратуры. При самом поверхностном сравнении двух таких дел становится абсолютно очевидно, что заместитель прокуратуры, от имени которого эти дела направлены в суд, эти дела не расследовал. Суд это абсолютно не волнует. Это наглядно демонстрирует отношение суда к нарушениям закона, допускаемым прокуратурой: суд эти нарушения не интересуют и он допускает любые прокурорские махинации. Показательно и отношение следователей милиции. Никто из них ни слова не возразил на абсолютно незаконное и более того, аморальное требование прокурора района. Следователи милиции безропотно выполняют негласное указание расследовать дела от имени заместителей прокурора, то есть работают вместо прокурора и его заместителей (сравните при этом зарплату в милиции и зарплату прокурора). Первые один-два месяца, после того, как придумали такой способ «работы», в Шахунской прокуратуре еще опасались, что кто-нибудь из милицейских следователей будет возмущаться и напишет жалобу Демидову. Однако прошел месяц, два, и никто даже слова не посмел сказать против. Любой протест может привести к незаконному преследованию и в конечном счете к увольнению. Потерять же работу сотруднику милиции сегодня – это значит умереть с голоду. Именно осознание этого факта и заставляет их молчать, как и всех остальных, вовлеченных в эту систему.

Применяются и более мягкие, более «безобидные» способы фальсификации, опять же связанные, с одной стороны, со стремлением облегчить и уменьшить размер собственной работы, и с другой стороны, создать выгодную отчетность. Это случаи заниженной или завышенной квалификации преступлений.

Когда я только еще пришел на работу в прокуратуру, я очень удивился тому, как много в производстве следователей прокуратуры уголовных дел, возбужденных по части четвертой статьи 111 УК РФ. Насколько мне было известно из курса уголовного права, преподаваемого в университете, это преступление – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК РФ) – очень специфическое, встречается редко, поскольку характеризуется сложной субъективной стороной состава преступления, а именно двойной формой вины: необходимо установить, что виновный действовал с умыслом лишь на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему, а смерть наступила в результате неосторожности виновного. На практике же это преступление у нас встречается очень часто, уголовные дела по этой статье возбуждаются гораздо чаще, чем по статье 105 УК РФ «Убийство». Ситуацию прояснил ст.следователь Арефьев. С присущим ему цинизмом он объяснил, что если в случае обнаружения трупа с признаками насильственной смерти возбудить дело по статье 105 УК, а именно по части первой этой статьи, то после этого, когда будет установлен виновный, велика вероятность того, что придется переqualифицировать действия виновного с части первой на часть вторую статьи 105 УК. Часть вторая статьи 105 УК РФ предусматривает ответственность за убийство с отягчающими обстоятельствами, к которым, в частности относится убийство, совершенное группой лиц, убийство из корыстных побуждений, с целью скрыть другое преступление, сопряженное с изнасилованием и др. Все эти обстоятельства могут быть неизвестны на момент возбуждения уголовного дела, но фактически распространенность их очень велика, и поэтому если первоначально дело

возбудить по ч. 1 ст. 105, то по мере установления этих обстоятельств нужно будет переходить на ч. 2 ст. 105 УК. Дела по части второй ст. 105 в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом относятся к подсудности областного суда. То есть такое уголовное дело придется направлять не в районный, а в областной суд. Областной же суд предъявляет более строгие требования к качеству расследования, к качеству материалов уголовного дела. Выполнение этих требований контролирует областная прокуратура. Дела, подсудные областному суду необходимо ежемесячно представлять на проверку надзирающему прокурору в областной прокуратуре, и как правило, надзирающий прокурор обязательно найдет недостатки в этом деле. Причем недостатки могут быть чисто условными, легко исправимыми, например, следователь забыл расписаться на протоколе, или не проставил на протоколе дату, или дело подшито неправильно, но за любые недостатки следователю легко могут объявить выговор и лишить надбавок к зарплате. Сама проверка дела в областной прокуратуре может доставить массу неудобств, поскольку нужно самостоятельно доставить дело из района (наш сельский район был весьма удаленным), что занимает целый рабочий день, проверка из-за волокиты самого надзирающего прокурора может продолжаться очень долго, так в нескольких случаях в моей практике надзирающий прокурор проверял дело более месяца, все это время дело находилось у него, а мне приходилось проводить расследование не имея на руках материалов уголовного дела. Продление сроков следствия, продление сроков содержания под стражей также нужно согласовывать с областной прокуратурой, хотя это и не предусмотрено УПК РФ, однако такие требования предъявляет областная прокуратура. При согласовании продления сроков также легко получить выговор и лишиться надбавок за «волокиту» при расследовании, а волокитой областная прокуратура считает любые сроки свыше двух месяцев (взыскания при этом, конечно же, применяются крайне выборочно, в основном к неугодным сотрудникам, которых хотят наказать, например, за принципиальность). Кроме этого, существуют и психологические неблагоприятные факторы: в областной прокуратуре проверяющий всегда стремится указать следователю на его подчиненное положение, унижить его психологически, продемонстрировать свою незаменимость, «мудрость» своих указаний и глупость, никчемность следователя. Всего этого легко избежать, если преступление будет квалифицировано по статье, которая не относится к подсудности областного суда. Таковой статьей и является часть четвертая статьи 111 УК РФ. Арефьев привел мне пример, когда по ч. 4 ст. 111 было квалифицировано такое преступление: группа мужчин похитила девушку, ее изнасиловали, после чего она пыталась выбраться из квартиры, расположенной на верхнем этаже многоквартирного дома, но разбилась. Очевидное несоответствие деяния виновных и статьи, по которой они были привлечены к уголовной ответственности, позволило следователю избежать ненужных хлопот при расследовании дела. Именно по этой причине и применяют данную статью во всех возможных случаях. Так, в случае обнаружения трупа и возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК впоследствии может выясниться, что убийство было совершено не одним, а двумя виновными, а это уже квалифицирующее обстоятельство - «группа лиц», вызывающее необходимость переквалификации действий виновных на ч. 2 ст. 105 УК. Если же первоначально дело было возбуждено по ч. 4 ст. 111 УК, то даже если будет установлено, что преступление совершено группой лиц или имеются иные квалифицирующие обстоятельства, то на часть вторую ст. 105 следователь уже не переходит, такова сложившаяся следственная практика. Квалификация по ч. 4 ст. 111 УК позволяет как бы не замечать эти обстоятельства, они могут быть приведены в обвинительном заключении в качестве отягчающих ответственность, но на подсудность дела это не влияет, дело направляется в районный суд. В некоторых

случаях о наличии отягчающих обстоятельств, могущих повлечь необходимость квалификации по части второй ст. 105 УК уже известно следователю к моменту возбуждения уголовного дела из оперативной информации, однако желание избежать областной подсудности и связанных с этим неудобств вынуждает следователя квалифицировать деяние по ч. 4 ст. 111 УК.

Другой вариант злоупотреблений при квалификации преступлений – это квалификация с запасом, то есть квалификация деяния по статье о более тяжком преступлении с расчетом на применение более мягкого закона судом. Например, по ст. 105 ч. 1 «убийство» вместо ст. 109 ч.1 УК «причинение смерти по неосторожности».

Квалификация с запасом связана, во-первых, с уголовно-процессуальным принципом запрета поворота к худшему в суде. Если суд придет к выводу, что действия виновного подлежат квалификации по статье УК, предусматривающей более суровую ответственность, то в соответствии с УПК РФ 2001 г возникает двойственная ситуация: либо суд должен прекратить дело за отсутствие «заниженного» состава преступления, либо осудить по этой статье. Вернуть дело на дополнительное расследование, как это было до 2002 года по старому УПК РСФСР, суд не может. Поэтому следователь вменяет виновному часть 1 статьи 105 – убийство, вместо вполне возможной ч. 1 ст. 109 – причинение смерти по неосторожности. Если в суде не хватает доказательств, чтобы доказать умысел на убийство, то перейти на статью 109 о причинении смерти по неосторожности в суде можно, а наоборот уже нельзя.

Также квалификация с запасом применяется и в тех случаях, когда следствию необходимо подстраховаться на случай развала дела в суде. Основное доказательство сегодня – это признательные показания обвиняемых. Поэтому так велика вероятность того, что в суде дело может «развалиться», поскольку обвиняемый (подсудимый) в суде откажется от ранее данных показаний. Поэтому обвиняемому вменяются другие, дополнительные статьи. Например, если по делу об изнасиловании доказательств вины обвиняемого явно недостаточно, то кроме статьи 131 «изнасилование», ему еще вменяют и статью 213 «хулиганство». Не удастся доказать изнасилование, посадим за хулиганство, благо размытая и неопределенная формулировка статьи 213 УК РФ, особенно до внесения в нее изменений в 2003 году, это часто позволяет. Такая ситуация у меня возникла на практике по тому же делу, по которому мне советовали сфальсифицировать заключение криминологической экспертизы. Прокурор опасался, что обвинение в изнасиловании в суде не пройдет, и поэтому дал мне прямое указание добавить обвиняемому в изнасиловании еще и обвинение в хулиганстве (в суде, однако, произошло все наоборот: виновного осудили за изнасилование, а надуманное обвинение в хулиганстве суд снял). В целом такая ситуация позволяет сделать вывод о том, что оправдать человека гораздо страшнее для этой системы, чем наказать за преступление, которое он не совершал. Такова горькая правда российской прокурорской, а отчасти и судебной системы.

Вот такая ситуация: прокуратура успешно строит свою «потемкинскую деревню», а от мешающих ей это делать избавляется. Всему этому можно найти объективные подтверждения, все описанные мною ситуации либо отражены в материалах уголовных дел, либо в материалах проверок, переданных в архивы, данные об искажении статистической отчетности имеются в журналах регистрации уголовных дел и других документах.

Циники могут возразить, что без статистики невозможно оценить деятельность сотрудников правоохранительных органов. Однако это утверждение ложно. А.Д. Назаров приводит сведения о том, что, например, «в системе полиции и жандармерии Германии и Австрии нет пресловутых показателей «вала» раскрытых дел (раскрываемости), расследованных дел, направленных в суд, выявленных преступлений

– всего того, что составляет основу деятельности российских милиционеров (и прокуроров – А.П.), их финансовое и карьерное благополучие. В Германии и Австрии другой критерий оценки деятельности полиции и жандармерии: не лукавая статистика, а результаты независимого аудита об уровне доверия граждан своей полиции и жандармерии, которые оказывают именно им в первую очередь услуги безопасности»³. Именно такой способ контроля деятельности правоохранительных органов позволяет избежать, во-первых, применения незаконных методов расследования преступлений, и во-вторых, фальсификации отчетности с целью «улучшить» показатели и скрыть допущенные нарушения.

В России же существующая отчетная система упорно поддерживается государственной властью от советского до настоящего периода. Да, именно государственной власти России со всей ее спецификой, отличающей ее от власти в демократических странах (к каковым, к сожалению, Россию отнести нельзя) выгодна существующая система отчетности. Эта система позволяет как угодно манипулировать статистическими данными, имитировать любой приемлемый для власти уровень преступности. Именно на уровне высшей государственной власти создается и претворяется в жизнь соответствующая политика деятельности правоохранительных органов в сфере уголовной статистики. Эта политика двойного стандарта.

Один из виднейших ученых-юристов С.Ф. Милуков справедливо отмечает, что «современная уголовная политика в целом и уголовно-правовая политика в частности выглядит непоследовательной, противоречивой, неискренней, а подчас откровенно слабой. С одной стороны провозглашается приоритет защиты личности и ее неотъемлемых прав и свобод, объявляется война преступности, а с другой стороны преступники давно не чувствовали себя так вольготно в стране, открыто попирая правовые установления и эксплуатируя широкие слои населения». С.Ф. Милуков в качестве причины слабости государственной уголовной политики видит всеобъемлющую коррумпированность политических институтов России. «На этом фоне, - отмечает ученый, - становятся объяснимыми чрезвычайно низкие показатели регистрации случаев взяточничества – коррумпированное государство не может и не хочет выявлять и изживать собственные язвы».⁴

Направление уголовной политики не может не соответствовать общему направлению государственной социально-экономической политики России, которое характеризуется такими негативными явлениями, как массовый вывоз капитала, крайне низкий уровень инвестиций в основные фонды, крайне низкая оплата труда, свертывание системы социальных гарантий, разрушение научно-производственного и интеллектуального потенциала на фоне обогащения тонкой привилегированной прослойки. За годы реформ Россия по уровню развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям – в дореволюционный период, проводимые реформы негативно повлияли на демографические процессы и здоровье населения, производство и потребление продуктов питания, благосостояние населения, промышленность и строительство, сельское хозяйство России⁵. В таких условиях единственный способ для власти удержаться в своих креслах – это создать видимость благополучия, и надежным, проверенным временем способом достижения этого

---

³ Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – СПб.: Юридический центр пресс, 2003. С. 245

⁴ Милуков С.Ф. О некоторых параметрах современной уголовно-правовой политики. // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Выпуск 2 (4). Государство и право: итоги XX века. Н.Н.: Изд-во ННГУ, 2001. С. 177 - 179

⁵ Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: экономические реформы в России 1991 – 2002 гг. – М.: Эксмо, 2004. С. 6,

является фальсификация статистических показателей, в том числе и показателей, относящихся к уголовной статистике.

Вот почему стремление выслужиться или избежать неприятностей по службе является вторичным фактором в сложившейся практике тотальной фальсификации статистической отчетности. На первом месте в числе причин фальсификации статистических показателей стоит установленная самим государством, современным высшими органами власти России политика создания *благополучной видимости*, а не грустной действительности.

Действительно, ведь прокуратура периодически привлекает как к дисциплинарной (в основном своих сотрудников), так и к уголовной (в основном сотрудников поднадзорных органов внутренних дел) ответственности за различные случаи фальсификаций. Районные прокуроры занимаются фальсификацией с постоянной оглядкой на областную прокуратуру, которая делает вид, что не замечает очевидных нарушений. Реакция следует в тех случаях, когда фальсификация становится по тем или иным причинам достоянием гласности, например, в результате журналистских расследований и газетных публикаций, как это было в случае с моей статьей в газете «Новое дело». Тогда к дисциплинарной ответственности привлекли прокурора Канавинского района Андропова и его заместителей и прокурора Шахунского района. Однако во всех остальных случаях, когда о нарушениях известно лишь внутри прокуратуры, никаких негативных последствий нарушения порядка статистического учета преступлений не влечет, а наоборот, негласно приветствуется вышестоящим руководством. Рядовые сотрудники поставлены в ситуацию, когда несогласие со сложившейся системой работы и отчетности грозит увольнением из системы этих органов. Рядовой сотрудник вынужден заниматься фальсификацией, а в иных случаях идти и на более серьезные нарушения, такие как фальсификация доказательств, принуждение к даче показаний, что уже подпадает под признаки соответствующих преступлений. При этом он должен следить за тем, чтобы незаконные способы его деятельности не стали известны общественности. Также он должен быть готов к тому, что периодически вышестоящие прокуратуры будут проводить показательные проверки, и если он попадет на фальсификациях в ходе одной из таких проверок, его подвергнут дисциплинарному взысканию, причем вместе с прокурором района, где эти нарушения будут установлены. Проверки эти показушные и репрессии применяются в основном к негодным сотрудникам, но так или иначе, к возможному взысканию за нарушения правил отчетности должен быть готов любой сотрудник. И вместе с этим он не может эти правила не нарушать, поскольку это общая политика деятельности правоохранительных органов. В случае явного противостояния существующей политике он будет уже уволен из органов, причем поводом для увольнения может быть что угодно, в том числе и сфабрикованные ложные основания. Вот такая система двойного стандарта. Пожалуй, с помощью нормального рационального мышления понять эту систему было бы невозможно. Только глубокое понимание извращенной современной российской действительности может позволить понять и саму эту систему, с ней прямо связанную.

О сложившейся ситуации говорят уже сами представители системы правоохранительных органов. Так, подтверждение выводов, сделанных мной выше, можно найти в работе «Уголовная статистика: обеспечение достоверности» Р.В.Скоморохова, ст.преподавателя кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, и В.Н.Шиханова, ст.инспектора ГУВД Иркутской области (книга вышла в независимом издательстве «Волтерс Клувер» в 2006 году небольшим тиражом – всего тысяча экземпляров, что также показательно), в которой указанные авторы применительно к системе органов внутренних дел

указывают: «Система в целом не заинтересована показывать реальные изменения преступности, так как это закономерно влечет негативные последствия для ее сотрудников. Возникает парадоксальная ситуация, при которой укрытие преступлений от учета, манипулирование статистикой (некорыстные должностные преступления) являются положительными для системы ОВД ввиду того, что основаны на естественном самосохранении, а значит, адаптации к сложившейся ситуации, хотя и делинквентны для общества в целом. Так происходит деформация ОВД как социального института»; выдвинутые положения справедливы и для других правоохранительных структур, заинтересованных в выгодных статистических показателях, в том числе и органов прокуратуры⁶.

Таким образом, основной причиной фальсификации статистических показателей в сторону их «улучшения» является сама существующая отчетная система работы правоохранительных органов, а не «злой умысел» отдельных нерадивых сотрудников. Система не ориентирована на отражения *качества* работы сотрудников, она не ориентирована на отражение *реального* состояния борьбы с преступностью. Тех же сотрудников, которые не согласны с существующей системой, она из себя исключает.

Глава 3. Waiting for the Worms

Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», - думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого.

Л.Н. Толстой. После бала

The Worms. Кто они? Каждый день мы видим их или лично или на экране телевизора. Они всегда выглядят вежливыми и компетентными, они кажутся глубоко озабоченными некими важными и полезными делами и вместе с этим всегда улыбаются. Они дадут вам ответ на любой вопрос, но из их ответа вы ничего для себя не узнаете. Однажды, еще в начале моей работы, мне нужно было изъять у одного подозреваемого одежду для производства экспертизы, но я не знал, как это лучше оформить, как выемку или как обыск при задержании, и с этим вопросом я обратился к ст.следователю Шахунской прокуратуры Арефьеву. Арефьев удивленно посмотрел на меня и ответил: «Я никогда ничего сразу не оформляю. Просто изымай у них все подряд, потом оформишь. А им скажи: «Мы изымаем ваши вещи в качестве вещественных доказательств. Все это будет оформлено *процессуально*», - на последнем слове он сделал ударение и произнес его так многозначительно, что я просто изумился, а вместе с этим и невольно рассмеялся. Дело в том, что, произнося эту фразу, Арефьев принял такой суровый и величественный вид, он высоко поднял голову, выставил правую ногу вперед, выпятил живот, и при этом говорил таким важным и многозначительным тоном, что я на себе испытал то впечатление, которое должен был бы испытать бедный подозреваемый, к которому должна была бы быть обращена эта тирада – это было чувство изумления, страха и невольного доверия и покорности. Действительно, как все гениально и просто: вместо того, чтобы ломать голову, как правильно оформить следственное действие, как не нарушить права задержанного, достаточно лишь сделать вид, что ты все знаешь и все делаешь правильно. Если не знаешь, как делать, делай так, как будто так и надо. Главное, чтобы другой об этом не

⁶ Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 46

догадался, поэтому его нужно просто ошеломить важным видом и загадочным и многозначительным словом (*процессуально(!)*). Вот так. Такова их сущность. Их сущность – это одна лишь *видимость*.

Мой бывший наставник, старший следователь Ю.А. Арефьев тоже из Н.Новгорода был направлен в Шахунью. Но здесь было не так все просто. Его папа – начальник крупного нижегородского ведомства, на средства этого ведомства в 2003 году был выпущен шикарно оформленный сборник, посвященный юбилею создания прокуратуры, в котором восхваляются нынешние руководители прокуратуры Нижегородской области. Так вот, этому моему коллеге за счет прокуратуры в собственность была предоставлена двухкомнатная квартира, он был повышен в должности (за один год – до старшего следователя, за два года – до следователя по ОВД областной прокуратуры; как мне сказал один следователь милиции, иные работают пятнадцать лет, а их и до старшего следователя не повышают), ему был выделен служебный автомобиль «Соболь» с личным водителем, отведен отдельный кабинет в помещении Шахунского РОВД, оборудованный видеомagneфоном, телевизором, его обеспечили новейшим компьютером-ноутбуком, цифровой фотокамерой и портативной видеокамерой, всеми средствами связи. Всего на его содержание (не считая зарплаты, конечно) было дополнительно израсходовано около трех миллионов рублей. Вот такова разница между двумя сотрудниками одной и той же прокуратуры. Такое повешение Арефьев заслужил, якобы, по результатам работы за 2003 год, хотя за тот же год мои показатели работы были практически аналогичны показателям работы Арефьева, мною было направлено в суд всего на два уголовных дела меньше, чем им, но при этом, в отличие от него, направленные мной в суд уголовные дела ни разу не прекращались судом, что является высоким *качественным* показателем. Его же дела несколько раз прекращались судом за отсутствием состава преступления, то есть несколько раз Арефьев направлял в суд дела в отношении заведомо невиновных лиц. Как же ему удалось стать «лучшим следователем»? Секрет в том, что ему удалось создать видимость хороших показателей, выиграть в отчетной игре.

После того, как на предложение Арефьева сфальсифицировать доказательства по тому делу об изнасиловании я ответил категорическим отказом, Арефьев стал рассматривать меня в качестве своего врага, а возможно, и как врага всей этой системы в целом. Ведь он очень быстро вжился в роль «прокурора», говоря о своей работе, о своих делах он почти всегда говорил «мы», не «я задержал, арестовал, и т.п.», а «мы арестовали» или «у нас арестовали», таким способом он подчеркивал, что его действия выражают волю прокуратуры в целом. В этом не было бы ничего плохого, если бы не содержание тех действий, той работы, которую он делал и о которой я еще расскажу. Как мне стало известно, он не раз клеветнически отзывался обо мне перед руководством областной прокуратуры. По работе он стал мне всячески препятствовать, унижительно отзывался обо мне перед сотрудниками милиции, настраивал против меня всех, с кем он взаимодействовал.

Однажды мы с ним о чем-то спорили, как говорится, «за жизнь» и я в связи с чем-то сказал ему: «но ведь люди должны помогать друг другу». «Леша, - ответил тот поучительно и снисходительно, - у нас здесь не секта, и тебе здесь никто ничего не должен. Каждый сам за себя. Человек человеку волк». Вот такая у него философия. Помогать другим он считает признаком секты! «У нас» в его устах значило в прокуратуре в целом, то есть в прокуратуре является правилом «никто никому ничего не должен» и «человек человеку волк»! Самое интересное, что когда его повысили в должности, то ему в обязанности, а на него возложили полномочия прокурора-

криминалиста по северному региону Нижегородской области, вменили *помогать* молодым следователям в их работе.

Все, подслушанное им из моих уст в адрес начальства, тут же доводилось им до адресата. Так, однажды у нас в конторе закончился картридж у ксерокса, и прокурор поручил заместителю картридж заменить. Прошла неделя, прошла вторая. Мне и другим прокурорским сотрудникам приходилось ходить копировать документы в отделение милиции, хотя милиция победнее будет, чем прокуратура. Копируя однажды документы в кабинете у следователя в РОВД я высказался, что если бы заместитель исполнял свои обязанности должным образом, нам бы в милиции копировать бумаги не приходилось. Рядом стоял и Арефьев, который тоже зашел отксерить что-то. Уже тем же вечером меня к себе вызвал заместитель и стал весьма обиженно спрашивать, «что он мне обязан сделать»? И это не единственный случай его доносов. Заметьте, кстати, внутреннюю логику этой ситуации: один халатно относится к поручению, из-за чего страдает работа целого коллектива, другой ведет себя безнравственно наушничая и сплетничая, а виноватым оба видят меня, открыто сказавшего об их поведении.

Или вот другой пример, демонстрирующий то, как Арефьев осуществляет принципы своей жизни, названные выше, на практике. Однажды зимой я заболел. Поднялась высокая температура. Жил я тогда в студенческом общежитии. На работу пойти утром не смог. В общежитии был телефон-автомат, карточек же не было, поэтому позвонить можно было только в дежурную часть милиции «02», что я и сделал, попросив дежурного передать мне на работу и позвонить в Н.Новгород матери, чтоб приехала, помогла. Два дня я провалялся в постели с высокой температурой. Приехала моя мама, которая нашла где я живу с большим трудом. Зайдя ко мне на работу, она обнаружила, что меня по сути дела никто не хватился, где я нахожусь, никто в прокуратуре не знает, все заняты исключительно собой и своими делами. Через дежурную часть милиции, где были мои координаты, она меня и нашла в этом чужом для нас городе. Я был в очень плохом состоянии, однако остаться она не могла, так как жить тут ей было негде. Вечером того дня, когда она уехала, ко мне приехал наш старший следователь. Я услышал, как подъехала машина, потом в дверь вошел он. Не подходя ко мне, не поздоровавшись, не спросив даже о самочувствии, не проходя дальше порога, он сказал, глядя при этом на меня сверху вниз: «Алексей, ты бы пришел, свои дела собрал и передал мне...» Я приподнялся на локтях на кровати, и сказал: «Ладно, приду...» Тот, не говоря больше ни слова, повернулся и вышел, я услышал, как хлопнула дверца машины и он уехал. Я то надеялся, что он меня довезет на машине до работы, но куда там. Мне пришлось с большим трудом, с высокой температурой, по морозу, который от моего озноба казался еще сильнее, почти теряя сознание и держась за заборы, добираться по заснеженным деревенским улицам до работы, а потом также возвращаться обратно.

Однажды у старшего следователя Арефьева появился компьютер. Оказывается, он узнал, что начальник одного отдела в областной прокуратуре любит самовары. Тогда он подарил ему самовар, добавил бутылку коньяка и взамен ему был выделен компьютер.

В маленьких городах все преступления быстро приобретают огласку. Однажды в 2003 году мне стало известно, что возбуждено уголовное дело в отношении директора Шахунского МПО ЖКХ. Дело это было возбуждено прокуратурой в обстановке секретности, об этом не знал даже я, будучи следователем той же прокуратуры и узнал об этом случайно из разговора с одним посетителем, свидетелем по одному моему делу. Однако через два месяца Арефьевым это дело было прекращено. Этот директор на муниципальные деньги выучил в нижегородском вузе свою дочку. Основания прекращения уголовного дела были такими: «...в действиях Н.Н. формально

усматриваются признаки преступления... (однако) ... Шахунское МПО ЖКХ – предприятие с многомиллионными оборотами, приносящее ежегодную прибыль в среднем 4 182 000 рублей, поэтому размер ущерба, причиненного Шахунскому МПО ЖКХ действиями Н.Н. (около 43 тысяч рублей) не является для предприятия существенным...». На этом основании дело было прекращено. Что ж, многомиллионные доходы муниципального предприятия, которое его директор, видимо, рассматривает как свою вотчину, возможно, были упомянуты не случайно. Я решил поговорить с Арефьевым о том, почему он прекратил это дело, однако этот разговор только усилил его враждебное отношение ко мне.

Возможно, это дело и возбуждалось только затем, чтобы оказать воздействие и подчинить интересам прокурора того начальника. Невозможно, не будучи заинтересованным в освобождении директора от уголовной ответственности, прекратить дело по такому основанию. Дело по сути прекращено ввиду малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Подумайте только, 40 тысяч рублей – это малозначительная сумма ущерба! Я сам теперь как преподаватель уголовного права в вузе рассматриваю со студентами тему «малозначительность деяния» и студенты меня спрашивают, сколько конкретно, кокой размер похищенного в рублях можно считать малозначительным? Ведь даже за одну украденную бутылку водки у нас дают реальный срок. Может, менее одного МРОТ? Но ведь даже за хищения в размере менее одного МРОТ законом предусмотрена административная ответственность за мелкое хищение! Десять, двадцать рублей? Когда я говорю, что у нас малозначительным ущербом может быть и сорок тысяч рублей, это зависит от того, *кто* украл, то для студентов, уже сталкивавшихся с нашей «правовой» действительностью дополнительных комментариев уже не требуется. «Никогда не ругайся с *начальством*» – говорил мне Арефьев. Впоследствии руководство МПО ЖКХ отплатило им той же услугой, оно было использовано прокурором в борьбе против меня: в материалах служебной проверки по факту «снятия лампы» (см. Гл. 7), появилось сфабрикованное объяснение некоего старшего энергетика МПО, который, якобы, в то же утро, когда я вознамерился снять лампу, лично вдруг явился в прокуратуру (старший энергетик, а не простой электрик пришел менять лампу!) и, якобы, предупредил меня, что делать этого нельзя, это, якобы, опасно для моей жизни. Не простой электрик, а сам главный энергетик вдруг озаботился моей безопасностью. Объяснение было написано почерком заместителя Шахунского прокурора Золотова А.Н. Решение о моем наказании было основано в значительной мере на этом объяснении, в обосновании приказа о моем наказании было, в частности, указано, что я «создал угрозу своей жизни», и за это меня надо наказать. Вот и решайте, является ли мой вывод о коррумпированности руководства МПО ЖКХ и Шахунской прокуратуры домыслом, либо это очевидный факт.

Администрация Шахунского района и до этого случая совершала незаконные операции с крупными государственными средствами. В 1994 году глава администрации Шахунского района Ю.И. Лебедев был назначен губернатором Б.Немцовым первым вице-губернатором. При переезде из Шахуньи в Н.Новгород Лебедев за счет средств администрации Шахунского района приобрел в собственность 4-х комнатную квартиру в Н.Новгороде стоимостью 260 миллионов рублей. Об этой афере писала местная пресса (Сделка, или о старой истории с новыми подробностями // Н.Симаков. Сборник статей, очерков, репортажей., Н.Н., 2001), однако никакой реакции со стороны правоохранительных органов в отношении мэра не последовало. В 2002 году, когда я появился в Шахунье, в администрации района сидели те же чиновники, например, В.Буркова, которые участвовали в этой «сделке».

За время работы я познакомился с помощником депутата госдумы С.Н.Комаровым, который тогда добивался уголовного преследования директора Шахунского ПАП, долгое время не платившего рабочим зарплату и распорядившегося имуществом муниципального предприятия как своей собственностью. Работникам этого предприятия удалось добиться возбуждения уголовного дела, но через два месяца дело было приостановлено. Расследовал дело опять же ст.следователь Арефьев, и мне не удалось даже мельком увидеть это дело, все материалы держались в секрете. Учитывая, что дело приостановили, фактически прекратили, то такая секретность и не удивительна, наверняка, история была аналогичной истории МПО ЖКХ, и нужно было скрыть очевидную незаконность освобождения виновных от уголовной ответственности. От С.Н.Комарова я узнал, что по его сведениям глава администрации Шахунского района Смирнов В.Н. распределил среди своих родственников и знакомых около 500 квартир в Шахунье. По этому факту вообще не проводили никакой проверки.

Также я был свидетелем, как проводилась проверка по одному обращению рабочих Шахунского лесхоза, тоже муниципального предприятия. В прокуратуру поступило коллективное заявление рабочих, в котором говорилось, что директор лесхоза не выплачивает рабочим зарплату, создал собственную коммерческую фирму по заготовке и продаже леса, использует в личных корыстных целях транспорт предприятия для транспортировки леса по нуждам своей фирмы, за бесценку распродает имущество лесхоза. Проверку поручили М.А. Арефьевой, жене Арефьева, работавшей помощником прокурора. Мне удалось ознакомиться с материалами этой проверки. Проверка пошла по интересному пути. Проверяться стали не факты, изложенные в заявлении, а самих заявителей. Директор предприятия был ознакомлен с заявлением и заявил, что подписи рабочих в заявлении поддельные. Далее в материалах проверки были подшиты написанные корявым почерком, явно под диктовку заявления рабочих, в которых они отказывались от своих подписей и от заявления в прокуратуру. Некоторые заявления были адресованы на имя прокурора, а некоторые – на имя директора предприятия, на которого они ранее жаловались. Вот так инцидент был исчерпан. Какое мнение сложится у рабочих о прокуратуре после такой «проверки» - вполне очевидно, по крайней мере, положительным является то, что они лишатся иллюзий в своих надеждах на справедливость.

Методы работы и вообще мировоззренческие взгляды в целом у четы Арефьевых одинаковые. Сам Арефьев ни от кого не скрывает, что брак его исключительно по расчету. Однажды он сказал мне, что рассматривает свою жену просто как рабыню. Во второй раз, после начальника отдела кадров прокуратуры Лазарева, мне пришлось тогда столкнуться с таким вот рабовладельческим мировоззрением прокурорских работников. Если руководящие прокурорские сотрудники относятся как к рабам к собственным нижестоящим работникам, к своим женам, то как же они тогда относятся к простым гражданам!?! Ответ также очевиден.

Основной работой следователя прокуратуры и основной строчкой отчетности прокуратуры является расследование уголовных дел. Как же делается эта работа? У меня есть видеозапись, сделанная случайно, где Арефьев делится «секретом» того, как же ему удается так ловко раскрывать преступления. Секрет этот – в пытках подследственных. При этом сам он нигде не «светится», всю черную работу поручает оперативникам из уголовного розыска. Практически по всем делам, которые от него переходили мне, обвиняемые жаловались на пытки со стороны оперативников. Однако оперативники были всего лишь исполнителями. Причем Арефьев действовал так не из-за собственной «испорченности», а в русле верно усвоенной им «политики» руководства прокуратуры. Хорошо это иллюстрирует один пример. Однажды для помощи в раскрытии убийства из прокуратуры области приехали руководители отдела

криминалистики и вместе с Арефьевым выезжали для работы. Потом, через несколько месяцев, дело, проволокиченное Арефьевым, передали мне. Обвиняемый, когда я встретился с ним, спросил меня, кто же были те люди, которые приезжали к ним в поселок его задерживать. Я ответил, что это были прокуроры-криминалисты, они приезжали помогать в раскрытии преступления. «Да, я помню, как они помогали, - усмехнулся обвиняемый, - до сих пор бока болят...».

Я хочу рассказать о некоторых уголовных делах, который расследовали как я, так и Арефьев, и из этих историй станет вполне ясно, каким образом прокуратура занимается расследованием преступлений.

Одним из моих первых дел было дело об убийстве водителя такси на проселочной дороге его пассажирами. Это дело начинал я, но в начале я расследовал его только один день, первый день, когда поймали подозреваемого в убийстве – цыгана по имени Граф. Уже к вечеру Графа избили. Я об этом узнал уже после, об этом мне рассказали сами оперативники. Когда Графа привезли в отдел милиции, то его от меня попросту забрали и заперли в кабинете сотрудники уголовного розыска. Раскрытие преступления, а под «раскрытием» понимается получение признания задержанного, относится к деятельности уголовного розыска, для них это основная строчка отчетности. При получении признания, в том случае, когда оно достигается путем побоев, могут присутствовать лишь те сотрудники, которые одобряют такие методы. Мне оперативники в этом плане доверять не могли, поэтому просто выставили меня, попросили удалиться. К сожалению, тогда я был еще очень молодым сотрудником и, возможно, из-за собственной слабости не мог им ничего возразить по этому поводу. Но кроме этого, тогда пытки подозреваемого мне казались нежелательным, но обоснованным средством. Я считал, что это нужно, иначе он «не сознается». Таких взглядов придерживаются или вынуждены придерживаться все сотрудники правоохранительных органов, это профессиональная деформация, которую вызывает существующая система их работы. Только со временем ко мне пришло понимание того, что пытки недопустимы, незаконны, преступны, аморальны, они не нужны для следователя-профессионала и соображения эффективности в данном случае полностью неприемлемы. Хорошо, что это произошло практически сразу, и уже со следующего моего уголовного дела я запрещал оперативникам даже встречаться с задержанным без моего ведома, и ни один мой задержанный не страдал от побоев или каких-либо других пыток. Но тогда, в первый раз с этим столкнувшись на практике, я отнесся к этому терпимо. Более того, в отделение милиции после задержания Графа приехал сам прокурор района проконтролировать нашу работу, и дал операм указание самостоятельно получить признание задержанного. «Пусть он сначала признается, а потом следователь придет и его допросит» – так сказал прокурор, и я оставил задержанного одного с оперативниками. Вечером они передали мне «явку с повинной» и я стал после этого допрашивать подозреваемого. На лице у него были красные пятна, как я понял, следы от побоев. Я рассказал об этом Арефьеву, который на следующий день должен был допрашивать Графа в присутствии адвоката и проводить проверку показаний с записью на видеокамеру. Я боялся, что адвокат увидит следы побоев, а на видео они будут заметны. «У него все лицо красное, так его отделали» - сказал я. Арефьев усмехнулся и сказал: «Что же это они так неаккуратно». Никакой озабоченности по этому поводу он больше не выразил. И действительно, назначенный «бесплатный» адвокат не предпринял никаких действий, хотя и видел следы побоев, а проверку показаний провели пару дней спустя, когда следов уже не было видно. В суде Граф заявлял о том, что его били, и что показания он дал под принуждением, однако ничего этим не добился. В таких случаях суд формально проверяет заявление подсудимого: в качестве свидетелей вызывают следователя и оперативников и

допрашивают в судебном заседании. После того, как они подтвердят, что, естественно, обвиняемого не били, проверка считается законченной и к жалобам подсудимого суд больше не возвращается.

Дело передали Арефьеву на следующий день, и я против этого не возражал, поскольку дело было областной подсудности, в этих случаях к расследованию областной прокуратурой предъявляются повышенные требования, имеется указание прокурора области поручать расследование этих дел наиболее опытным сотрудникам, а я тогда еще только начинал работать, Арефьев же работал уже второй год и был опытнее меня. Но после четырех месяцев вялотекущего расследования дело снова передали мне.

Поскольку это было дело областной подсудности, то я наивно ожидал, что все материалы его будут безупречными. Однако в деле не оказалось практически ни одного протокола допроса свидетелей, выполненного Арефьевым. Почти все протоколы, а их было около двадцати, были выполнены сотрудниками милиции. При этом в деле не было ни одного поручения следователя о проведении отдельных следственных действий (то есть тех самых допросов, которые вместо следователя прокуратуры производили сотрудники милиции), мне пришлось самому составить эти поручения задним числом от имени Арефьева.

В машине, которую Граф угнал после убийства таксиста, было обнаружено и изъято много вещдоков. По крайней мере, так следовало из протокола осмотра места происшествия, где эти вещдоки были перечислены, но при этом не описаны. Мне требовалось, таким образом, составить за Арефьева и также задним числом и несколько протоколов осмотра вещественных доказательств. Однако тут возникли сложности. В комнате хранения вещдоков перечисленных в протоколе вещей не оказалось. Среди отсутствующих вещей, в частности, значились рабочие брюки и рабочая куртка. Я спросил у Арефьева, где же они. «Да я их, кажется, выкинул...» – ответил тот. Я был просто в шоке: «Но ведь это же вещественные доказательства, их нужно описать в протоколе, приобщить к делу, возможно, провести по ним экспертизы, опознание, в конечном счете их нужно направлять в суд вместе с делом...». Арефьев встал и удивленно посмотрев на меня вальяжно ответил: «Да никому они не нужны, ничего на них нет. Я тебе скажу один секрет: *в областной суд мы вещдоки не направляем*, вещдоки у нас остаются на хранении в прокуратуре, а потом, когда будет приговор, мы в суд отправим бумагу, что они уничтожены...». «Но как же их теперь описать, ведь нужно составлять протокол их осмотра» - спросил я. «Да напиши чего-нибудь... Это были обычные штаны, спецовка рабочая... Опиши примерно, придумай чего-нибудь, все равно никто внимания не обратит». «Как это?» «Да просто: спецовка такая-то, цвет черный... Размеры тебе нужны? Возьми вон любую другую куртку какую-нибудь измерь, и штаны также любые другие опиши вот и все». На этом Арефьев вопрос посчитал исчерпанным и больше никаких комментариев по этому вопросу не давал.

Такое простецки-халатное отношение к следственным действиям, требованиям уголовно-процессуального законодательства было очень характерно для Арефьева. Он считал это доказательством своей хитрости, изобретательности, мастерства. Так, в одном деле, по обвинению некоего Ф-на, переданном мне Арефьевым, я обнаружил очень интересный протокол осмотра места происшествия. Выполнен он был на компьютере, хотя в деревенском доме на месте происшествия ни компьютера, ни принтера быть у него не могло. Дело было в том, что протокол был составлен Арефьевым спустя четыре месяца после фактического проведения осмотра, у себя в кабинете, обстановка места происшествия была им воспроизведена на память, с учетом, т.е. с подгонкой под показания обвиняемого, а часть, касающаяся осмотра трупа переписана слово в слово из заключения судебно-медицинской экспертизы. Некоторые

детали он просто-напросто выдумал: так вместо реально изъятых трех ножей он написал в протоколе о четырех, а у одного изъятого ножа перепутал цвет ручки. Понятых Арефьев потом вызвал к себе, и они у него в протоколе расписались. Когда я сказал ему о казусе с ножами, он просто перепечатал лист с ошибкой и вставил его в протокол. Я сообщал об этом прокурору, который лишь улыбнулся (действительно, такие способы работы воспринимаются в прокуратуре как проявление «мастерства»), и говорил об этом потом уже после увольнения в суде, однако все единогласно решили считать этот протокол подлинным. Если считать этот протокол настоящим, то каким интересно образом он мог быть напечатан на месте, ведь никаким образом на месте компьютера и принтера оказаться не могло.

Мое отношение к незаконным методам расследования, к тем, кто их применяет, менялось по мере моего внутреннего взросления. Выше я уже говорил о том, что впервые столкнувшись с ситуацией, когда подозреваемый был избит, я не смог ничего предпринять по этому поводу, и более того, даже отчасти оправдывал это некой необходимостью, что было вызвано моей слабостью и неопытностью. Однако другие сотрудники, тот же Арефьев, абсолютно все оперативники уголовного розыска, будучи и опытными, и сильными считали и считают эти методы необходимыми, нужными, эффективными. «Без этого нельзя» – говорили они мне. Арефьев рассказывал мне случай, когда он «вмазал по морде», как он выразился, обвиняемого, который по его мнению лгал ему, давал ложные показания, и при этом был горд таким своим поступком, считал это проявлением мужественности, профессиональной зрелости. «А как еще заставить их признаться?» – говорили они мне оправдывая эти методы. Прокурор был прекрасно осведомлен о таких способах получения признательных показаний. В прокуратуру пачками поступали жалобы обвиняемых о применении насилия к ним сотрудниками милиции, однако почти никогда уголовные дела по этим фактам не возбуждались. В 2003 году было возбуждено одно такое дело, о котором я еще упомяну ниже, а до этого подобное дело о применении насилия к обвиняемым возбуждалось только в 1996 году.

Однако уже по другому моему делу, которое также было у меня одним из первых, я прямо воспротивился применению незаконных способов следствия. Я уже упоминал об этом деле, это дело об изнасиловании, расследование которого на определенной промежуточной стадии у меня зашло в тупик. Я отказался от предложения Арефьева сфабриковать доказательства для криминалистической экспертизы и поручить операм выбить признание из обвиняемого. Но к сожалению на этом история с этим делом не закончилась. В том, чтобы направить это дело в суд был заинтересован прокурор, это важная строчка отчетности для прокуратуры, поэтому применить «нужные» методы решили в обход меня. По делу был свидетель, друг и собутыльник обвиняемого, который утверждал, что видел произошедшее и что изнасилования в той ситуации не было – женщина добровольно согласилась на половой акт. Эти показания противоречили объективным данным: у женщины, которая обратилась в милицию с заявлением об изнасиловании сразу же, как только смогла убежать от обвиняемого, на лице была здоровенная гематома, след от неоднократных ударов кулаком, то есть явный признак применения насилия. Однако с показаниями свидетеля нужно было что-то делать. Маловероятно, что женщина сама поставила себе такой синяк на лице, но в суде это могло бы и так быть истолковано, и именно этого опасался прокурор.

Однажды я уехал из Шахуньи по каким-то служебным делам, кажется у нас был семинар по повышению квалификации в Н.Новгороде в областной прокуратуре. Когда через день я вернулся, то оказалось за время моего отсутствия Арефьев передопросил того свидетеля по моему уголовному делу, причем прокурор был об этом в курсе и дал

мне указание включить этот протокол в уголовное дело. Арефьев провел допрос Соколова, на котором тот отказался от первоначальных, оправдывающих обвиняемого, показаний. Из протокола, который он мне вручил следовало, что свидетель не видел, чем занимались обвиняемый и потерпевшая женщина и не мог этого видеть, так как в тот момент он отошел от места совершения преступления. На мои вопросы Арефьев ответил, что в тот день, когда меня не было, в прокуратуру явился тот свидетель и пожелал дать показания. Так как меня не было, то Арефьев его допросил вместо меня. В протоколе он свою фамилию не указал, шапку протокола он оставил не заполненной, но в конце протокола расписался «по инерции». Каким образом он получил эти показания того свидетеля он мне так и не ответил. Самое интересное, что после этого допроса тот свидетель исчез и скрывался несколько месяцев. Вплоть до окончания расследования этого уголовного дела его так и не смогли обнаружить, хотя я почти ежедневно посылал к нему домой участкового, направил с десятков отдельных поручений в РОВД для организации его розыска, в его розыске мне оказывали содействие местные жители и уже упоминаемый выше помощник депутата С.Н. Комаров, я лично встречался с его матерью и родственниками с целью выяснить его местонахождение, но все было безрезультатно. По делу я провел несколько дополнительных биологических экспертиз и в результате удалось обнаружить следы спермы обвиняемого на нижнем белье потерпевшей, это доказательство и позволило сделать вывод о несомненной виновности обвиняемого и дело было направлено в суд. С помощью законных методов мне удалось добыть необходимые доказательства, но тот протокол по указанию прокурора мне пришлось в деле оставить. Я замазал в протоколе подпись Арефьева и расписался сам. Выглядело все исключительно как шитое белыми нитками. Протокол предыдущего допроса того свидетеля, когда его допрашивал я сам, и где он опровергал вину обвиняемого я также оставил в деле, приложив справку о том, что свидетель с места жительства скрылся. Я уверен, что первоначально тот свидетель давал ложные показания, чтобы помочь своему приятелю уйти от ответственности. Но способ, с помощью которого Арефьев получил опровержение этих показаний, вызвал у меня много противоречивых сомнений, впрочем, я так и не узнал, каким же образом он добился от того свидетеля опровержения и почему тот после этого скрылся.

В этом деле проявилось отношение прокурора (да и других сотрудников, и даже прокуратуры как системы) ко мне: он понимал, что я не буду применять незаконные способы, но поскольку дело нужно было направить в суд, он поручил это тому, кто мог их применить. Это отношение проявилось и в следующем случае, когда я проводил проверку по заявлению о применении насилия к обвиняемому, и пришел к выводу о том, что побои и принуждение к даче показаний имело место, более того, я был уверен, что к уголовной ответственности привлечен невиновный. Вот как это было.

В поселке района было совершено убийство. Труп был направлен в морг, однако судмедэксперт затянул исследование, и о том, что это именно убийство, а не несчастный случай, стало известно только спустя несколько дней. Убит был муж одной женщины, горький пьяница. В качестве подозреваемого был задержан молодой человек, которого в день убийства видели у дома убитого. Официальная версия была следующей. Обвиняемый пришел к потерпевшему и из-за внезапно возникшей ссоры ударил его ножом в грудь, отчего последний скончался. Причиной ссоры послужил отказ дать взаймы. Обвиняемый во всем сознался, показал все на месте.

Однако через несколько дней обвиняемый отказался от своих показаний и заявил о том, что в преступлении он не виновен и сознался в результате насилия со стороны сотрудников милиции. Мне прокурором было поручено провести по данному факту проверку. Я тогда в силу небольшого стажа работы еще не знал, что проверки такого рода проводятся не вставая из-за стола в кабинете и результат из заранее

известен – виновные оговаривают сотрудников милиции, чтобы избежать ответственности. Я стал проводить проверку. Взял с разрешения прокурора у следователя на изучение уголовное дело (дело расследовал Арефьев). Меня удивило то, что показания подследственного записаны в протоколе с использованием лексики и формулировок, явно не соответствующих образовательному, профессиональному и культурному уровню допрашиваемого, который окончил лишь школу и занимался в основном лишь распитием спиртного, но при этом его якобы слова характерны для самого следователя, я уже встречал такие же формулировки в протоколах допроса других лиц. В деле было два варианта «явки с повинной». Эти явки были получены фактически уже после задержания лица, и были составлены опять же с использованием выражений, не характерных для подозреваемого, но характерных для служебных документов сотрудников правоохранительных органов. Первый «вариант» явки был кратким, второй расширенным. По использованным формулировкам можно было полагать, что оба были написаны под диктовку. Прямых доказательств виновности подозреваемого в деле не было. Было непонятно, откуда он вообще появился, и как сумели определить, что он причастен к преступлению.

Затем я стал разговаривать с самим обвиняемым (ему было предъявлено обвинение в убийстве). Это был молодой человек, кажется 25 лет, низкого образовательного и культурного уровня. Как потом я узнал от его матери, в школьные годы он еще прилично учился, занимался спортом, однако после службы в армии жизнь его «пошла под откос»: он пристрастился к спиртному, что также было вызвано и неудачей в личной жизни – его бросила молодая жена. У меня сложилось впечатление, что он страдает психическим расстройством. Он крайне трудно шел на контакт. Он не мог высказываться развернутыми предложениями, свободно, без навязывающих вопросов рассказывать о чем-либо. Мне приходилось по несколько раз формулировать вопрос в различных вариантах, прежде, чем он отвечал «да» или «нет». Только после почти часовой беседы он, видимо, проникся ко мне доверием, и стал более-менее развернуто отвечать на вопросы. Как впоследствии было установлено на амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе, он страдал алкоголизмом. Видимо, эти психические аномалии были вызваны изменениями личности при алкоголизме.

Зачем я останавливаюсь на этих обстоятельствах? Дело в том, что такие личности, страдающие теми или иными психическими аномалиями, малообразованные, с низким социальным статусом, являются, как правило, наиболее внушаемыми, то есть максимально восприимчивыми к точке зрения, которую им навязывают извне. В недавно преданной гласности судебно-следственной практике (См., напр.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. – СПб., 2004) приводится случай неправосудного приговора к смертной казни лица, обвинявшегося в изнасиловании и убийстве малолетней девочки. Это лицо имело вышеописанные свойства личности. Как было установлено уже при исследовании причин неправосудного приговора, этот человек просто не мог в силу недостатков его психики, интеллекта, ни развернуто отвечать на вопросы, ни отстаивать свою собственную точку зрения. Например, на серию из взаимоисключающих вопросов он отвечал так: следователь: «Девочка была одета в красное платье?», Обвиняемый: «Да». «А может не в красное, может в зеленое?» – «Да». «Ну а может не в зеленое, а в желтое?» - «Да». В итоге в протоколе было бы записано так, будто обвиняемый сказал: «Девочка была одета в желтое платье», хотя в действительности обвиняемый сказал лишь «да» на навязывающий вопрос следователя.

В описываемом мною случае обвиняемый обладал сходными чертами личности. Когда он более-менее «оттаял», я спросил его, как его допрашивал следователь. Тот мне ответил, что следователь сам что-то придумывал и писал в протоколе, а потом

спрашивал, так или нет. Я спросил по поводу явок с повинной. Выяснилось, что этого человека задержали, доставили в отделение, где стали бить и угрожать. Вместе с этим повторяли, что если он сознается, то ему «дадут меньше». Затем пришел следователь и продиктовал ему явку с повинной. Я стал спрашивать, почему же и как он смог показать все на проверке показаний на месте. Дело в том, что я сам тогда участвовал в этой проверке показаний, она проводилась до того, как обвиняемый подал жалобу в прокуратуру и я еще не знал о применении к нему насилия. Так как я был еще молодым сотрудником, меня взяли «поучиться», я осуществлял на проверке показаний фотографирование. Тогда я обратил внимание на то, что обвиняемый почти ничего не рассказывает, не объясняет устно, как и зачем, по каким мотивам он совершил преступление, но не придавал этому значения. Обвиняемого привезли к дому, где произошло убийство. На фоне этого дома его сфотографировали. Затем группа прошла в дом. Его сфотографировали у двери квартиры. Далее группа вошла в квартиру. Обстановка в комнате, где было совершено убийство, была полностью изменена, хозяйка вынесла всю мебель и все вымыла. Следователь Арефьев сказал обвиняемому, чтобы тот показал, как он наносил удар ножом. Обвиняемый взял муляж ножа и почти ничего не объясняя показал, что и было сфотографировано. На этом проверка была окончена. Следователь написал протокол проверки, который по содержанию в целом повторял показания подозреваемого, только в соответствующих местах добавились фразы типа «показал на месте».

Таким образом, проверка показаний подозреваемого на месте никакой новой информации не дала. Рассматривая такие случаи, ученые-криминалисты отмечают, что подобные проверки на месте служат, прежде всего, цели оказать психологическое воздействие на самих подсудимых, закрепить их в роли преступников, в результате чего им становится труднее психологически отказаться от своих показаний (См.: Ратинов А.Р., Скотникова Т.А. Самооговор. М, 1973.; Как избежать пытки. А.Баренбойм, М., 2004). На практике же теперь говорят не о закреплении *доказательств*, а о закреплении *показаний*.

Далее, мне обвиняемый сообщил, что в день убийства он был дома, никуда не выходил, что могут подтвердить его родители и свидетель. Я вызвал родителей, которые действительно подтвердили, что сын целый день сидел дома. Также я допросил женщину, которая заходила к ним в гости и тоже видела их сына дома.

Далее, мать обвиняемого рассказала мне о следующем. Убитый был в очень плохих отношениях с женой. Сам он злоупотреблял спиртным, не работал, жена его за это ненавидела и говорила всем о своем желании выселить его из квартиры, при этом она в выражениях не стеснялась, и не раз говорила «чтоб он сдох». У его жены был любовник. Об этой связи знал и ее муж, но он уже спился до такого состояния, что его это не смущало, и он охотно выпивал и в компании с любовником своей жены. В день убийства так и было. Муж и любовник вместе пили. Потом любовник ушел. Затем жена обнаружила своего мужа мертвым и заявила об этом. Она сообщила, что муж пил в компании мужчин, среди которых назвала и нашего обвиняемого, который был известен в том поселке, по сути, как местный дурачок. Тот был задержан. Но любовник после убийства повел себя странно. Он занял большую сумму денег и уехал из поселка в неизвестном направлении.

Я изложил эти свои соображения Арефьеву, однако он лишь молча взглянул на меня полуприщуренными глазами сверху вниз. Версия о причастности любовника к убийству им была полностью проигнорирована. Также я доложил промежуточные результаты проверки по факту избияния обвиняемого и принуждения к даче показаний прокурору района. Как я считал, обвиняемый в силу своей повышенной внушаемости, слабых характеристик, низкого образовательного уровня, на фоне изменений психики,

вызванных хроническим алкоголизмом, под влиянием насилия со стороны сотрудников милиции и внушающего воздействия следователя оговорил сам себя, и в результате самооговора незаконно был привлечен к уголовной ответственности, при этом иная версия преступления, связанная с возможной причастностью к убийству любовника жены погибшего следствием необоснованно игнорировалась. Однако довести проверку по данному факту до конца и принять решение прокурор мне не позволил. Материал по устному указанию прокурора у меня забрали и решение по материалу – об отказе в возбуждении уголовного дела – было принято женой ст.следователя Арефьева, Голышевой (Арефьевой) М.М., которая работала помощником прокурора Шахунского района. И что характерно и что подтверждает высказанный мной выше тезис - с тех пор проведение подобных проверок мне почти ни разу не поручали.

Поскольку по тому делу был вынесен обвинительный приговор суда, я не могу утверждать, что к ответственности был привлечен невиновный. Но при подобном подходе к расследованию вероятность осуждения невиновного очень велика. Такой подход имеет, однако, существенные преимущества. Он позволяет закончить расследование в сжатые сроки, отрапортовать об успешном окончании дела и получить поощрение за высокие показатели в работе. В случае же проверки иных версий расследование затянется, что грозит ухудшением отчетности.

По тому же сценарию Арефьев расследовал дело в отношении некоего Н.В-та, которого он обвинил в убийстве малолетней К-вой.

Уголовное дело было возбуждено по факту безвестного исчезновения малолетней девочки, ученицы 3 класса. Один мальчик, ученик той же школы, показал, что в день исчезновения девочки видел ее с незнакомым мужчиной, который вел ее по улице за руку, а она плакала. Затем этот мальчик опознал в этом мужчине Николая В-та, который приходился девочке дальним родственником, это был второй муж ее бабушки. В-та был задержан в качестве подозреваемого, арестован. Он дал признательные показания, о том, что убил девочку, а труп ее положил в железнодорожный вагон. Однако впоследствии он отказался от своего признания, в своей жалобе прокурору сообщив, что был вынужден признаться в результате избиения сотрудниками милиции.

Под стражей В-та содержался в течение 6 месяцев, однако достаточных доказательств его вины добыть так и не удалось. Проведенные экспертизы положительного результата не дали. Однажды я заметил в мусорной корзине смятое заключение биологической экспертизы. Это оказалось заключение по делу В-та. Убедившись, что экспертиза не дала нужного результата, Арефьев попросту от нее избавился. Обвиняемый и не знал об этой экспертизе, так как никто его с постановлением о назначении экспертизы не знакомил. Но ведь эта экспертиза была ни чем иным, как одним из доказательств *невиновности* обвиняемого. Однако доказательства невиновности следствию были не нужны.

В тот же период в производстве у Арефьева было дело областной подследности в отношении А.С.Б-ва, который совершил несколько убийств как на территории Шахунского района, так и в других районах и областях. Это преступление было раскрыто мной, и задержал Б-ва я, но учитывая большой общественный резонанс этого дела, практически стопроцентно гарантированное поощрение за окончание его расследования, Арефьев как старший следователь забрал это дело себе. Б-ву грозил солидный срок, кроме того, под арестом содержалась сообщница Б-ва, его сожительница З-ва Ольга, за которую Б-в сильно переживал и постоянно ходатайствовал об улучшении ее участи. Он просил, по меньшей мере, освободить ее из-под стражи. И Арефьев пообещал Б-ву изменить Ольге меру пресечения на подписку о невыезде, взамен на «помощь» Б-ва по делу В-та. Б-ов согласился на

сотрудничество и дал показания в качестве свидетеля против В-та. Б-ов показал, что он содержался с В-та в одной камере в ИВС Шахунского РОВД, и В-та, якобы, рассказал ему, что совершил убийство малолетней девочки. Между В-та и Б-ым была проведена очная ставка, на которой Б-ов подтвердил свои показания, а В-та их опроверг, показал, что ничего подобного он Б-ву не рассказывал.

Подобный прием давно известен и применяется в случаях, когда у следствия не хватает доказательств виновности обвиняемого. Например, Н.Н. Китаев описывает подобный случай, когда братья Ф-вы были приговорены к смертной казни, при этом в основу обвинения были положены показания свидетеля С., который утверждал, что в камере следственного изолятора один из обвиняемых рассказал ему о совершении вместе с братом убийства (Н.Н. Китаев. Указ.соч. С. 10).

Ст.следователь Арефьев наладил хороший психологический контакт с Б-вым. Как он сам мне рассказывал, за 6 месяцев производства по делу Б-ов стал ему «как брат». Действительно, у следователя и серийного убийцы оказалось много общего в плане мировоззрения и интересов. Но даже при этом Арефьев обманул Б-ва, так и не освободив тогда его сожительницу Ольгу. Хотя основания для ее освобождения имелись, и она была освобождена позднее уже по инициативе прокурора. Ольга была несовершеннолетней, на пятом месяце беременности.

По истечении почти 6 месяцев содержания В-ты под стражей нужно было принимать решение по делу. Однако к этому моменту Арефьев ожидал повышения в должности, его переводили на должность следователя по ОВД (прокурора-криминалиста) в штат областной прокуратуры, и он не хотел выходить с ходатайством о продлении срока следствия в прокуратуру области, так как в этом случае была бы обнаружена допущенная им грубая волокита по делу, что могло бы быть препятствием в его повышении.

В тот же момент уголовный розыск получил оперативную информацию, которая в корне меняла ситуацию по делу. В г. Усинск Республики Коми был привлечен к уголовной ответственности двоюродный дядя пропавшей девочки, считавшейся убитой В-той – некий Н-тов С.Н., он обвинялся в изнасиловании малолетних и совершении развратных действий в отношении малолетних. Причем эта информация была получена случайно, отнюдь не в результате какой-то целенаправленной работы Арефьева либо самих шахунских оперативников. Н-тов из Усинска скрылся, и Усинская прокуратура направила отдельное поручение в Шахунское РОВД с просьбой проверить, не находится ли Н-тов у своих родственников в Шахунье. Родственниками Н-ова оказались родители пропавшей девочки. А затем уже выяснилось, что в тот период, когда исчезла девочка, Н-ов находился в гостях у ее родителей. Несмотря на эту информацию, Арефьев дело производством приостановил, не предприняв практически никаких действий в отношении Н-ова. Правда, В-та все же был освобожден, и уголовное преследование в отношении него было прекращено.

Постановление о приостановлении производства по делу был вскоре отменено прокурором, и дело было передано для расследования мне. Ознакомившись с материалами дела, я обнаружил, что Арефьев не провел почти ни одного допроса свидетелей, почти все родственники исчезнувшей девочки были допрошены сотрудниками милиции, крайне поверхностно. Сам Арефьев допросил только ее родителей, причем протоколы допроса были выполнены на компьютере и повторяли друг друга слово в слово, было очевидно, что Арефьев провел только один допрос, причем весьма поверхностно, а затем скопировал его текст в протокол допроса другого родственника. Я передопросил (несколько раз) того мальчика, который утверждал, что видел В-та с пропавшей девочкой. Мальчик при допросах был очень заторможен, скован, смущен, но продолжал утверждать, что видел именно В-та. Однако, описанные

им приметы и одежда, в которую, якобы, был одет В-та, противоречили иным доказательствам по делу и это не могло не быть известно следователю с самого начала. У В-та просто не было такой одежды, которую описывал мальчик. Более того мальчик описывал мужчину плотного, крупного телосложения, а пятидесятилетний В-та был высоким и очень худым стариком, совершенно под это описание не подходящим. Расследовать до конца это дело мне так и не удалось, поскольку меня вскоре перевели в Н.Новгород, а затем почти сразу незаконно уволили.

Иногда сотрудники милиции бывают замешаны в подозрительных ситуациях, подпадающих под признаки преступления. Если это сотрудники влиятельные (причем, не обязательно руководящие), имеющие связи, то в таких случаях сами сотрудники милиции, милицейское руководство и руководители в прокуратуре (прокурор или его заместители) начинают активно препятствовать проведению проверки, возбуждению уголовного дела. В моей практике был такой случай. Это было связано с фактом смерти некоего Лямина. Уголовное дело по этому факту не возбуждалось, в связи с чем были жалобы жены погибшего, которая тогда волею случая обратилась именно ко мне и я сам добивался возбуждения уголовного дела и помогал ей писать эти жалобы. Эта несчастная женщина, убийство мужа которой никто просто не захотел расследовать, поскольку первым подозреваемым в данном случае оказался бы руководящий сотрудник милиции, говорила мне, что будет обращаться с жалобами на телевидение и газеты (что, впрочем, бесполезно, как я знаю теперь из своего опыта).

Я тогда волею обстоятельств оказался почти в центре и в курсе всех тех событий еще до того, как собственно труп Лямина был обнаружен. Я жил тогда на квартире у одной старушки. И вот однажды она рассказала мне, что в доме, где жил ее сын, из соседней квартиры исчез жилец – А.Лямин. Как было известно соседям, он продал кому-то свою квартиру, но денег не получил. Через несколько дней после его исчезновения в квартиру приехали сотрудники милиции, вынесли из нее всю мебель и увезли в неизвестном направлении. Примерно через месяц, в январе месяце, в лесу был обнаружен труп хозяина квартиры. Он был повешен на дереве, на шее у него был повязан красный шарф.

Прокуратура милиция в известность об обнаружении трупа не поставила, труп был снят с дерева сотрудниками милиции, осмотр места происшествия не производился. Однако мне случайно, из разговора двух участковых удалось узнать об обнаружении этого повешенного, еще ранее я узнал и запомнил фамилию того исчезнувшего соседа моей квартирной хозяйки. Труп был в морге, куда я и отправился и судмедэксперт производил вскрытие с моим участием, и у трупа был обнаружен перелом костей черепа. Однако перелом этот, по мнению эксперта, причинили сотрудники милиции при транспортировке трупа, когда бросили его, как мешок с картошкой, в кузов машины (что было в крайней степени непрофессионально с их стороны, если только не было сделано умышленно). Далее для того, чтобы дать более точное заключение о причине смерти судмедэксперт решил направить части тканей внутренних органов трупа на гистологическую экспертизу в Бюро СМЭ в Н.Новгород. Эта экспертиза могла бы помочь установить, не был ли человек отравлен или усыплен до повешения.

Однако эти образцы исчезли в дежурной части Шахунского РОВД. Туда они были доставлены с тем, чтобы сотрудники милиции отвезли их в Н.Новгород в бюро судмедэкспертизы, поскольку своего транспорта у судмедэксперта нет, однако из дежурной части они исчезли. Впоследствии по этому факту РОВД проводило внутреннюю проверку, однако единственное, что удалось выяснить, это то, что кто-то пытался подставить именно меня под это исчезновение. Кто-то звонил в дежурную часть РОВД и, представившись мной, сообщил, что эти образцы должны забрать в

прокуратуру. Куда они делись после этого, дежурный по РОВД пояснить не мог. Более того, кто их забрал, он также пояснить не мог. Вероятнее всего, что кто-то из своих пришел и забрал эти образцы, и на это просто никто не обратил внимание.

К счастью, моя непричастность к этому исчезновению была для всех очевидна. Злоумышленник решил подставить меня, поскольку, во-первых, никто из прокуратуры этим делом в прокуратуре не занимался (вернее, даже не делом, а неофициальной доследственной проверкой, проводимой во многом благодаря моей инициативе, поскольку прокурор проводить проверку и возбуждать уголовное дело отказался, а потом поручил официальную проверку провести милиции), соответственно, никто, кроме меня был не вправе забирать эти образцы куда-либо, а во-вторых, уже тогда отдельные сотрудники в милиции были недовольны моим непримиримым отношением к применению ими незаконных методов получения показаний и были бы рады мне отомстить.

Далее выяснилось следующее. Мебель из квартиры погибшего вывозили два сотрудника Шахунского РОВД, одним из которых был оперуполномоченный ОУР, друг Арефьева. Тот дом входил в его участок и представлял собой бывшее общежитие, где жили в основном пьяницы. Любил выпить и погибший. Далее установили, что квартиру он продал заместителю начальника ОУР ЛОВД станции Шахунья. В этом же ЛОВД работает брат оперуполномоченного, вывозившего из квартиры мебель. Деньги покупатель квартиры погибшему не передавал, он оставил их себе с тем условием, что будет выдавать по 3 тысячи каждый месяц, чтобы тот их не пропивал. Когда уже после обнаружения трупа появилась бывшая жена и сын погибшего, то покупатель отказался возвращать деньги им. Таким образом, и квартира, и практически вся сумма, за которую она была продана, осталась у покупателя, сотрудника милиции.

Прокуратура по данному факту официальную проверку не проводила, хотя я лично доложил прокурору все обстоятельства происшедшего. Прокурор устно попросил Арефьева «посмотреть, что там», официальную проверку поручил провести Шахунскому РОВД по факту *мошенничества* при покупке квартиры, а не по факту обнаружения трупа, после чего от имени участкового уполномоченного РОВД, который вместе с тем оперуполномоченным, знакомым милицейского начальника, купившего квартиру, вывозил из квартиры мебель, было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Погибший был признан самоубийцей. Жена погибшего обратилась ко мне. Я посоветовался с заместителем прокурора, после чего жена погибшего под мою диктовку написала жалобу на имя прокурора с просьбой отменить то постановление. Постановление были вынуждены отменить, однако дополнительную проверку поручили проводить опять тем же сотрудникам РОВД, проверка опять проводилась не по факту убийства с целью завладения квартирой, а по факту возможного мошенничества при передаче денег за проданную квартиру. Дополнительная проверка, как и ожидалось, не выявила нарушений. Тогда я не мог посоветовать потерпевшей женщине ничего другого, как обжаловать решение в областную прокуратуру. Жена погибшего была очень расстроена, эта простая женщина в отчаянии мне говорила, что будет писать на телевидение, президенту, она была уверена, что муж ее был убит, и что к этому причастны сотрудники милиции. Но я в данном случае ничего не мог сделать, будучи связан позицией прокурора. Интересна в этом деле роль Арефьева. Пока не стало известно, что к этим событиям причастен его друг, он проявлял к ним большой интерес, даже сказал мне: «Вот это дело, Леха, действительно будет делом оборотней в погонах. Ты с этим делом прославишься...». Однако сразу же устранился от этого дела, когда выяснилось, что в этих событиях замешан его приятель. По этому случаю прокурор мне так и не дал ничего сделать, а женщина своими жалобами ничего не добилась.

Я могу рассказать и о других подобных случаях, однако итогом их всех был в том, что я один выступал против такого поворота событий, который казался мне, уверен не бесосновательно, незаконным и несправедливым, и в результате я лишь оказывался в числе неугодных.

Характерным и показательным в плане того, против чего я боролся, и насколько реально было достичь положительного результата в существующей прокурорской системе (а это было невозможно), является дело, возбужденное в отношении сотрудников милиции по заявлению незаконно задержанного и избитого ими гражданина. Я сам, своими руками был вынужден прекратить это дело, после того как полностью расследовал его, вложив в расследование огромное количество сил. Меня сломала система, и я ничего не мог ей противопоставить. Под давлением прокурора района Фуреева, под угрозами самих подозреваемых я был вынужден прекратить его. После меня его прекращали по тем же причинам еще два раза уже два других следователя Шахунской прокуратуры (постановления о прекращении дела были отменены судом по жалобе потерпевшего). Поскольку это дело так и не было направлено в суд, то назовем потерпевшего по нему «Бородин», а фамилии фигурантов изменим.

По делу мною были собраны доказательства более чем на 500 листах дела. Вот его краткая история. Сообщение. 10.08.03 г. из районной больницы в прокуратуру поступило сообщение, что на лечение поступил гр-н Бородин с диагнозом сотрясение головного мозга, ссадины, кровоподтеки грудной клетки, который указал, что данные повреждения ему были причинены сотрудниками милиции при незаконном задержании. Также в прокуратуру поступили и заявление Бородина, в котором он называл сотрудников милиции, избивших его. Проверку по данному факту поручили провести пом.прокурора Климовой, хотя как правило проверки в порядке ст. 144 УПК РФ должен проводить следователь, поскольку пом.прокурора не вправе возбудить уголовное дело, это может сделать либо следователь, либо сам прокурор или его заместитель. Видимо, изначально прокурор рассчитывал, что по итогам проверки будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, как это обычно бывает по подобным жалобам. Прокуратура не возбуждает таких дел, поскольку не желает портить отношения с милицией, от которой зависит раскрываемость преступлений, а значит и расследование уголовных дел прокуратурой, важнейший показатель отчетности.

Проверка проводилась в нарушение норм УПК РФ в течение почти месяца (должно быть максимум десять дней, не больше). На ее исход повлияло решение Шахунского райсуда от 02.09.03 г., которым была удовлетворена жалоба Бородина на постановление по делу об административном правонарушении, то есть его задержание было признано судом незаконным, а материалы о якобы совершенном им правонарушении – сфальсифицированными.

Задержание в административном порядке по сфальсифицированному материалу об административном правонарушении является распространенным способом действий милиции и прокуратуры в тех случаях, когда необходимо получить признательные показания лица, по оперативным данным подозреваемого в совершении преступления, и когда при этом у следствия нет законных оснований подвергать лицо задержанию в соответствии с УПК РФ. Такого человека задерживают либо у него дома, либо на улице, привозят в отделение милиции и помещают в изолятор временного содержания. Далее задерживавшие его оперативники уголовного розыска составляют ложные рапорта о том, что задержанный, якобы, или совершил хулиганские действия в общественном месте, или неподчинился законному распоряжению сотрудника милиции, по которым участковый составляет протокол об административном правонарушении. Ситуация значительно упрощается, если этого человека удастся задержать в пьяном виде, пусть даже у него дома. В этом случае его везут на

медосвидетельствование, которое подтверждает состояние опьянения, после чего составляется протокол о административном правонарушении – появлении в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство. Затем участковый направляет сфабрикованные материалы мировому судье для назначения «правонарушителю» наказания в виде ареста (как правило, до пятнадцати суток). До того, как в 2002 году было введено правило о том, что административный арест назначает мировой судья, арест назначали сами органы милиции и вся процедура была еще проще, но и сейчас мировые судьи, многие из которых сами ранее были сотрудниками прокуратуры и милиции, без особых проблем назначают арест по явно сфабрикованным материалам, подразумевая, что таким образом они «помогают» органам милиции раскрывать преступления. Во время содержания под арестом, задержанного усиленно «прессуют», то есть подвергают насилию и угрозам, принуждая признаться в совершении преступления, в котором такого человека подозревают. Если задержанный поддается, то возбуждается уголовное дело и человека уже привлекают в качестве обвиняемого по уголовному делу. Если же ничего у оперов не получается, то задержанного просто выпускают по окончании срока ареста. Ничего он, как правило, доказать после этого не может, поскольку правда эта никому не нужна: такие задержания производятся с ведома прокурора, а иногда и по его прямому негласному указанию.

По такому же сценарию был задержан и Бородин. Оперативники подозревали его в приобретении и перепродаже краденых вещей в крупном размере и надеялись получить от него признание в этом, а также добиться признания, кто совершил ту кражу. Причем объективных доказательств причастности Бородина к преступлению не было, были лишь чисто субъективные подозрения оперативников. Бородин ранее был судим, и во много лишь по этой причине и попал в поле зрения оперов.

Более того, пытаясь доказать именно версию причастности к краже Бородина оперативники принудили другого гражданина дать на Бородина ложно обвиняющие показания. Это было сделано очень интересно. Они установили, что у Бородина есть знакомый, молодой человек лет двадцати, армянин, торгующий вместе со своей матерью на рынке, назовем его Кивинян. В палатке на рынке у них произвели обыск и обнаружили несколько похищенных вещей. Версия была такой: Бородин был причастен к краже этих вещей, а затем продал или передал их для реализации Кивиняну. Для подтверждения этой версии опера решили получить признание в этом Кивиняна.

По версии оперов, которую они изложили мне, Кивинян боялся мести со стороны Бородина, и поэтому оперативники и следователь милиции, который вел уголовное дело по краже и сбыту похищенных вещей, вышли с ходотайством перед прокурором об изменении данных о личности свидетеля Кивеняна, которое прокурор одобрил. Это позволяло допрашивать Кивеняна в качестве свидетеля под вымышленным именем и с иными вымышленными установочными данными, эти данные были зашифрованы и могли быть известны только следствию и суду. Так поступают, когда свидетель опасается за свою безопасность и нужно скрыть его личность от обвиняемого. Кивеняна допросили, причем, не следователь, а один из тех оперативников, отдельного поручения на это опять же не было, в протоколе записали, что Кивенян подтвердил причастность Бородина к краже. После этого на основании показаний Кивеняна оперативники задержали Бородина.

Затем я вызвал самого Кивеняна и узнал его версию. Она оказалась совершенно иной, причем его показания подтвердила его мать, которая была свидетелем всему происшедшему. На самом деле было так. Оперативники пришли на рынок к палатке Кивенянов, изъяли у них весь товар и в этом товаре затем обнаружили похищенные

вещи. Далее Кивеняна из дома забрали в РОВД, где в кабинете уголовного розыска стали угрожать ему высылкой из России (он был армянином), возбуждением в отношении него уголовного дела, угрожали и применением физического насилия. Этими угрозами от него хотели добиться признания того, что Бородин совершил кражу и передал ему краденый товар для продажи. Эта версия была вымышлена операми и Кивенян отказывался ее подтвердить. В отделе милиции его продержали около шести часов, затем отпустили, но на следующий день все повторилось вновь и продолжало повторяться в течение двух недель. Мать Кивеняна и его другие родственники ждали его часами в коридоре РОВД, в то время пока его у себя в кабинете обрабатывали оперативники. В конце концов Кивенян не мог больше выдержать психологического давления и согласился подписать протокол, который написал оперативник, по сути, Кивенян даже не знал, что написано в этом протоколе: во-первых, он его не читал, хотел скорее отделаться от оперов, поэтому подписал не глядя, а во-вторых, он очень плохо владеет русским языком, пишет и читает очень плохо. «А почему же вы попросили зашифровать ваши личные данные, изменить фамилию? Вы боялись Бородина?» – спросил я. «Нет, Бородина я не боялся, он мой хороший друг» – ответил Кивенян. «А кого же вы тогда боялись?» «Милиционеров...» – был ответ Кивеняна.

На Кивеняна в тот момент мне было просто больно смотреть. Настолько забитым, запуганным, подавленным выглядел этот молодой человек. Он был весьма сильным физически, но воля его была полностью сломлена. Во мне он видел, наверное, единственного человека в правоохранительных органах, кому можно доверять, поэтому и рассказал мне все как было. Позже, когда меня самого принудили прекратить это дело, мне было стыдно перед ним, и перед другими свидетелями, я чувствовал горечь и боль оттого, что я не смог оправдать их доверия. Впрочем, это судьба любого честного человека с этой стране.

По версии оперативников, они задержали Бородина на улице, он отказывался подчиниться их законному приказу проследовать в РОВД для дачи объяснений, выражался в их адрес грубой нецензурной бранью, вырывался, пытался бежать, в связи с чем и был задержан. На него составили протокол об административном правонарушении за неподчинение законному распоряжению сотрудника милиции по статье 19.3 КоАП РФ, затем мировой судья назначил ему на основании этого протокола наказание в виде административного ареста на пять суток.

Однако мной были установлены очевидцы того, как на самом деле был задержан Бородин. Его задержали в его собственной квартире. Его соседи по подъезду видели, как к дому подъехала милицейская машина. Через некоторое время из подъезда сотрудники милиции вывели Бородина, он никакого сопротивления не оказывал, не грубил, добровольно прошел и сел в милицейскую машину, видимо, даже не подозревая, зачем его везут в милицию.

Далее я стал изучать обстоятельства задержания и помещения Бородина в ИВС. Вот что я выяснил. В «Журнале регистрации выводов административно арестованных» ИВС Шахунского РОВД было указано время вывода Бородина: «06.08.03 г. каб. № 2. Мышкин. 20 ч 35 мин – 21 ч 20 мин», при этом число «20» было обведено шариковой ручкой не менее двух раз, записано неаккуратно. Число «21» также было обведено, двойка обведена жирно, с нажимом, единица по размеру меньше чем двойка, записана на близком расстоянии от двойки. Следы исправления были явными.

Из журнала медосмотров лиц, содержащихся в ИВС Шахунского РОВД явно следовало, что во время содержания в ИВС у задержанного вдруг появились телесные повреждения: «7.08.03 г.» «Бородин Е.Н., вызов 1 час 25 мин, Прибытие 1 час 40 мин. Жалобы на головную боль, боли в теле. Ссадины, царапины на теле». Медосмотр производит фельдшер скорой помощи, которого обязаны вызвать сотрудники ИВС по

требованию задержанного, что и было тогда сделано. Приехавшая медработница и обнаружила у задержанного следы побоев, ссадины. Этих ссадин в момент задержания не было. Когда я допросил фельдшера, то она показала, что «на теле у Бородин были множественные покраснения, такие, какие обычно появляются после ударов, которые были нанесены недавно. Были ссадины и покраснения, кожа была содрана в различных местах на груди и на лице. На голове со стороны затылка также имелось покраснение и ссадины. Эти покраснения были кожной реакцией на удары. Ссадины и покраснения у задержанного были на спине, руках, грудной клетке, голове, лице. Это были легкие ушибы».

Мать задержанного подтвердила, что утром, когда сына забирали из дома, на нем телесных повреждений не было. 07.08 к ним домой пришел ранее незнакомый им мужчина, некий Ф-ов, который сообщил, что оперативники сильно избили Бородин в милиции, и что сам он содержался с Бородиным в одной камере ИВС, откуда и знает о случившемся. 10.08. вновь пришел незнакомый мужчина, который сообщил, что Бородину очень плохо. Так часто поступают задержанные, они просят сокамерников, срок административного ареста у которых заканчивается, зайти на свободу к своим родственникам и сообщить им, что в ИВС их избивают.

Но, несмотря на попытки родственников Бородин добиться его освобождения, из-под незаконного ареста его так и не отпустили до окончания его срока. В день окончания срока Бородин вновь вызвал в ИВС скорую помощь и прибывшая фельдшер на «Скорой помощи» привезла Бородин прямо в районную больницу, поскольку состояние его здоровья было очень плохим и требовало немедленной госпитализации. Врач невролог ЦРБ. 10.08. при осмотре Бородин в ЦРБ отметил у него ссадины на руке, спине, плече, на ушной раковине был кровоподтек. «Симптомы травмы головы – сотрясения головного мозга подтверждались объективно и параклинически, т.е. дополнительными методами обследования. Считаю, что в случае с Бородиным симуляция исключена» - показал мне врач при допросе. Показания невролога подтвердили зам главврача ЦРБ и врач хирург, которые также осматривали доставленного в больницу задержанного.

Показания Бородин об избиении подтвердили содержащиеся с ним в одной камере административно задержанные. Так один из них показал: «днем меня вместе с Бородиным возили в суд (для оформления адм ареста). У Бородин никаких телесных повреждений не было. Вечером Бородин вывел дежурный на допрос. Затем в камере легли спать. Бородин еще не вернулся. Увидел его утром. У него на теле были отеки от ударов – красные пятна. Он сказал, что его били на допросе, что он «летал по комнате там». Отеки красного цвета у него были на груди, на руках, кажется, были еще на спине пятна. Он сам их показывал всем в камере, поднимал рубаху. Был в плохом состоянии, жаловался на голову». На мой вопрос не мог ли сам Бородин причинить себе эти повреждения свидетель ответил: «Нет. Бородин вызвали на допрос, после чего он вернулся с телесными повреждениями. Он говорил, что его били оперативники, один из них был его сосед по дому». Примерно то же самое на допросе подтвердили еще четыре содержащихся там человека.

Кроме них были и другие задержанные, содержащиеся вместе с Бородиным, из их показания становится ясной картина произошедшего. «В камере познакомился с Бородиным. – говорит С-в, один из них. - Он был поинтеллигентнее других, с ним можно было поговорить, в отличие от других я от него даже мат не слышал. Вечером ... около 22 часов его из камеры забрали. Когда его из камеры забрали, никаких телесных повреждений не было. Затем, когда его увели, меня самого перевели в другую камеру, в прежнюю перевели утром на следующий день. Бородин сообщил, что его избили. У него на груди я увидел несколько кровоподтеков, их было прилично. Он

рассказал, что ему ломали руки об стол, его как-то положили на стол и выворачивали руки. Он жаловался на сильную головную боль, рассказал, что его били по голове папкой для бумаг. Под глазом у него был синяк. Рассказал, что его били трое сотрудников..., один из них жил с ним в одном доме, другой был из Н.Новгорода, другого он не знал. Бородин избит был достаточно сильно, два дня после этого он лежал, не вставал, плохо себя чувствовал, у него поднялась температура».

Другой свидетель, которого перевели в ту камеру вместо выведенного оттуда С-ва, подтвердил то же самое: «В камеру ИВС меня перевели около 22 часов. Затем, пока я лежал, полудремал, по прошествии около 4 часов, в камеру завели молодого человека, который прошел и лег. Наутро я проснулся и увидел этого молодого человека. Он был раздет до пояса. На груди увидел у него что-то типа ссадин, также на руках по всей поверхности ссадины и кровоподтеки, на спине у него тоже были кровоподтеки. Он рассказал, что его увели на допрос около 22 часов, допрашивали три сотрудника угрозыска, заставляли написать явку с повинной, он отказывался, тогда они стали его бить. Жаловался на головную боль, говорил, что его били по голове папкой для бумаг, засовывали в рот пистолет. Он попросил меня, так как я раньше всех выходил, зайти к его родителям и все им рассказать, дал мне их адрес».

Еще один свидетель собственными глазами видел телесные повреждения на теле у Бородина: «Когда Бородин вернулся в камеру, у него на теле были телесные повреждения. В камере постоянно горит лампочка и повреждения у него я мог хорошо видеть. У Бородина были припухшие ссадины на обеих руках в районе локтей, на груди, и опухоль под глазом. Он сказал, что сотрудники уголовного розыска...били по голове папкой, кулаками, руки выворачивали, угрожали оружием, явно были пьяные. Били его, чтобы он признал кражу и написал явку с повинной». Всего мной было установлено и допрошено двенадцать человек, и все они прямо или косвенно подтвердили то, что Бородин был избит оперативниками.

Правда, один из задержанных официально опроверг, но подтвердил это фактически. Это был ранее судимый мужчина, как я узнал впоследствии, он был информатором уголовного розыска. У меня на допросе он сразу развязно заявил: «Ничего не видел, ничего не знаю», а потом в ходе нашего разговора, сказал: «Ты что, хочешь, чтобы я против Мышкина пошел, я что, сам себе враг?» Я отпустил его и он ушел, мне же самому нужно было по другому делу пойти в РОВД. Я почти сразу же туда пошел. Кабинеты уголовного розыска находятся на первом этаже. Когда я шел по этому коридору, то одна из дверей открылась и прямо мне на встречу вышли тот мой свидетель и сам оперуполномоченный Мышкин! Оба они улыбались и, дружески прощаясь, пожимали друг другу руки. Но когда они увидели меня, лица их сразу стали каменными, Мышкин быстро зашел к себе в кабинет и запер дверь, а «свидетель» быстро прошел мимо меня к выходу.

О том, как именно его пытали, показал сам Бородин в ходе следственного эксперимента: один из сотрудников, которого представили как оперативника из особого отдела уголовного розыска в Н.Новгороде (на самом деле это был один из экспертов-криминалистов Шахунского РОВД, так его представили с целью оказать впечатление на Бородина) наносил ему удары в голову и грудь. Оперуполномоченные Мышкин и Шмудин наносили ему удары по левому и правому плечу и в голову верхней частью внутренней стороны ладони, удары по голове и в ноги в область верхней части бедер коленями, по голове ладонью. Бородина перевернули вверх ногами, за ноги его держал эксперт, двое других ломали ему руки о край стола. Описать, как это было, практически невозможно, это можно лишь показать, что и было сделано в ходе следственного эксперимента. Впоследствии выяснилось, что фото пленка, на которую специалист РОВД снимал эксперимент, пропала. Кроме

описанной изощренной пытки, Мышкин душил Бородина, сидя на диване, а двое других держали его в это время за руки с двух сторон. Ему наносили удары папкой по голове, угрожали пистолетом, говорили, что если он не напишет явку с повинной, его вывезут в лес, заставят выкопать себе могилу, убьют и закопают...

Итогом того «допроса» было, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, закрытая тупая черепно-мозговая травма в виде ушибов мягких тканей лица и ушных раковин, ушиба головного мозга легкой степени, ушибы мягких тканей грудной клетки и правой верхней конечности. Согласно этого же заключения, черепно-мозговая травма могла возникнуть в указанный срок при ударах по голове твердыми тупыми предметами, в том числе кожаной папкой. Остаточные явления черепно-мозговой травмы в виде стойких астено-вегетативных проявлений вызвали 15% утрату трудоспособности... Таким образом, полученная черепно-мозговая травма причинила средней тяжести вред здоровью по признакам длительного расстройства здоровья и значительной стойкой утраты трудоспособности менее чем на одну треть. Ушибы мягких тканей грудной клетки и правой верхней конечности, носящие характер тупой травмы, могли образоваться при ударах кулаками, ногами, воздействия края и угла стола и причинили легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья.

Папку, о которой говорил Бородин, мне найти не удалось, но вот что показал один другой оперативник, непричастный к пыткам Бородина: «У меня есть папка для ношения бумаг, из кожзаменителя, черного цвета. Эту папку я обычно оставляю в служебном кабинете. Я работаю в одном кабинете с Мышкиным. Мою папку может взять любой из оперуполномоченных, я ее не запираю, не прячу. Мышкин часто брал эту папку на выезды в составе СОГ. В день 06.08 эта папка оставалась в кабинете. В настоящий момент папка пропала. Кто ее мог забрать, не знаю, возможно, ее забрал Мышкин».

Когда я расследовал это дело, то уголовный розыск объявил мне бойкот: мои поручения по другим делам о розыске подозреваемых и свидетелей, о проведении других оперативных мероприятий не выполнялись. Опера мне говорили: «Работай теперь с Бородиным, мы с тобой работать не будем. Выезжай с ним на убийства, пусть он тебе помогает, мы с тобой ездить не будем. Так что, когда надо будет выезжать по заявке, то звони не нам, а своему Бородину...». Мне угрожали открытым текстом: «Мы тебя найдем, даже если тебя в другой район переведут. Мы узнаем, куда тебя перевели, созвонимся с операми из того района, и из них никто тебе помогать не будет. А сам ты одним вечером можешь с проломленной головой оказаться...». Прокурор запрещал мне предъявлять обвинение тем троим сотрудникам, по делу они все проходили в качестве «свидетелей», хотя потерпевший всех их опознал и указал на них как на лиц, совершивших в отношении него преступление. Прокурор ожидал, что я прекращу это дело, он прямо мне говорил, что в суд он это дело не направит. Тем не менее я дело не прекращал и расследовал его до крайнего срока – шесть месяцев. Продлить срок расследования свыше шести месяцев прокурор района не может, это право принадлежит только прокурору области. Когда этот срок подошел, то прокурор района сказал мне, что прокурор области срок мне не продлит и дал мне указание прекратить это дело. Не выдержав психологического давления, я прекратил дело. Может быть стоило рискнуть и отправиться к прокурору области Демидову с ходатайством о продлении срока, может быть Демидов разрешил бы мне направить это дело в суд? Исходя из всего своего предыдущего опыта, я мог однозначно ответить на этот вопрос лишь «нет». Демидов и поддерживал эту систему, ему гораздо важнее, чтобы оперативники обеспечивали прокуратуре раскрываемость прокурорских уголовных дел, и не в его интересах было портить отношения с милицией. Я был уверен и уверен

до сих пор, что Демидов не дал бы мне разрешения, которое было нужно, чтобы завершить расследование и направить дело в суд. Это подтверждается и тем, что потерпевший и его родственники сами обращались к Демидову и ничего этим не добились. Постановление о прекращении дела отменялось несколько раз судом по жалобе потерпевшего, однако и это ничего не дало. Другие следователи прокуратуры, которым передавали дело после отмены судом постановления о прекращении, вновь прекращали его, особо даже уже не задумываясь об основаниях принятия решения о прекращении: прекратили, и все.

Прекращая это дело, я знал одну важную вещь: я расследовал это дело в полном объеме. В деле были все доказательства вины тех сотрудников милиции. Если бы я задумал прекратить это дело, чтобы освободить их от уголовной ответственности, то я просто не стал бы собирать доказательства по делу, как это делал зам.прокурора Золотов, которому первому поручили расследовать это дело: за месяц он кратко допросил лишь одного свидетеля, при этом тот сказал, что «ничего не видел». В деле просто не оказалось бы доказательств, которые подтверждали бы вину оперов в преступлении. У меня же все доказательства были в деле и остаются в нем до сих пор. Я знал, что в тот момент я реально не могу направить это дело в суд, но я уверен, что такой момент настанет, в нашей стране так бывает, вспомните, к примеру, знаменитое дело «Трех китов», и пусть не я, но другой следователь направит это дело в суд. Я сделал все, что мог реально сделать: я собрал все доказательства, чтобы тогда, когда настанет момент, это дело могло быть направлено в суд и виновные понесли ответственность. Людям, не вовлеченным и не знакомым с милицейско – прокурорской системой, такая логика может показаться ошибочной, но в действительности она верна, и у меня в тот момент реально была только такая возможность спасти это дело. Да, я именно спас это дело, хотя и прекратил его, это поймут потерпевший и все другие, когда однажды это дело дойдет до суда и виновные будут осуждены на основании собранных мной доказательств. Это был тактический проигрыш, но стратегическая победа.

Было одно дело, (вернее проверка) по которому я полностью проиграл. Из него видно, с кем общается прокурор района, и какие у него связи. Однажды летом, поздно вечером, около 23 часов, мне позвонили из РОВД (я был дежурным следователем) и сообщили, что в милицию обратилась потерпевшая от изнасилования. Я прибыл в отдел милиции, опросил потерпевшую, которая рассказала о случившемся. Это была девушка лет двадцати. Один ее знакомый пригласил ее покататься на машине. Привез ее он не куда-нибудь, а в цех по производству мягкой мебели, где работал его знакомый. Тот знакомый, назовем его Сараджинов, в этом цехе не только работал, но и жил там. Он был мигрантом, приехавшим на заработки из Армении. Цех принадлежал также выходцу из Армении, местному «олигарху» Карапетяну, который и взял на работу своего соотечественника. Поскольку жить последнему было негде, он жил в том же цехе, где и работал, там была небольшая комнатка с кроватью, на ней он и спал. В эту комнатку и привел молодой человек свою девушку. После этого он почему-то ее оставил и уехал, видимо, так они заранее спланировали с Сараджиновым, который очень страдал от одиночества в своем цеху. Оставшись наедине с девушкой, и не сумев с ней договориться, он избил ее и изнасиловал. После этого девушка сразу прибежала в милицию.

Получив заявление потерпевшей, я со следственно-оперативной группой поехал в тот цех, где жил Сараджинов. Сделав там осмотр места происшествия, изъяв необходимые вещественные доказательства, я привез Сараджинова в отделение милиции. Удивительно, но Сараджинов не отрицал, что совершил изнасилование. Я составил протокол о его задержании в качестве подозреваемого. Возбудить уголовное

дело я собирался утром, в восемь часов, когда прокурор придет на работу. Мне не хотелось будить его в четыре часа утра. Почти всю ночь я работал, преступление было практически раскрыто, и я ожидал, что прокурор будет доволен выполненной за ночь работой.

Но утром меня ждал большой сюрприз. Прокурор пришел на работу с большим опозданием, около девяти часов утра, что было для него не характерно. Я подждал его в канцелярии с постановлением о возбуждении уголовного дела в руках и поздоровался с ним, когда он наконец пришел, но он очень хмуро посмотрел на меня и сказал, чтобы я зашел к нему через пятнадцать минут. Когда я, наконец, вошел к нему, первой его фразой было: «Что за безобразие вы ночью творите?!» Я был изумлен, хотел рассказать, чем я занимался ночью, но прокурор меня перебил: «Я все уже знаю. Человека, которого вы задержали, нужно немедленно отпустить». Я протянул ему постановление о возбуждении уголовного дела, он взял и мельком взглянул на него. «Вы считаете, что здесь есть состав преступления?» - спросил он. «Да, преступление действительно совершено, подозреваемый сам это признает...». «Вы его с адвокатом допрашивали? Нет! Ваш подозреваемый уже сегодня от своего признания откажется и вы ничего по этому делу не докажете. Я ваше постановление я подписывать не буду. Пишите постановление об отказе в возбуждении дела». Прокурор был очень раздражен и не желал слушать никаких моих доводов. Тем не менее, я заявил ему, что выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела я не буду, поскольку считаю необходимым возбудить уголовное дело об изнасиловании. «Вот мое постановление о возбуждении уголовного дела, мной оно подписано. Я его вам передаю в соответствии с УПК РФ для принятия решения вами. Если вы как прокурор считаете, что мое постановление незаконное или необоснованное, примите процессуальное решение в соответствии с законом». В итоге прокурор вынес постановление об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела. Все это было решено в течение не более часа тем утром. Вскоре я узнал, чем было вызвано подобное поведение и решение прокурора.

Оказывается, ночью в милиции задержанному мной Сараджинову разрешили сделать один телефонный звонок. Он позвонил своему начальнику – Карапетяну, который большой друг прокурора. Узнав о случившемся, Карапетян этой же ночью сразу позвонил прокурору. Таким образом прокурору утром все было уже известно. Просто так ли или за что-то прокурор принял сторону Карапетяна и согласился освободить Сараджинова от уголовной ответственности, я не знаю. Мне лишь было известно о дружбе (если можно назвать отношения двух начальников дружбой) прокурора с Карапетяном, об этом мне рассказал помощник депутата С.Н.Комаров, который также рассказал мне о том, что и Карапетян и другие местные крупные бизнесмены постоянно встречаются с прокурором и делают ему большие подарки.

Часам к одиннадцать ко мне в кабинет пришли двое хорошо одетых армянина, и не представившись, сказали, что они от Карапетяна. «Когда вы освободите нашего Рафика?» – спросил один из них. Пришлось идти с ними в РОВД и Рафика освобождать. Поскольку прокурор принял решение об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела, то содержание Сараджинова в ИВС было незаконным. Как я узнал впоследствии, по указанию прокурора копию протокола задержания, которая была в ИВС, уничтожили. Таким образом, факт этого задержания не попал ни в какую отчетность, его будто бы и не было. По делу остались лишь собранные мной материалы: объяснения потерпевшей и подозреваемого, другие протоколы, и решение прокурора.

Потерпевшая, узнав о решении прокурора, решила придти к нему на прием в тот же день. Поскольку день был не приемный, я лично зашел с ней к прокурору. Мне,

кроме того, хотелось послушать, что он ей скажет в оправдание своего решения. Однако прокурор и не собирался оправдываться. Вместо этого он стал обвинять саму потерпевшую девушку: «Зачем ты туда ночью поехала? Прекрасно все понимала, чем это кончится! Никакого изнасилования там не было и быть не могло. Это тебя надо было бы привлечь за заведомо ложный донос». За заведомо ложный донос ее никто не привлек, хотя если следовать нормам закона и выполнять инструкции Генеральной прокуратуры, то в таких случаях необходимо принимать решение по вопросу об ответственности заявителя, ведь формально получается, что женщина заявила на невиновного человека, раз прокурор его освободил. Жаловаться эта девушка никуда не стала, на этом все и закончилось. Может, прокурор был и прав? Может, действительно не было никакого изнасилования? Я знаю лишь то, что свое решение прокурор принял не по собственной инициативе, а выполняя просьбу друга, и, вероятно, небескорыстно.

Злоупотребления, с которыми я сталкивался, не всегда были вызваны «профессиональной деформацией» (о том, как она происходит, я еще расскажу ниже) или какой-либо корыстной заинтересованностью, иногда это было вызвано чертами характера тех или иных сотрудников, которые были, очевидно, присущи им от природы. Одним из таких людей был дежурный по Шахунскому РОВД Надеждин. Неоднократно я был свидетелем злоупотребления Надеждиным своими должностными полномочиями и халатного отношения к своим служебным обязанностям, при этом действовал он всегда просто из какого-то эхидства, глумления над людьми или желая продемонстрировать мне или другим сотрудникам свое мнимое превосходство.

Так, однажды я находился по делам в дежурной части РОВД в вечернее время. К Надеждину обратилась некая женщина с просьбой помочь ей. Она была сильно расстроена, почти в слезах, жаловалась на своего мужа, который, кажется, ее избил. Надеждин ей сначала отказывался отвечать вообще, как бы ее не замечая. Он прекрасно умел это делать: можно было по несколько раз к нему обращаться, он же делал вид, что вас не слышит и читает что-то в своем журнале. Потом, когда женщина привлекла к себе внимание уже других сотрудников и они стали обращаться к Надеждину, указывая на нее, он стал от нее отделяться, и говорить, что не их обязанность решать ее проблемы с мужем, что они ничего сделать не могут, пусть женщина сама разбирается со своим мужем. Женщина протянула Надеждину заявление, но он ее заявление не взял и выпроводил ее из дежурной части.

Я вспомнил этот случай потом в связи с тем, что мне на глаза случайно попала жалоба той женщины в нашу прокуратуру. Она жаловалась на Надеждина, обвиняя его в том, что он отказался принять ее заявление. По ее заявлению проверку проводила Климова, которая сделала отказ в возбуждении уголовного дела, что было для нее очень характерно. Она сама и Надеждин составили бы «прекрасную» пару.

Однажды на Надеждина в прокуратуру пожаловался следователь милиции Галямов С.Н. Надеждин отказался принять и зарегистрировать заявление о преступлении, когда к нему обратились с соответствующим заявлением. Затем заявитель все же добился приема заявления в другой день, когда дежурный был нормальный. Было возбуждено уголовное дело. Однако, из-за халатного отношения Надеждина к своим служебным обязанностям были утрачены серьезные доказательства по делу, на что и указывал следователь Галямов. Когда заявление дошло, наконец, до следователя, то получить доказательства было уже невозможно, поскольку они были уничтожены виновными.

Характерный случай и с делом обвиняемого по фамилии Приступ. Это дело расследовал я, Приступ обвинялся в совершении убийства. В ту же ночь, когда Приступ совершил убийство, он решил, что лучше не прятаться, а сдаться, явиться с повинной.

Это случается не часто, но в том случае это было так. Приступ той же ночью, почти сразу после преступления позвонил от своего знакомого Дмитриева по телефону в милицию и сообщил, что совершил убийство. Тогда дежурным в отделе милиции был Надеждин, он то и взял трубку в дежурной части, когда звонил Приступ. И сам Приступ, и свидетель Дмитриев показывают, что в трубке Приступу на сделанное им признание в убийстве прозвучало: «*Повесь трубку*». Приступ очень удивился. То, что он действительно звонил, и что ему так ответили подтверждает совершенно не заинтересованный в деле свидетель, который стоял рядом и все слышал. Выйдя от Дмитриева, Приступ в раздумье пошел вдоль по ночной улице. Впереди был магазин, где по ночам торговали из окошка. Приступ постучал и попросил молодую продавщицу дать ему телефон, чтобы позвонить в милицию. Потом эта девушка расскажет мне, что очень удивилась, увидев Приступа, потому что он был весь в крови: одежда, руки были запачканы кровью (Приступ топором зарубил своего собутыльника). Продавщица знала Приступа раньше, поскольку он был местным пьяницей и постоянно покупал у нее в магазине выпивку, поэтому не побоялась дать ему свой сотовый телефон. Приступ вновь позвонил в милицию, вновь попал на Надеждина, и во второй раз сообщил ему о совершенном убийстве. Однако Надеждин вновь ответил Приступу, *чтобы тот положил трубку и больше не звонил*, что слышала и девушка-продавец магазина!

Таким образом, совершивший убийство А.Приступ дважды сообщал по телефону РОВД дежурному Надеждину о совершенном им преступлении, и Надеждин дважды отказывался принять его заявление, умышленно халатно относясь к своим служебным обязанностям, не отреагировал на сообщение о совершении убийства. Только через несколько часов, уже под утро, когда Приступ в третий раз позвонил в РОВД и вновь сообщил о совершении убийства, Надеждин все-таки решил отреагировать. Но и здесь он действовал в своем духе. В ту неделю дежурным следователем был я, о чем он знал, но меня он не любил, особенно после того случая, когда я доложил прокурору, что видел тот случай с женщиной в дежурной части, когда он отказался принять заявление, поэтому он каждый раз при возможности пытался мне досадить. Я в ту ночь ночевал в гостях у моего коллеги В-на, поскольку тогда жить мне было негде, о чем я предварительно уведомлял дежурную часть РОВД, и меня до этого от В-на уже забирали на вызовы. Однако в этот раз никто меня не известил, и за мной не заехали, на место происшествия меня не доставили. Вместо этого Надеждин позвонил в пять утра прокурору, и сообщил, что меня, якобы, нигде не могут найти. Тогда по распоряжению прокурора, который знал, что я ночую в гостях у В-на, к В-ну домой приехал водитель прокурора, которому я открыл дверь по первому же его звонку в дверной звонок, и вместе с ним немедленно поехал на место преступления. На месте преступления я столкнулся с дознавателем РОВД, которая сообщила, что осмотр места происшествия уже произвела, ей в этом помог следователь по ОВД Арефьев. По крайней мере, для меня эта история не обернулась неприятностями, поскольку водитель прокурора подтвердил, что я был дома, а в дежурной части действительно имелся мой телефон, что подтвердили другие сотрудники дежурной части.

После того, как Приступ позвонил в третий раз, и милиция выехала таки на место, Надеждин отправил в ГУВД телетайпограмму следующего содержания: «в 4 часа 21 мин обратился Приступ А.А. и сообщил, что он совершил убийство Семенова. На место происшествия *немедленно* (выделено мною – А.П.) была выслана оперативная группа с ответственным от руководства нач КМ Белолуговым И.Н». При этом Надеждин почему-то не сообщил, что первоначально он дважды говорил Приступу положить трубку, когда тот сообщил об убийстве. Прокурору я в письменной форме доложил о действиях Надеждина, данное заявление также поддержал мой коллега,

работа которого также постоянно страдала от действий Надеждина, но прокурором мое заявление было проигнорировано и, вероятно, попросту уничтожено.

Таковыми же чертами характера, что и у Надеждина, обладает судья местного Шахунского райсуда В.М.Поляков, с той лишь разницей, что как судья он наделен практически безграничными полномочиями и по своему произволу может вершить все, что хочет, руководствуясь одним лишь своим честолюбием. Например, в январе 2004 г. мною в порядке ст. 118 УПК РФ, в связи со злостным уклонением от явки на допрос свидетеля Б-на, было направлено в Шахунский райсуд постановление о наложении на свидетеля денежного взыскания, исполнение которого было поручено Полякову. Под надуманным и незаконным, полностью противоречащим ст. 118 УПК РФ предлогом Поляков В.М. самоустранился от рассмотрения моего постановления, фактически отказавшись выполнить предусмотренные УПК РФ гарантии содействия следствию, лишив таким образом следствие возможности привлечь к ответственности участников уголовного судопроизводства, уклоняющихся от исполнения своих обязанностей. Он потребовал у меня копию повесток, которые я посылал свидетелю. Но следователь не делает копий повесток, даже если бы они были, то ведь чисто логически можно заключить, что наличие копий повесток еще не означает, что оригиналы были отправлены! Корешок повестки следователь может получить, только если повестка вручается свидетелю лично, чего не было в том случае, поскольку свидетель от встречи уклонялся, и повестки направлялись ему по почте. Но более этого, статья 118 УПК и не требует, чтобы следователь предоставлял судье какие-либо документы, кроме постановления о наложении взыскания на свидетеля. Статья 118 УПК требует, чтобы судья вызвал свидетеля и допросил его, и по результатам такой проверки принял решение о наложении взыскания. Поляков же просто не хотел этим заниматься, ему было легче придумать предлог, чтобы ничего не делать.

В другом случае ситуация, сложившаяся из-за произвола, высокомерия и неумной гордыни Полякова, была гораздо более серьезная. 12 августа 2003 года мною в порядке статьи 91 УПК РФ были задержаны трое особо опасных преступников, сформировавших на территории Нижегородской и Ивановской областей преступную банду и совершивших несколько убийств и иных тяжких и особо тяжких преступлений. Из Ивановской области к нам приехала следственная бригада, которая занималась преступлениями этой банды на территории Ивановской области, где эти бандиты совершили несколько убийств и разбойных нападений. Я вышел в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако Поляков, к которому попало рассмотрение данных ходатайств, отклонил ходатайства на основании лишь того, что они, по его мнению, были *озаглавлены* неверно, и освободил задержанных и подозреваемых в нескольких убийствах прямо в зале суда. При этом Поляков вновь нарушил УПК РФ, так как освободил задержанных до истечения 48 часового срока задержания, при этом никаких указаний на то, что задержание было незаконным, не было сделано. С заголовком ходатайств все было в порядке, ходатайства были оформлены в рамках статьи 108 УПК РФ, Поляков просто решил продемонстрировать мне и всем остальным свою власть. Последствия этого его совершенно не интересовали. Он незаконно освободил задержанных из-под стражи, пользуясь правовой неграмотностью сотрудников конвоя ИВС, которые подчинились его незаконному решению, и если бы не содействие следователей прокуратуры Ивановской области, которые от своего имени вновь задержали подозреваемых прямо в суде на выходе из зала, особо опасные преступники были бы незаконно выпущены на свободу прямо из помещения суда. Впоследствии областной суд назначил им всем длительные сроки лишения свободы в качестве наказания за бандитизм, убийства с отягчающими обстоятельствами и разбой.

Также Поляковым было принято незаконное решение об отказе в удовлетворении ходатайства об аресте обвиняемой Лебедевой Н.И., которая совершила преступление, предусмотренное ст. 111 ч. 4 УК РФ. Основанием для отказа явилось то, что в материалах для ареста не была повторно представлена копия протокола задержания Лебедевой в порядке ст. 91 УПК. И это после того, как самим же Поляковым вначале был продлен срок задержания Лебедевой до 72 часов для представления дополнительного характеризующего материала на обвиняемую. Всего за 24 часа до этого копия указанного протокола задержания уже была представлена Полякову, имелась в материалах его дела в Шахунском райсуде, Поляков имел ее у себя при принятии решения по ходатайству об аресте, однако Поляков необоснованно потребовал представить повторную копию, в то же самое дело об аресте Лебедевой, причем сделал это не в официальной форме, а путем звонка по телефону в канцелярию прокуратуры района. Получив по телефону же отказ, Поляков, будучи в состоянии эмоционального возбуждения, которое видела помощник прокурора, участвовавшая в рассмотрении ходатайства об аресте обвиняемой в суде, и испытывая ложно понятое чувство личной обиды, просто освободил преступницу в зале суда. Абсолютно никаких законных оснований для освобождения он не привел, освободил и все! Она очень удивленная, совершенно не ожидавшая такого поворота событий сама пришла ко мне в кабинет в прокуратуру и спросила, что же ей теперь делать. Дело в том, что жить ей было негде, раньше она жила в доме знакомой, которую и убила в ходе пьяной ссоры, за что и была привлечена к уголовной ответственности, а дом после убийства хозяйки сотрудники милиции опечатали, жить там было нельзя. И теперь идти ей было некуда. Отсутствие постоянного места жительства у обвиняемого свидетельствует о том, что обвиняемый может скрыться от следствия, элементарно уйти куда-нибудь в поисках нового жилья, и повестку направить будет некуда, такие обстоятельства прямо указаны в УПК как основание применения меры пресечения в виде заключения под стражу, и Поляков знал об этих обстоятельствах из представленных ему документов. Но он опять, желая продемонстрировать свою «власть», просто наплевал и на закон, и на интересы общества, государства. Такие люди, как Поляков, рассматривают власть, вверенную им, как личную привилегию, которую они могут применять по своему собственному усмотрению, и применяют, чтобы продемонстрировать свою «всемогущность». Они придумывают абсурдные требования, не предусмотренные никакими законами, выполнить которые либо невозможно, либо для их выполнения нужно будет забросить реальные дела, а когда следователь их выполнить не сможет, он принимает еще более незаконные решения, исключительно с целью отомстить, наказать за неповиновение его бредовым прихотям. Такого человека, как Поляков, с моральной точки зрения нельзя назвать судьей, поскольку он пристрастен, тенденциозен, необъективен, руководствуется при принятии решений не действующим законодательством и не соображениями справедливости, а личными амбициями, сиюминутными личными чувствами, самоутверждается путем принятия заведомо неправосудных решений с целью унижить и оскорбить непонравившихся лично ему сотрудников правоохранительных органов и подчеркнуть свою мнимую важность.

В отношении Полякова я два раза в письменной форме просил прокурора направить представление в Судебный департамент Нижегородской области с целью проведения служебной проверки и привлечения судьи Полякова В.М. к дисциплинарной либо к уголовной ответственности в связи с допущенным им произволом и грубейшими нарушениями процессуального законодательства, которые я описал выше. Однако прокурор сказал, что не хочет портить отношения с судом, по сути, подтвердив этим, что содержание решения судьи по уголовным делам зависит от того, какие чувства он испытывает к тем или иным сотрудникам, проводившим

расследование. Никаких мер в отношении Полякова принято не было. Я был единственным, кто заявил Полякову о том, что его решения незаконны, но единственное, что я получил от него в ответ, это грубые оскорбления в мой адрес, рассчитанные на то, чтобы меня унижить. Унижать других путем произвола – это смысл жизни таких беспозвоночных, название которых вынесено в заглавие этой главы. Впрочем, критиковать таких людей бесполезно – в любой, самой разумной и обоснованной критике они услышат лишь личное оскорбление и сделают все, чтобы лично отомстить.

Однако страшнее не произвол таких, как Поляков или Надеждин, а то, что в нашей стране люди, наученные горьким опытом, скорее готовы приспособливаться и выполнять абсурдные и полностью незаконные требования таких зарвавшихся функционеров, чем добиваться законности и справедливости.

Немного выше я затронул проблему профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов. Один из аспектов этой проблемы заключается в нравственных, или вернее, безнравственных изменениях мотивации человека, когда человек становится способным на подлость, на подлог, фальсификацию доказательств, применение пытки лишь для того, чтобы выслужится перед начальством, получить продвижение по службе, иными словами, чтобы соответствовать существующей системе беззакония и произвола. Я наблюдал такую трансформацию своими глазами, прямо передо мной молодой сотрудник, пришедший на работу в прокуратуру после окончания юридического вуза, превратился в классического представителя этой системы.

Первое время, месяц или два, после того, как он пришел на работу, он еще проявлял определенный энтузиазм и принципиальность, но потом понял, что именно требуется от сотрудников в этой системе и постепенно стал следовать ее канонам. По одному уголовному делу, которое возбудил я, но прокурор передал его ему, один эпизод не получал объективного подтверждения. Дело было возбуждено по заявлению одного молодого человека, который утверждал, что его избили и совершили над ним акт мужеложества его знакомые парни, которым он задолжал денег. Он утверждал, что те парни жестоко издевались над ним, унижали его в компании его знакомых, и в частности, сняли с него шапку, наплевали в нее и надели ему на голову. Эта шапка была у него изъята и приобщена к делу, предстояло провести биологическую экспертизу, которая бы установила, имеются ли на ней следы слюны подозреваемых. Следователю, назовем его Врасенин, почему-то показалось подозрительным утверждение потерпевшего относительно шапки, может потому, что подозреваемые этот эпизод отрицали. Как бы то ни было, Врасенин решил на этот счет подстраховаться. Он объявил подозреваемым, что для производства экспертизы необходимо получить образцы их слюны. Подозреваемые послушно плюнули на марлевые тампончики, которые Врасенин положил в конвертики. Но когда подозреваемые ушли, он эти тампончики вынул и натер их слюнями внутреннюю поверхность шапки потерпевшего. Тампончики после этого для экспертизы стали непригодны и пришлось их выбросить, однако это не было препятствием ни в коей мере. Следователь вновь вызвал подозреваемых, и сказал, что образцы их слюны в бюро судмедэкспертизы потеряли и поэтому нужно еще раз у них получить слюну для экспертизы. Процедуру повторили. На экспертизу он направил шапку и другие два тампончика.

Конечно, такую фальсификацию нельзя бы было совершить, если бы нормы УПК, касающиеся хранения вещественных доказательств и получения образцов для сравнительного исследования соблюдались в прокуратуре. Но работа с вещдоками

построена так, что следователь волен совершать любые манипуляции с ними. По закону упаковывание и распаковывание вещественных доказательств (а шапка в том случае была вещдоком) должно производиться в присутствии понятых, по каждому такому случаю должен составляться протокол, в котором понятые должны расписываться. Бирки на упаковке вещдоков, также должны иметь подписи понятых, и при распаковывании эти бирки должны разрываться, а на новых бирках при упаковывании должны вновь расписываться понятые. Однако понятыми, как правило, являются подставные лица, это либо неоперативные работники прокуратуры (водитель, уборщица, секретарь и т.п.), либо знакомые следователя, либо за понятых расписываются административно задержанные содержащиеся в ИВС, подписи которых можно подделать без каких-либо последствий, поскольку эти лица после освобождения ни за что по повесткам ни в прокуратуру, ни в суд не явятся.

В другом случае Врасенину понадобилось во что бы то ни стало получить показания одного свидетеля относительно совершенного на его глазах преступления. Свидетель, молодой парень из деревни, никогда раньше с правоохранительными органами реально не сталкивался. Он был знаком с обвиняемым и выгораживал того. Вообще цель следователя была благой, но достичь он ее пытался весьма не благими методами. Он изготавил на компьютере постановление о возбуждении уголовного дела в отношении того свидетеля за дачу заведомо ложных показаний и подделал на нем подпись прокурора. Затем он вызвал свидетеля на допрос, и когда тот вновь стал говорить, что «ничего не видел», Врасенин вытащил из стола свое постановление и вручил его свидетелю. «В отношении вас возбуждено уголовное дело за дачу заведомо ложных показаний. Далее может последовать арест. Если, конечно, ты не сознаешься» - с каменным лицом сообщил он свидетелю. Тот был потрясен. Далее Врасенин быстро достал протокол допроса и быстро написал нужный ему текст показаний. «Ну что, подпишешь свои показания? Если подпишешь, я завтра же дело в отношении тебя прекращу». Свидетель, еще не оправившийся от потрясения, протокол подписал. Нужно сказать, что впоследствии этот парень от своих показаний все равно отказался.

Последним этапом трансформации молодого сотрудника Врасения стало его одобрение избиений задержанных. Он сам стал требовать от оперов, чтобы те выбивали признания из подозреваемых, а в разговорах со мной и с другими следователями высказывался за применение подобным методов. Кстати, благодаря такому подходу в работе ему приходилось усердствовать гораздо меньше, чем мне. Если я приходил на работу раньше всех, еще до начала рабочего дня, а работать заканчивал иной раз около полуночи, весь день работая над сбором реальных доказательств, то он мог приходиться на работу часам к десяти, до обеда пить лимонад и играть в игрушки на компьютере, с работы он уходил точно в шесть часов, как только шесть часов пропикает по радио. Это действительно была в первую очередь *профессиональная* деформация, поскольку в неформальном общении он оставался добродушным и отзывчивым человеком, хорошим приятелем. Так система изменяет нравственность людей. Однако, в конце концов это изменение не может не перейти с отношения к работе на отношение к людям вообще и к жизни в целом.

Вот другой пример, демонстрирующий справедливость приведенного выше тезиса. Это уже из практики Канавинской прокуратуры Н.Новгорода. Некий гражданин подал в прокуратуру жалобу на незаконное задержание и избиение сотрудниками милиции. Проверку по этой жалобе проводил помощник прокурора Сероглазов (с которым я сидел в одном кабинете, и по рапорту которого я и был впоследствии уволен). К себе в кабинет он вызвал шестерых сотрудников милиции, на которых потерпевший указывал в своей жалобе. Этих сотрудников он всех вместе одновременно усадил вокруг своего стола и стал записывать их объяснения, при этом сам же эти

объяснения придумывая по ходу дела. «Этого человека вы не били» – говорил им Сероглазов, «Да, да!», - радостно подтверждали милиционеры, «Он был сильно пьян и сам вас обзывал грубой нецензурной бранью», - «Да, да, так оно и было». Таким образом, все шестеро дали *последовательные, непротиворечивые* объяснения, полностью опровергающие заявление потерпевшего. После этого Сероглазов вызвал потерпевшего и сообщил ему о том, что все сотрудники милиции не сговариваясь опровергли все обвинения в свой адрес. В жалобе было отказано. Я после этого спросил Сероглазова, а что будет делать он сам, если его самого вдруг незаконно задержат и избьют сотрудники милиции. На это он удивленно ответил: «Как это? Мне наоборот все менты будут всегда благодарны...».

Однажды он рассказал мне такую историю. Он ехал на электричке в Дзержинск и в вагоне ему очень надоедал сидящий рядом бомж, от него плохо пахло. Вскоре появился контролер с сопровождавшим его сотрудником милиции. У бомжа конечно же билета не оказалось. Контролер вывел его в тамбур, поезд как раз остановился на остановке, но бомж выходить не хотел и с контролером пререкался. Видя, что поезд сейчас тронется дальше, а от бомжа отделаться не удастся Сероглазов вышел в тамбур, показал милиционеру и контролеру свою прокурорскую ксиву и попросил их этого бомжа высадить, потому что тот ему надоел. «Да вот, он выходить не хочет...» - ответили Сероглазову. Тогда Сероглазов схватил бомжа за грудки и выбросил его из тамбура поезда на платформу. Двери закрылись и поезд поехал дальше. «Ненавижу бомжей» - сказал мне, закончив рассказывать эту историю, которой он поделился со мной, будучи очень собой доволен и, видимо, ожидая, что я разделю его радость от унижения того бомжа. Однако я почему-то представил себя на месте того бомжа. И действительно, через некоторое время он поступил со мной примерно также, только на несколько порядков более жестоко, по сути, запустив механизм, используя который меня выбросили из прокуратуры.

Если такие, как Врасенин приходят на работу в прокуратуру относительно чистыми, и уже система делает из них фальсификаторов и палачей, то другие с самого начала имеют с своим характере такие черты, они приходят в прокуратуру, чтобы реализовать их, и работать по-другому они просто не могут. Именно таким был ст.следователь Арефьев, некоторые дела которого я описал выше.

Для Арефьева основными чертами характера были завышенная оценка уровня своего профессионализма, самоуверенность, игнорирование иных мнений, амбициозность, самолюбие и любовь к славе, карьеризм как основной стимул в работе, правовой нигилизм и низкий уровень нравственности, отношение к людям исключительно исходя из их должностного и имущественного положения. Люди в его понимании делятся на «уродов» и «людей», и судьба «уродов» не имеет для него никакого значения, если на карту поставлены интересы карьеры и личной выгоды.

По этому поводу можно привести известный прецедент, связанный с деятельностью следователя М.К. Жавнеровича. В свое время он удостоился всевозможных похвал, был признан *лучшим следователем республики* Белорусия. Однако впоследствии вскрылось, что множество дел, в том числе и по которым были вынесены приговоры к смертной казни, были им сфальсифицированы, а «его культ возник потому, что он нужен был в отчетной игре его ведомства с вышестоящими организациями. Инерция же дутого его авторитета действовала безотказно: суды штамповали его следственные документы, не подвергая их, как это следует, сомнению». (См. Н.Н. Китаев. Неправосудные приговоры к смертной казни. С. 22 и др.). Читая о Жавнеровиче я не мог отделаться от мысли, что читаю об Арефьеве.

Чем же занимался Арефьев после своего повышения, как он помогал молодым следователям, ведь ради этого на него возложили полномочия прокурора-криминалиста. В основном он занимался написанием отчетов для областной прокуратуры. Он рассылал по прокуратурам северного региона области запросы о том, сколько у следователей дел в производстве, какие сроки следствия и т.д., и составлял по полученным ответам отчеты. Выезжал он и на места происшествия. Однажды я по каком-то делу зашел к нему в его новый кабинет и застал его за написанием отчета о проделанной работе в ходе одного такого выезда на место происшествия для оказания помощи местному следователю. Арефьев придумывал, какую же помощь он оказал. Наконец, он придумал и распечатал свой отчет. Я попросил у него посмотреть и прочитал: «в ходе выезда...было порекомендовано назначить биологическую экспертизу по одежде задержанного после проведения криминалистической, так как иначе следы волокон наложения могут быть утрачены...». Вот для чего государство в лице прокуратуры истратило почти три миллиона рублей, оснастив его а/м «Соболь», напичкав новейшей дорогостоящей электроникой и т.п. Для того, чтобы приехав со своим личным водителем к следователю в район, он дал ему совет, известный даже студенту, изучившему криминалистику в рамках вузовского предмета. Хотя для неюриста и непрофессионала его важно звучащий «совет» и может показаться стоящим вложенных в него государством затрат.

Когда же в областной прокуратуре стали требовать, чтобы Арефьев расследовал и направлял в суд уголовные дела, ведь он был назначен на должность следователя по ОВД, пусть и с полномочиями прокурора-криминалиста, то он решил эту проблему своим проверенным способом – за счет труда других. Однажды я узнал, что местный адвокат попал с сердечным приступом в больницу, и поскольку мы были в очень хороших отношениях, я решил сходить навестить его в больницу. «Вот, Арефьев тоже приходил...» – сказал он мне, когда я пришел к нему в палату и мы уже немножко поговорили. «А ему чего надо было?» – спросил я удивленно. «Приходил дело подписывать» – ответил адвокат. Дело в том, что как правило следователи особо не заботятся о том, чтобы во всех следственных действиях, в которых участие адвоката обязательно, он бы реально участвовал. Достаточно лишь указать его в протоколе, оставить ему место для подписи, а когда дело будет закончено расследованием зайти к адвокату или вызвать его к себе и он распишется в нужных местах. В результате будет безупречная иллюзия того, будто адвокат реально участвовал в деле. Именно для этого и заходил к тому адвокату Арефьев, но не это меня тогда удивило. «Но ведь Арефьева повысили и он больше уголовные дела не расследует, он же теперь отчеты пишет?» «А он это дело и не расследовал. Он его забрал у другого следователя...», – ответил адвокат. И действительно, как я потом выяснил, Арефьев забрал, добившись подписания соответствующего постановления о передаче дела у прокурора, полностью расследованное уголовное дело у нового старшего следователя Шахунской прокуратуры, составил обвинительное заключение и направил это дело в суд, отправив в областную прокуратуру отчет о том, что он расследовал это дело и направил в суд. Вот так он занимается теперь расследованием уголовных дел. За это он получал около двадцати тысяч рублей в месяц, а теперь, вероятно, еще больше. Кстати, именно получение денег на новой должности он считал самым трудным. «В Шахунской конторе зашел в канцелярию и сразу получил зарплату. А в областной прокуратуре у нас на всех сотрудников одно окошечко, и там целая очередь выстраивается, по двадцать минут стоять в очереди приходится!» – жаловался он Толстогузову во время одной поездки на его новом служебном «Соболе».

Работа, внешне создающая впечатление бурной деятельности, особенно, у непрофессионалов и у руководства, следящего за работой лишь по отчетам, но в

действительности заключающаяся в бездействии и халатности, характерна для наших правоохранительных органов. Это особая традиция, возникшая еще в революционные годы в период расцвета деятельности ВЧК, и сохранявшаяся в течение всего советского периода.

Вот что пишут по этому поводу в своих мемуарах бывшие сотрудники КГБ о своих высокопоставленных чекистских начальниках: «Судоплатову и мне – его заместителю /Эйтингтону/ – приходилось выдумывать, чем бы занять подчиненных нам сотрудников, чтобы создать хотя бы видимость работы»; «не умеют у нас беречь народную копейку. Мы столько сил и средств вбухаем в дело, а нам, мать твою, - стоп машина, и все коту под хвост. А так хочется какой-нибудь вражине башку проломить, прямо руки чешутся». «У многих районных МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают сотрудники районных отделений МГБ в течение года. Абакумов обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление Судоплатова, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы. В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалование по 5 – 6 тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для Абакумова нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом «выдвинуть»⁷.

Полковник МВД в отставке Э.Хлысталов, автор первого в СССР подробного и обстоятельного исследования обстоятельств убийства великого русского поэта С.Есенина, нашел в секретных архивах КГБ документальное подтверждение провокаций сотрудников НКВД, призванных создать впечатление о якобы кипучей работе. Он приводит совсекретную записку 1956 года к заседанию Комиссии партийного контроля и отдела административных органов ЦК КПСС: «...Проверкой установлено, что в 1941 году с санкции руководства НКВД СССР Управлением НКВД по Хабаровскому краю близ границы с Манчжурией была создана ложная пограничная база... По замыслу работников НКВД, имитация советской пограничной заставы и японских пограничных и разведывательных органов предназначались для проверки советских граждан... Использовали «мельницу» для фальсификации материалов обвинения советских людей. «Проверка» начиналась с того, что человеку предлагалось выполнить задание органов НКВД. После получения согласия инсценировалась заброска на территорию Манчжурии и задержание японскими властями. «Задержанный» доставлялся в здание «японской военной миссии», где подвергался допросу работниками НКВД, выступавшими под видом сотрудников японских разведывательных органов...Допрос имел задачей добиться от «проверяемого» признания «японским властям» о связи с советской разведкой, для чего создавалась исключительно тяжелая, рассчитанная на моральный надлом человека обстановка допроса, применялись различного рода угрозы и меры воздействия...С 1941 по 1949 год через «мельницу» было пропущено около 150 человек». В итоге, когда человек «возвращался», его арестовывали, дело направляли на рассмотрение Особого совещания НКВД и его расстреливали. По этому поводу Э.Хлысталов делает справедливый вывод: «Шла суровая Великая Отечественная война...а в это время в тылу трусливые чекисты в угоду своим низменным интересам уничтожали лучших советских людей. Им самим защищать страну не хотелось, не желали они трудиться и на оборонных заводах, где рабочий день продолжался по 16 – 17 часов...Вместо того, чтобы защищать Родину, они «выявляли шпионов», получая в голодающей стране приличное питание, большую заработную плату, бесчисленные ордена и медали. Подобная кровавая провокация ставила своей целью показать Сталину и Политбюро кипучую деятельность органов государственной безопасности в борьбе с

⁷ Степанков В.Н., Киселев А.В., Шарапов Э.П. Чекисты Сталина. – СПб, Нева, 2006. С. 113, 114, 264-265

иностранными разведками. Ни одна страна мира не знала подобного преступления своих спецслужб...Провокация спецслужб является самым тяжким преступлением. Организаторы и исполнители провокаций должны рассматриваться как изверги рода человеческого, как самые опасные преступники и караться только смертной казнью. У автора этих строк нет сомнения, что в архивах бывшего КГБ имеются документы, свидетельствующие и о других подобных провокациях, но все они держатся в строжайшем секрете». Э.Хлысталов завершает одну из своих последних статей (он умер в 2003 году) такими словами: «Меня спрашивают: «А как сегодня обстоят дела в наших «органах»? Ответить на этот вопрос невозможно. Число сотрудников, их финансирование являются государственной тайной. Чем занимается целая армия работников спецслужб на государственные деньги, не знают депутаты Государственной Думы, Правительство и народ. Нужны ли спецслужбы в таком огромном количестве неизвестно. Все спецслужбы подчиняются лично Президенту РФ... Возможно, лет через пятьдесят или сто кое-что станет известно»⁸. К этому следует лишь добавить, что «органы» – это не только спецслужбы, но в первую очередь, прокуратура и милиция, и все вышесказанное в полной мере справедливо по отношению к ним.

В заключение этой главы я выделю несколько признаков, по которым можно определить, что следствие осуществлялось как минимум с обвинительным уклоном, а как максимум с использованием подлога, фальсификаций, применения насилия к обвиняемым. Эти признаки могут помочь обвиняемым защищаться от выдвинутого против них незаконного обвинения, а их близким – определить наличие и применение следствием незаконным методов расследования, дать сигнал о том, что такие методы применяются. Все это должно помочь пострадавшим по сфабрикованному уголовному делу.

1. Лицо, привлеченное впоследствии в качестве обвиняемого, первоначально было задержано в административном порядке по сфальсифицированному материалу об административном правонарушении.

Выше я приводил в качестве примера историю с задержанием Бородина, когда таким задержанием сотрудники милиции пытались добиться от него признания в преступлении, которого он не совершал. Эффективным способом защиты от этого является обращение с жалобой в федеральный районный суд.

2. Содержание под стражей лица превышает два месяца и доходит до шести месяцев.

Длительные сроки содержания под стражей часто вызваны тем, что версия следствия не получает объективного подтверждения и недостающие доказательства пытаются сфабриковать. А в первую очередь надеются получить признание обвиняемого, поскольку сегодня в суде признание является, как и в эпоху Петра Первого, «царицей доказательств».

3. В уголовном деле в качестве доказательства фигурируют показания сокамерника обвиняемого, которому обвиняемый, якобы, рассказал в камере СИЗО или ИВС о совершенном преступлении.

Такой метод применяется еще с советских времен. Это так называемые «подсадные», их подсаживают в камеру к обвиняемому, и тот начинает пытаться «разговорить» обвиняемого. Впрочем, в современных условиях это может и не требоваться, важно лишь документально зафиксировать, что обвиняемый и подсадной сидели вместе в одной камере. Затем подсадного допрашивают и проводят очную ставку с обвиняемым. Не важно, что обвиняемый будет все отрицать, важно, что

---

⁸ Хлысталов Э.А. Тайна гибели Есенина. Записки следователя. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 468 – 474 и др.

подсадной даст показания в качестве свидетеля, что обвиняемый ему рассказал о совершенном преступлении. Судом это будет оценено как доказательство вины обвиняемого.

4. По делу была проведена проверка показаний подозреваемого (обвиняемого) на месте с применением видеозаписи, при этом никакой новой информации данное следственное действие не дало.

Такие проверки проводятся с двумя основными целями: во-первых, создать дополнительное доказательство, подтверждающее вину обвиняемого, вернее, видимость такого доказательства. В деле появится дополнительный протокол с фотографиями, дело от этого станет толще и солиднее. Во-вторых, наличие фотографий, видеозаписи призвано оказать на обвиняемого психологическое воздействие, психологически закрепить его в роли обвиняемого. Практика показывает, что это цель эффективно достигается с помощью этого способа, даже если обвиняемый оговорил сам себя в результате применения насилия.

5. Содержание протокола допроса подозреваемого аналогично содержанию протокола допроса обвиняемого. Показания лица записаны в протоколе с использованием лексики и формулировок, явно не соответствующих образовательному, профессиональному и культурному уровню допрашиваемого, но при этом характерны для допрашивающего лица (следователя). При этом одни и те же формулировки могут встречаться в протоколах допроса разных лиц.

Это случаи, когда первый протокол допроса в качестве подозреваемого следователь придумывает сам и записывает его в присутствии подозреваемого, а тот по тем или иным причинам соглашается подписать его, возможно, рассчитывая на то, что в будущем изменит показания. Подписав этот протокол, подозреваемый становится связан им, эта связь носит в основном психологический характер, поскольку юридических препятствий к изменению показаний нет. Но на практике подписанный протокол часто эффективно влияет на последующие показания обвиняемого. Следователь переписывает протокол допроса подозреваемого из слова в слово (а это именно те слова, которые нужны следователю, ведь он сам их и придумал), после чего приносит его обвиняемому и говорит, что в этом протоколе «то же самое, что было раньше». Для обвиняемого это звучит, как «хуже уже не будет», и он подписывает этот протокол. Вопрос с подписью адвоката легко решается способом, описанным несколько выше.

6. В деле имеется «явка с повинной», данная фактически уже после задержания лица, составленная с использованием выражений, характерных для служебных документов сотрудников правоохранительных органов, канцеляризмов, не свойственных речи подозреваемого. Как правило, такая «явка» не содержит последовательного изложения обстоятельств совершения преступления, но при этом может содержать много сведений, прямо не относящихся к преступлению.

Канцеляризмы как правило однозначно свидетельствуют о том, что «явка» написана под диктовку сотрудников правоохранительных органов. Мешанина из сведений, не относящихся к делу, и признания в совершении преступления, вызвана тем, что задержанный в явке пытался описать реальную ситуацию, но был вынужден вписать туда и те признания, которые его заставили сделать сотрудники. Так, например, на целом листе задержанный может описывать с кем, когда, куда он ходил в течение дня, кому и что говорил и что ему отвечали, где и когда покупал спиртное и т.д., и после этого неожиданно переходит к преступлению и пишет что-нибудь вроде: «а затем из чувства личной неприязни с целью завладеть портфелем Иванова я совершил его умышленное убийство». Иногда следователь, желая смягчить шок задержанного от сделанного признания, придумывает и разрешает ему написать в

«явке» какое-нибудь «смягчающее» (больше в глазах самого задержанного) обстоятельство, и тогда задержанный дописывает: «но Иванов сам на меня напал с ножом, и я, когда его убил, защищался». Эту дописку следствие легко потом опровергнет, а признание обвиняемого запустит часто необратимый механизм уголовного преследования: арест, обвинение, суд, приговор.

7. Обвиняемый заявляет о своем алиби либо выдвигает отличающуюся от следственной версию происшедшего, но данные обстоятельства либо не подвергались проверке, либо проверка была проведена формально.

Если следователь игнорирует все прочие версии, кроме избранной им самим, значит он боится за свою версию, и у него мало доказательств по ней. Проверка иных версий может в таком случае легко разрушить версию следствия. Если же версия следствия твердая и подтверждается реальными доказательствами, пусть даже их мало или они косвенные, но в любом случае проверка иных версий разрушить версию следствия не сможет, а наоборот подтвердит ее, так как иные версии не подтвердятся.

8. Либо через некоторое время после дачи признательных показаний, либо в суде обвиняемый (подсудимый) отказывается от ранее данных показаний, заявляя, что они были получены в результате применения к нему насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Как правило, с первых дней работы старшие сотрудники говорят молодому следователю: «Все обвиняемые в суде отказываются от своих показаний». В результате практически у всех следователей сформировалось мнение о том, что отказ обвиняемого от своих показаний в суде – это нормальное явление и не связано с тем, что на следствии обвиняемый оговорил себя. На самом деле это не всегда так. Например, мои обвиняемые по делам, которые расследовал я, почти никогда не отказывались в суде от своих показаний. Их показания были получены законно и у них не было оснований от них отказываться. Психологический момент здесь играет большую роль: если следователь получил признание обвиняемого обманным путем, с помощью, например, обманного обещания изменить меру пресечения с ареста на подписку о невыезде, то даже если признание правдивое, обвиняемый в суде легко от него откажется, потому что у него на это будут психологически обоснованные мотивы: следователь поступил с ним нечестно. Еще легче отказаться от своего признания, если оно было «выбито». Поэтому в случае отказа подсудимого от своих показаний, данных на следствии, это может свидетельствовать не о том, что на следствии обвиняемый оговорил себя, его показания вполне могут быть соответствующими действительности, но такой отказ как правило всегда свидетельствует о том, что эти показания, пусть и правдивые, были получены незаконным путем: либо с помощью обмана, либо с помощью насилия.

9. Основным доказательством вины по делу является признание обвиняемого. Остальные доказательства являются косвенными и при отсутствии признания не образуют системы, слабо между собой связаны.

Такие дела есть, более того, вполне можно создать впечатление того, что показания обвиняемого подтверждаются другими доказательствами. Типичным набором таких доказательств будут, кроме протокола допроса обвиняемого с признанием: протокол проверки показаний на месте, заключение медицинской экспертизы (выводы судмедэкспертизы относительно того, каким образом был убит погибший, будут соответствовать показаниям обвиняемого, например, если тот скажет, что наносил удары кулаками (доской, ножом и т.п.), то в заключении будет написано, что телесные повреждения, вызвавшие смерть, могли быть причинены в результате ударов кулаками (доской, ножом и т.п.). Это достигается путем умелой постановки вопросов эксперту (если следователь профессионал и опирается на свое мастерство) или путем договоренности с экспертом (если следователь опирается на свои личные

связи)). Далее, по любому делу об убийстве или изнасиловании обязательно будет заключение биологической экспертизы. Во-первых, его легко подтасовать, сфабриковать нужные следы на вещдоках с помощью способа, описанного мной выше, который применил мой коллега по делу о «плевках в шапку», а во-вторых, можно воспользоваться недостатками заключений самих экспертиз. Экспертные учреждения сегодня испытывают нехватку реактивов, препаратов, иных средств, и часто делают выводы очень широкие, определяю, например, только группу крови, не указывая даже резус фактор. Такое заключение следователь может истолковать как подтверждающее причастность обвиняемого к преступлению, хотя при желании можно его интерпретировать и как доказательство его невиновности. И наконец, по делам об изнасиловании и некоторым другим делам почти всегда проводится криминалистическая экспертиза. В ходе нее устанавливается, соприкасались ли друг с другом предметы одежды обвиняемого и потерпевшего. Здесь опять очень просто сфабриковать следы на вещдоках. Нужно следователю заключение криминалистической экспертизы по волокнам наслоениям и микрочастицам получается элементарно, достаточно лишь потереть направляемые на экспертизу образцы друг о друга. С другой стороны, заключение этой экспертизы также может быть очень широким. Микрочастицы и волокна, например волокна ткани одежды, могут быть как одной группы, так и одного рода. Совпадение по группе – достаточно редкое явление и с большой вероятностью свидетельствует о том, что сравниваемые волокна произошли от одной и той же вещи, но совпадение по роду может и не означать этого. Тем не менее следователь может положить в основу обвинения именно совпадение по родовым характеристикам, а на практике такое совпадение встречается практически всегда, поскольку очень многие предметы одежды изготовлены, скажем, из хлопка, и волокна хлопка могли появиться на одежде потерпевшей откуда угодно, совсем не обязательно это волокна джинсов обвиняемого. Учитывая же то, что по делу имеется признание обвиняемого, то эти два доказательства подтверждают друг друга. В действительности, без признания обвиняемого заключение экспертизы не имело бы практически никакого доказательственного значения, но в сопоставлении с признанием оно выглядит как его подтверждение. В итоге создается впечатление наличия «системы доказательств».

10. Обвиняемый имеет низкий социальный статус, слабое образование. Несмотря на то, что обвиняемый может быть признан вменяемым амбулаторной судебно-психиатрической экспертизой, в действительности у него могут иметься психические расстройства, не исключающие вменяемости, либо повышенная внушаемость, слабоволие, что не нашло по тем или иным причинам отражения в описательной части заключения экспертов-психиатров, а психологическая экспертиза по делу не проводилась.

Первые два фактора позволяют следователю не опасаться жалоб со стороны обвиняемого, даже если они будут, их легко будет опровергнуть в силу их неграмотности, и не опасаться использования обвиняемым связей с начальством, поскольку их у него нет. А повышенная внушаемость позволяет склонить обвиняемого подписать протокол с признанием. Обвиняемый при этом может наивно надеяться, что опровергнет свои показания, откажется от них в суде. Он не знает, что подписанному им протоколу суд поверит больше, чем его живым показаниям в суде.

11. Следователь, проводивший расследование, обладает такими чертами характера, как завышенная оценка уровня своего профессионализма, самоуверенность, игнорирование иных версий, кроме собственной (выгодной с точки зрения отчетности), амбициозность, самолюбие и любовь к славе, карьеризм, правовой нигилизм и низкий уровень нравственности, отношение к людям исключительно исходя из их

должностного и имущественного положения. При этом основными качествами личности сотрудника правоохранительных органов, необходимыми с точки зрения руководства для принятия на работу и достижения успехов в карьере являются личная преданность, способность и готовность выполнять поручения, не соответствующие, а зачастую противоречащие закону, но выгодные для руководства.

Такие черты характера и качества личности приводят к тому, что сотрудник относится к людям, к подследственным, как к вещам, он полностью равнодушен к их судьбе. Однако нужно заметить, и это определенный вывод из всего вышесказанного, что появление как сотрудников с такими чертами характера, так и таких черт характера у сотрудников, их в начале своей карьеры не имевших, вызвано, прежде всего, общим направлением правоприменительной практики, состоянием системы правоохранительных органов, и по сути, является выражением современной уголовной политики, в той форме, в которой она реально осуществляется.

Глава 4. Need a Dirty Woman

Но есть и Божий суд, наперсники разврата...
М.Ю. Лермонтов. Смерть поэта.

Шума двигателя в триста лошадиных сил было почти не слышно. Мощный внедорожник несся по гладкому асфальту ночных городских улиц. Я сидел на заднем сиденье отделанного бежевой кожей салона и невольно прислушивался к разговору водителя и его пассажира.

После того, как я и Саша К-ин, следователь Канавинской прокуратуры, окончили работу, а было уже около полуночи, он предложил подвезти меня. За ним должен был заехать его папа, крупный бизнесмен. На его машине мы сейчас и ехали.

На этом внедорожнике Саша почти каждый день сам ездил на работу в прокуратуру, и уезжал на нем же после работы. Из его разговора с отцом я узнал, что не спроста он так любил папину машину.

«...А как тебе Nissan?», - спросил сын.

«Ну, внедорожник так себе...»

«Зато задние сиденья у него широкие...Это иногда очень кстати».

«Да, уж. Помнишь историю про...?»

«Ага, жена у него в машине женские трусики нашла!»

«А он сказал, это ветошь, чтобы машину протирать!»

«Ха-ха, трусики – ветошь!». Папа и сын рассмеялись, понимая друг друга.

По-разному можно относиться к истории, связанной с отставкой генерального прокурора Ю. Скуратова. По центральному телеканалу «Россия» были показаны кадры, сделанные скрытой видеокамерой, на которых генеральный прокурор занимался сексом с двумя проститутками. Эти кадры растиражировала желтая пресса. Официальные СМИ почти сразу после этого стали называть показанного в этом «порно» человека не генеральным прокурором, а «человеком, похожим на генерального прокурора». Однако не смотря на то, что таким образом причастность Ю.Скуратова к забавам с проститутками на служебной квартире была как бы опровергнута, сам генеральный прокурор вышел в отставку.

Видимо, мы так и не узнаем, был ли это сам Ю.И. Скуратов или же только «человек, похожий на генерального прокурора». Но для меня, как знающего изнутри нравы прокурорских сотрудников, ясно одно: одним из правил «хорошего тона» в

прокуратуре считается одобрительное отношение сотрудников-мужчин как к проституткам в частности, так и к проституции и разврату вообще.

Их сознание трансформировалось специфическим образом. Разврат, проституцию они не воспринимают как аморальные явления, наоборот, это для них норма, атрибут полноценной жизни. А чистота и непорочность воспринимаются ими как незрелость или ущербность. Отношения, построенные на любви, они подвергают циничному осмеянию, что впрочем, легко объяснимо с психоаналитической точки зрения: в их жизни любовь отсутствует, поэтому, пытаясь психологически компенсировать эту потерю, они отрицают ценность любви.

Отношения с женщинами они целенаправленно примитивизируют. «Вчера подобрал одну на остановке, привез к себе...», - говорит в компании один из них, - «...а она после и говорит: «Я тебя люблю!», я ее спрашиваю: «Это еще почему?», а она отвечает: «Я с тобой в первый раз одновременно кончила!». «Ну, - говорю я, - это естественно, это, ха-ха, объясняется физиологически! Ха-ха». «Да, - говорит другой, - не надо всего этого, встретились и разбежались, а когда они начинают – «любовь», значит надо прекращать, не надо этого...». Все одобрительно, согласно кивают.

Однажды оперативники изъяли на рынке видеокассеты с порнографией, и я случайно оказался рядом, когда они и Арефьев обсуждали содержание этих кассет. «Мне вот там черненькая понравилась...», - говорил он. «Юрик, а как ты вообще относишься к проституткам?», - спросил я. «Леш, что такое проститутки? Ты пойми, есть просто *женщины*...». «Ну, а вот если бы твоя дочь, которой сейчас лет восемь, кажется, стала бы в порнофильмах сниматься, ты бы кем ее считал?» «Ну, ты мою дочь не трогай! Это совсем другое дело!», - возмущенно ответил он. «А в чем тогда разница?» В чем тут разница, он мне так и не ответил. Впрочем, если вспомнить их логику, то все становится понятно. Они мыслят в рамках двойного стандарта: есть *мы*, и есть они, *остальные*, быдло. По отношению к *остальным* можно поступать как угодно, поэтому и не является зазорным для *остальных* женщин сниматься в порнофильмах. Даже если в течение фильма такая «актриса» вступает в весьма извращенные отношения с несколькими разными мужчинами, и не только мужчинами, за что и получает свой «гонорар» после съемок, то все равно по их логике она не является проституткой; для *остальных* женщин, по их логике, именно такое поведение и является нормальным, это поведение, которое присуще скотам, но ведь именно скотами они и считают всех *остальных*. Остальные – это люди низшие, они существуют, чтобы обслуживать прихоти и похоти *их*.

Такое мировоззрение получает внешнее выражение и в форме их предпочтений в одежде, других, кроме разврата, развлечениях, хотя на работе и в кругу чужих они стараются это скрывать. Манера одеваться (показно и безвкусно-дорогостояще), держать себя (надменно-высокомерно по отношению к чужим, панибратски-фамильярно к своим; пузом вперед, носом вверх, взгляд из под презрительно полуприщуренных глаз сверху вниз), общаться (тон безапелляционный и саркастичный, слова растянуты), музыка в машине (воровские ресторанные песни, любимые исполнители – Круг, Шуфутинский и т.п.), способ проведения досуга (водка, кабаки, сауны, девочки) – все это проявление их мировоззрения. Для меня это мировоззрение, если его можно так назвать, и его внешние проявления были также чужды и неприятны, и так отличались от моих взглядов на жизнь, как, скажем, музыка Pink Floyd отличается от кабачных песен Шуфутинского.

Среди них я был белой вороной. Не только молодые, как тот же двадцатичетырехлетний Саша К-н, хваставшийся, что у него полно телефонов девчонок, которые ему «с первого раза дали», но и перешагнувшие сорокалетний возраст, например, начальник шахунского уголовного розыска О-ков, женившийся в

четвертый (!) раз, на девушке шестнадцати лет, все они считали разврат нормальным атрибутом своей жизни.

Однажды в прокуратуру обратилась несовершеннолетняя девушка с заявлением о групповом изнасиловании. Она дала показания о том, что в Шахунском районе действует преступная группа, контролирующая проституцию в районе, и что участники этой группы пытались вовлечь ее в занятия проституцией. Когда она загорала на берегу озера, группа парней насильно усадила в машину, после чего ее привезли в отдельно стоящий деревенский дом, заперли там и поочередно насиловали в течение двух суток. На третий день она воспользовалась отсутствием своих похитителей и смогла убежать из того дома. Девушка была из обеспеченной семьи, ее родители работали в местной администрации.

Первоначально это дело расследовал я, однако очень недолго. В ходе расследования мне пришлось столкнуться с неожиданным обстоятельством. К этому делу проявил большой интерес оперуполномоченный Сергей С-н, друг Арефьева, с которым и у меня в то время были еще хорошие отношения. Он постоянно пытался убедить меня, что никто эту девушку не насиловал, что она сама во всем виновата. Я с этим не соглашался, и мы несколько раз спорили. И вот однажды во время такого небольшого спора я стал говорить о тех сведениях, которые она сообщала об организованной группе, контролирующей проституцию. Эта группа состоит из примерно десяти сутенеров и организаторов, они действуют в Шахунье, у них есть постоянные «работницы», а также они постоянно вербуют новых девушек, причем дают возможность поработать временно. По словам той девушки, эта группа имеет хорошие связи в местной милиции. «Неужели милиция об этом ничего не знает?» - спросил я его. «Почему не знает, мы все знаем» - ответил мне С-н. «Почему же вы ничего не предпринимаете? Может вы с ними за одно?» - задал я провокационный вопрос. Ответ был неожиданным: «А вы попробуйте, докажите», - ответил он мне. Мне из этого ответа стало ясно, что интерес к этому делу у него не случаен, что милиция контролирует проституцию и не заинтересована в огласке этого.

Через несколько дней это дело у меня забрал Арефьев (по указанию прокурора, конечно). К нам в прокуратуру тогда назначили молодого следователя, который еще ничего практически не умел делать, следователем в прокуратуру он пошел работать ради того, чтобы избежать призыва в армию, никакого опыта следственной работы у него не было, и именно ему Арефьев поручил заниматься этим делом, оставив за собой роль руководителя следственной группы, видимо, чтобы окончательно это дело развалить. Практически абсолютно никаких действий по делу не предпринималось, ожидали лишь получения заключений экспертиз, которые назначил еще я. Если у следствия и была какая-то версия, то только одна: девушка добровольно согласилась на похищение и групповое изнасилование, а из подозреваемых никто не виноват.

Видя такой поворот дела, мать потерпевшей, которая работала тогда одним из руководителей в местной администрации, была вынуждена нанять адвоката для защиты интересов своей дочери, не доверяя деятельности прокуратуры. Дав новичку немного «порасследовать», Арефьев это дело прекратил за отсутствием в действии всех, на кого указывала потерпевшая, состава преступления. Версия о преступной группе, контролирующей проституцию, была полностью «похоронена». Интересно в данном случае и то, что сам Арефьев любит пользоваться услугами шахунских проститутток.

Однажды в выходной день, когда в связи с отсутствием места жительства я находился в своем служебном кабинете, я услышал, что к прокуратуре подъехала машина. Затем ко мне в кабинет зашел друг Арефьева, очевидно, приехавший с ним, Сергей. Лицо у него было красное и помятое, перегаром запахло на весь кабинет. Он

сел на стул у двери, подальше от меня, видимо надеясь что на этом расстоянии перегара я не почувствую.

«Как жизнь Лех, чего делаешь?» - стараясь изобразить непринужденность, спросил он.

«Да вот, тут, постановление одно печатаю...»

Сергей заерзал на стуле, придумывая, что бы сказать еще, как бы создать видимость «дружеского» визита. Но, видимо осознав, что я прекрасно понимаю, что он пришел просить взаймы денег, а не беседовать со мной, он именно это и сделал: попросил денег.

Пока мы спорили (я чисто символически, ради спора отказывался, а он просил), я встал и посмотрел в окно. Перед прокуратурой стояла машина Арефьева. «Так, - подумал я, - значит Юрик прислал ко мне Серегу, сам идти не хочет...»

«Нет, Серега, извини, но денег я тебе точно не дам» - сказал я С-ну уверенным тоном, давая понять, что разговор окончен. Мне хотелось посмотреть, что будет дальше. Я был уверен, что после С-на, «миссия» которого оказалась неудачной, ко мне придет сам Арефьев.

И действительно, после того, как С-н залез в машину и пару минут о чем-то поговорил там с Юриком, из машины вылез сам Арефьев и направился к прокуратуре. Я с любопытством наблюдал за этим из окна. Когда он скрылся из вида, взойдя на крыльцо, я сел за стол и приготовился к его встрече.

Вот открылась дверь, и показался его живот. Нижняя пуговица на белой рубашке с коротким рукавом была не застегнута. Садиться он не стал, стоял, пошатываясь и изредка икая: выпито, видимо, было не мало.

«Леха! Выручай! Срочно нужно восемьсот рублей».

«Восемьсот! Куда это тебе?»

«Обманывать не буду: на бл**ей».

Денег мне давать не хотелось, но я знал, что, если я ему не дам, то он, во-первых, не отстанет без какого-нибудь оскорбления, и во-вторых, припомнит мне это потом каким-нибудь доносом на меня. К тому же, давать ему деньги взаймы было можно: он всегда возвращал. Поэтому я дал ему денег.

«Хороший мужик, ты, Леха!» – на его мясистом лице расплылась довольная улыбка, на толстых красных губах блестела слюна.

Но и теперь он не переставал лицемерить. Мне было очевидно, что он ведет игру со мной, и в действительности, стремится лишь унижить меня.

«Лех, если хочешь, давай тоже, у нас там их две, они тебе тоже ...».

«Что, прямо здесь?»

«Да, а что. В прокуратуре. Если хочешь, можешь в моем кабинете...»

Я понимал, что он ведет грязную игру со мной, предлагая мне воспользоваться услугами его проституток прямо в прокуратуре, в кабинете. Делая это, он рассчитывал потом унижить меня. Однако мой отказ разрушил его планы, и победителем в этой игре оказался я. После моего отказа он будто потерял опору в своей игре, стал прощаться и быстро ушел. Я вышел из прокуратуры вслед за ним, будто бы проводить его, и увидел, что в его машине перед прокуратурой действительно находятся две девушки. Вид у них был очень странный: они сидели не шевелясь, с выпученными глазами, мне показалось, что они страшно напуганы. Видимо, в прокуратуру их еще ни разу не возили.

Таковы некоторые аспекты морального облика прокурорских сотрудников-мужчин. Каковы же типичные черты прокурорских сотрудниц-женщин? Поскольку большинство руководящих должностей в прокуратуре занимают мужчины, то сотрудницы-женщины ими подбираются в соответствии с их представлением о женщинах и их моральных качествах. С другой стороны, женщины обладают такими

качествами, которые позволяют им достигать своих собственных карьеристских и материальных целей, подавлять или уничтожать более слабых конкурентов-мужчин, и использовать в своих интересах более сильных и влиятельных.

Типичным примером такой сотрудницы является помощник прокурора Таня Климова, с которой я познакомился в первый же день моего приезда в Шахунью. Эта девушка была принята на работу немного раньше, чем я сам, и тоже, как и я, приехала в Шахунью из Н.Новгорода. При первой встрече она сумела произвести на меня хорошее впечатление, я с ней даже подружился, и согласился на ее предложение вместе с ней искать и снимать квартиру. Меня в том, чтобы снимать на пополам квартиру с ней привлекала только возможность сэкономить на квартплате, а что в действительности интересовало ее, не знаю. Мы нашли квартиру, некоторое время жили вместе в одной квартире. Однако общение с Климовой обнаружило в ней такие черты характера, как злобность, обидчивость, жестокость, цинизм, крайний эгоизм. Это проявлялось в общении по любым вопросам. Например, она говорила, что если ее кто-нибудь чем-нибудь обидит, то она никогда не простит никакой обиды и будет мстить всеми возможными способами. Она не выносила никаких домашних животных или комнатных растений, кроме своей собаки – огромного черного пса неизвестной породы, необычайно агрессивного и свирепого; этого пса она возила с собой в электричке на выходные домой в Н.Новгород и обратно, в вагоне он постоянно лаял и бросался на проходящих мимо пассажиров, что ее ужасно веселило, она не могла удержаться от смеха, когда ее пес бросался то на одного, то на другого проходящего по проходу пассажира, при этом на замечания как пассажиров и кондукторов, милиционеров, сопровождавших кондукторов она либо не реагировала, либо отвечала оскорблениями, показывая свою ксиву пом.прокурора, которая позволяла ей заткнуть рот кому угодно. Однажды, эта собака бросилась на меня, Климова же не предприняла никаких действий, чтобы этому помешать, только рассмеялась. Что характерно, она рассказывала, что ей разные ее знакомые дарили других животных – котят, птиц, ящериц, но все они либо умирали, либо убегали. Комнатные цветы она ненавидела: в кабинете у нас на окне стоял цветок, так она постоянно старалась его переставить, отодвинуть, а цветок, который висел у нее за спиной на стене мне пришлось по ее жалобам перевесить на стену с моей стороны. Иначе, как ненависть ко всему живому, я такое отношение назвать не могу. Даже в разговорной речи она использовала, например, слово «убить» вместо слов «убрать», «закрыть», «удалить», в своих записях она вместо галочек на полях использовала православные восьмиконечные кресты. Причем кресты у нее символизировали смерть и могилу, а не религиозный символ. К религии она относилась с презрением, по своим убеждениям она была жесткой атеисткой, ее взгляды были, пожалуй, ближе всего к вульгарному социал-дарвинизму. Верующих людей, христиан она считала не просто слабыми, а психически больными, постоянно над этим насмеялась. Обо всех без исключения людях она отзывалась с позиции либо осуждения и неодобрения, либо получаемой ею от них выгоды. Никаких интересов, увлечений, кроме получения материальных выгод, у нее не оказалось. Единственной целью в жизни, представляющей для нее высшую ценность, для нее было личное материальное благосостояние и успех в карьере, который она понимала исключительно как занятие руководящих должностей.

Нас как молодых сотрудников поместили в один кабинет, поэтому на работе я всегда был рядом с ней, и мог наблюдать за тем, каким образом она относится к своей работе. Однажды утром к ней пришла ее подруга. С этой подругой они сидели и около часа беседовали о своих делах. На тот момент Климова собиралась покупать машину, и они обсуждали этот вопрос, а еще предстоящий этим вечером поход в бассейн. Им нужно было только еще сходить в поликлинику взять справку для бассейна. Обсуждали

они все это прямо при мне, нисколько меня не смущаясь. Вот наконец они уже собрались уходить в поликлинику за справкой (естественно, в рабочее время), как открылась дверь и вошла престарелая женщина. «Вы принимаете?» – спросила она. «Нет, не я» – ответила Климова (принимала она, но ей надо было уходить за справкой). «А мне сказали Вы» - бабуля видимо успела зайти в канцелярию. «Ну, что у Вас?» – не глядя на нее отрезала Климова. Бабуля вошла, в руках она держала инвалидную клюшку, тяжело дышала. Климова на нее даже не смотрела, собирала у себя на столе свои бумаги перед уходом. Бабуля стала объяснять, что она приехала с Сявы (это удаленный поселок Шахунского района, ехать оттуда на автобусе больше часа только в одну сторону), что истратила на билет последние деньги (автобусы местное ПАП переименовало в маршрутные такси и вообще никаких льгот не предоставляют, проехать туда-обратно стоит около 60 рублей, это при среднем доходе местных жителей в 600 рублей) и все для того, чтобы приехать к прокурору. «Я не прокурор» – ответила Климова, причем так злобно и отрывисто, сквозь зубы процедила эту фразу, что бабуля даже отпрянула от нее к двери. (Присесть престарелой женщине Климова так и не предложила). Видимо, бабушка только собралась рассказать о своей жалобе, но услышав такой ответ Климовой, в такой форме, просто опешила и не знала, что и сказать дальше. «Как» – только и смогла сказать она, и застыла в недоумении. «Прокурор принимает в понедельник, с 9 до 12-ти» - железным тоном отчеканила Климова. Я здесь все-таки решил вмешаться: «В понедельник его не будет, он уезжает в Нижний Новгород» (у них было тогда какое-то совещание) – сказал я, - «а Вы бабуля, напишите письменное заявление и зарегистрируйте». Климова уже к этому моменту собиралась надевать куртку. Бабуля стояла в дверях, так и не понимая, что ей делать. «Приезжайте во вторник, будет заместитель прокурора, а я не прокурор!» - сказала ей Климова, давая понять, что на этом разговор окончен. Бабуля, видимо просто пораженная таким ответом, закрыла дверь и ушла. «Что же ты делаешь?! Как тебе не стыдно!» – сказал я Климовой. «Ты вообще не лезь, тебя не спрашивают» – ответила она мне. «Нет, вот бабушка приехала с Сявы специально в прокуратуру, а ты ее выгнала?! Как это так» - спросил я. На это она сказала только своей подруге «Пойдем» и они ушли.

Я вышел, посмотреть, где та старушка, может быть я смог бы помочь ей, но она уже ушла из прокуратуры. О том, что Климова выгнала ту старушку, стало ясно даже заведующей канцелярией Шибаревой Т.Я. Когда я зашел в канцелярию, после того, как не нашел старушку, зав.канцелярией меня еще спросила: «Ну что, выгнала она ее что ли?», что я и подтвердил. А после обеда Климова подала прокурору района заявление, в котором написала, что я, якобы, безо всякого повода нецензурно ее оскорбил, что может подтвердить *«гражданка, находившаяся на личном приеме: Салькова О.Н.»*, то есть та самая ее подруга. Очевидно, что это заявление она написала с целью «подстраховаться» на тот случай, если я сообщу прокурору о том, как она принимает посетителей. Однако я сам ни о чем прокурору не докладывал, я не такой человек, чтобы писать доносы на своих коллег.

К тому же жаловаться на Климову прокурору было бесполезно. Несмотря на то, что в ее работе было множество недостатков, на которые указывали даже в своих обзорах надзирающие прокуроры областной прокуратуры, на оперативных совещаниях она постоянно не могла ответить ни на один вопрос прокурора о своей работе, тем не менее, никаких мер в отношении нее прокурор не предпринимал, и предпринимать не собирался. Однажды по ее вине в уголовном деле не оказалось заключения экспертизы, и судья (правда, это был Поляков, такой же вздорный и юридически безграмотный, как и сама Климова) вынес оправдательный приговор, даже в том случае прокурор не стал привлекать ее к дисциплинарной ответственности. Учитывая свойства ее характера, –

сочетание стервы и проститутки, она является идеальной женщиной, для работы в мужском коллективе прокуратуры. «Проститутка» позволяет ей входить в доверие к мужчинам, располагать их в свою пользу, а «стерва» использует их, распоряжается ими по своему усмотрению. Она обладает чисто женской способностью оказывать тонкое психологическое воздействие на мужчин и использовать их в своих целях. Только вот я на ее уловки не поддался.

Чтобы особо не церемониться с посетителями (с «колхозниками», как их здесь называют), а также, чтобы продемонстрировать собственную позицию в работе с людьми, Климова отпечатала крупным жирным шрифтом на компьютере две вывески и повесила их у себя на рабочем месте за спиной. На одной указано: «Прейскурант: ответ на вопрос – столько-то евро, ответ с обдумыванием – столько-то, *правильный* ответ на вопрос – столько-то и так далее», а другая вывеска гласит «Придя сюда: будь вежлив, ничего не проси, говори тихо, уходи быстро». Вот так она встречает простых посетителей, получает при этом крупную зарплату по сути за то, что ничего полезного не делает для общества, для людей.

Однажды на прием к ней пришел старичок с какой-то жалобой и принес ей какие-то бумаги, видимо, ему в чем-то отказали в РОВД, и он жаловался на постановление об отказе. Климова нашла отказной материал и стала смотреть. У старичка была какая-то травма, или какое-то заболевание, о чем он повторял Климовой, и Климова листая отказной материал, говорила: «Ну, где?», «Да вот тут у меня...» – начинал отвечать старичок, видимо, желая показать, где у него болит, Климова же, не глядя на него, продолжала сквозь зубы цедить: «Где это? Ничего же нет!». Тогда мне пришлось подсказать простоватому старичку: «Она спрашивает, где БУМАЖКА об этом». Вот так, для нее бумажка гораздо важнее, чем человек, на человека она даже не смотрит. С этим еще можно смириться, когда так относятся заскорузлые бюрократы, но когда уже в 26 лет такое отношение к людям для сотрудницы прокуратуры единственный вариант поведения, это вызывает у любого порядочного человека негодование.

Часто на приеме посетители задавали ей вопросы, на которые она не могла ответить, и она старалась просто отделаться от таких посетителей. Причем вопросы касались в основном нарушения работодателями трудовых прав рабочих, и будь у Климовой хоть немного жизненного опыта, если бы она испытала эти нарушения на собственной шкуре, как прошел через них я, то можно было бы реально помочь людям, а не писать отписки. Я пытался помочь этим людям, ее посетителям, однако она грубо прерывала меня, при этом, унижая меня перед посетителями, говорила, чтобы я не совался, «заткнулся» и т.п.

Однажды она при посетителе выдернула из розетки вилку шнура питания моего компьютера, так как ей нужно было включить на подзарядку свой сотовый телефон. Я в тот момент работал за компьютером. Посетитель сильно удивился такому ее хамскому поведению и сделал ей замечание.

В разговорах с другими сотрудниками Шахунской прокуратуры она всячески пыталась дискредитировать меня, оскорбительно отзывалась обо мне. Об этом мне рассказывала, в частности, другая пом.прокурора. Все это было вызвано возникшим у Климовой чувством личной неприязни ко мне. «То смутное чувство неприязни, которое обычно возникает у всякого дурного человека к человеку хорошему», вот что чувствовали такие, как она по отношению ко мне.

Однажды у Климовой из кабинета пропала сумка, и Климова обвинила меня в том, что это я украл ее сумку. В тот день я почти с самого утра ушел работать в ИВС, допрашивал обвиняемых. Часов в 11 меня вызвал дежурный по РОВД к телефону в дежурной части. Звонила завканцелярией Татьяна Яковлевна: «Алексей, ты куда дел

сумку у Климовой?» Я не понял. «Ты не брал сумку у Климовой?». На мой отрицательный ответ мне так объяснили, что у Климовой из кабинета пропала сумка, и Климова обвинила меня, что это я ее сумку спрятал. Сумка у нее не нашлась, и тогда она стала всем говорить, что это я у нее сумку украл. Мне даже пришлось по этому поводу давать объяснения прокурору и оперативникам из РОВД: где я был, до скольки, и кто меня там видел. Было возбуждено уголовное дело по факту кражи ее сумки. Кабинет она оставила открытым, сама ушла в канцелярию, где сидела за компьютером, в это время из кабинета у нее утащили сумку, где кроме денег было ее служебное удостоверение. Я в тот момент в прокуратуре отсутствовал, находился в РОВД. За утрату удостоверения на нее наложили дисциплинарное взыскание и сняли с нее доплату за сложность и напряженность.

Через некоторое время, в прокуратуру пришли две маленькие девочки и принесли удостоверение Климовой. Они сказали, что нашли его в сугробе. Этих девчонок отвели сразу к Климовой, они отдали ей удостоверение, она его у них выхватила и сразу куда-то из кабинета выбежала, не сказав даже спасибо. Девчонки ушли. «Она бы им хоть шоколадку подарила» – сказала зав. канцелярией. «Сомневаюсь, что она подарит» – с усмешкой ответила на это секретарша прокурора Света. А потом нашли и вора. Это оказалась девчонка 14-ти лет. Она совершила уже несколько краж таким способом. Заходила в учреждения, заглядывала в кабинеты, и если никого не было, хватала, что попадет под руку, и убегала. Климова заявила к данной девочке гражданский иск, в который включила не только сумму пропавших у нее денег из сумки, но и сумму надбавок за сложность и напряженность, которых она лишилась в связи с наказанием.

Состоялся суд. Родители у девочки средств не имели, платить им было не чем. Климова этим была очень не довольна. Однажды она как обычно сидела со своей подругой Сальковой, коротая рабочее время за дружеской беседой, и они обсуждали этот вопрос. «Но у нее денег ведь нет» – сказала подруга. «Ничего, *пусть жопой зарабатывает*» – ответила Климова. Вот так, пусть 14-ти летняя девочка занимается проституцией, лишь бы оплатила Климовой надбавку к зарплате.

Однажды она сняла квартиру, в которой было совершено изнасилование. Она нашла эту квартиру, именно с этой целью изучая материалы проверок и уголовных дел, сумела каким-то образом встретиться с арестованным подозреваемым, который также эту квартиру снимал, и получить от него координаты хозяйки. Тем временем уголовное дело по факту изнасилования было передано для расследования мне. Мне нужно было установить хозяйку этой квартиры, которая в Шахунье не проживала, однако Климова отказалась сообщить, кто хозяйка этой квартиры. Даже обращение к прокурору не помогло, Климова даже перед прокурором, эксплуатируя свое обаяние и манипулируя им, отказалась сообщить, кто является владельцем квартиры, хотя это было необходимо при расследовании уголовного дела. Свой отказ она мотивировала тем, что хозяйка просила ее никому о себе не говорить, поскольку не хотела фигурировать в уголовном деле и утруждаться явкой к следователю, такое условие хозяйка поставила при сдаче квартиры, и пом. прокурора на это согласилась. Свои чисто шкурные интересы были для нее дороже, чем интересы государства, общества, правосудия. Возникшую ситуацию она рассматривала как мою личную проблему, а не препятствование расследованию уголовного дела.

Однажды я должен был выехать для производства допросов в р. пос. Вахтан на целый день. В течение целого дня я там работал, на следующий день привез с собой пачку из двенадцати протоколов допрошенных мной свидетелей. Однако оказалось, что на работе считают, будто я этот день прогулял. В день, когда я был на Вахтане, Климова доложила зам. прокурора Толстогузову, что я на работу не явился и

прогуливаю. Толстогузов доложил об этом прокурору. Когда я появился на следующий день, то первым делом меня вызвал к себе прокурор и вместе с Толстогузовым они стали меня отчитывать за прогул, причем даже угрожали увольнением, видимо, версия, злорадно выдуманная Климовой, была очень правдоподобной. Правда, когда вопрос выяснился, никто передо мной даже не извинился, оказалось, я сам виноват в том, что меня отчитали за несовершенный прогул, надо было перед отъездом поставить в известность прокурора. Правда, сам прокурор предпочел не вспоминать, что в понедельник на оперативном совещании я докладывал ему о своем намерении выехать на Вахтан и он сам утвердил эту поездку.

В другой раз Климова решила добиться моего наказания, опорочив мои религиозные убеждения. У себя над столом я приклеил небольшой триптих – три иконки в одной рамочке – Спаситель, Богородица и Святитель Николай. Небольшие иконки сейчас можно встретить практически в любых госучреждениях, даже Президент и Генеральный прокурор Устинов не скрывают то, что являются православными верующими. Для меня же эти небольшие иконки были единственным островком света среди коллектива из людей, взгляды которых мало чем отличаются от сатанинских. Климова же увидела в маленьком триптихе проявление, по меньшей мере, шизофрении. Видимо, учитывая ее собственные мировоззренческие позиции и манеру отношения к людям, ей было невыносимо видеть лики святых, они приводили ее в бешенство. Поэтому она вновь обратилась к зам.прокурора Толстогузову, который относился к ней лучше, чем прокурор. Не знаю, что она ему сказала, но Толстогузов зашел с ней в наш кабинет и стал меня высмеивать: «Лех, у тебя тут молельная комната! Люди-то уже вон шушукуются, чего это тут все иконами увешано! Давай мы тебе еще икон принесем? Вон, Арефьев изъясил одну икону здоровенную, давай мы ее тебе поставим?» Правда, ничего, кроме этих им подобных издевок, он не предпринял, поскольку формально я ничего не нарушил, и иметь в кабинете небольшие иконки не противоречит российскому законодательству и Конституции, а также оправданно с моральной точки зрения, чего не скажешь о «девизах» Климовой, вывешенных ей над своим рабочим местом, о которых я упомянул немного выше. Этот случай может показаться незначительным, но в действительности он помогает увидеть глубинные причины ненависти таких, как Климова, ко мне: причины эти носят мировоззренческий, экзистенциальный характер.

Дважды или даже более Климова писала на меня жалобы прокурору Шахунского района, в которых оскорбляла меня, называла психически больным, обвиняла в том, что я, якобы, ее нецензурно оскорблял и т.п., правда, прокурором Шахунского района они были отвергнуты ввиду их очевидной надуманности и лживости. Когда же произошел инцидент со снятием мною лампы 07.07.04 г. она написала прокурору докладную записку, в которой ложно утверждала, что слышала, как я ругался нецензурной бранью. В действительности она даже не присутствовала при этом инциденте. Тем не менее, я был наказан, и во многом на основании ее лживого доноса.

Основанием моего увольнения избрали именно моральные качества. Из приказа о моем увольнении и из отписок из Генеральной прокуратуры по моим жалобам следует, что я «не обладаю необходимыми моральными качествами», не являюсь «образцом моральной чистоты и скромности», опорочил свою профессиональную честь. Какими качествами я должен был бы обладать, чтобы сохранить свою работу, и что в прокуратуре считают «образцом моральной чистоты» я описал в этой главе...

Можно сделать и некоторые общие выводы. Прокуратура и проституция не спроста рассмотрены вместе. Любовь прокурорских сотрудников к проституткам и появление в прокуратуре сотрудниц с такими качествами не случайно. Система

прокуратуры, а возможно, и всех правоохранительных органов, трансформировалась, и ее основообразующие признаки стали качественно схожи с признаками проституции. Продажность сотрудников *системы*, их ориентация лишь на собственную карьерно-материальную выгоду аналогична продажности проститутки; отношение руководства *системы* к подчиненным как к рабам, к «мясу», лишенному воли, сознания, чувств, эмоций аналогично отношению сутенера к его «работницам»-рабыням. Проститутизированное мировоззрение руководства *системы* выражается, с одной стороны, в приеме на работу сотрудников, обладающих такими качествами, как покорность (любому незаконному приказу в одной системе или любому извращенному желанию в другой системе) и безволие (позволяющее избежать протеста и обеспечить стабильное существование обеих этих систем), это является основным требованием к качественному содержанию сотрудника, и с другой стороны, выражается в увольнении тех, кто качествами проститутки не обладает.

Этой главой, рассмотрев лишь некоторые эпизоды из жизни и работы прокурорских сотрудников, я попытался сбросить маску «моральной чистоты» с этой системы. Божий суд для них далеко, людского суда они не боятся, но у честных и порядочных людей все же есть оружие против них – оно заключается в том, чтобы назвать вещи, вернее этих людей их своими именами, в данном случае, назвать их *наперсниками разврата*, как это когда-то уже сделал Поэт...

Глава 5. Outside the Wall

Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен прожить жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей.

Л.Н. Толстой. Исповедь

Может быть я одинок в своем стремлении к правде? Действительно в России практически невозможно найти людей, способных бросить вызов системе беззакония и произвола. Показательной в этом отношении является история с министром атомной энергетики Адамовым, который был задержан в Швейцарии спецслужбами США, поскольку в России коррупционная деятельность Адамова правоохранительные органы не интересовала. Только после ареста Адамова и после того, как возникла реальная угроза привлечения министра Адамова к уголовной ответственности в США, прокуратура России возбудила уголовное дело и стала добиваться возвращения Адамова в Россию. Если отбросить надуманные политические мотивы этого ареста, то становится очевидным, что прокуратура России не только не желает привлекать к ответственности коррупционеров, но и покрывает их преступную деятельность, и правоохранительные органы США уже вынуждены заниматься той работой, которой не желает заниматься российская прокуратура. Так и в моем случае. Трудно найти в России такого человека, как я. Но был такой человек с США. Хотя и там это был исключительный случай, единственный за последние сорок лет.

В начале 70-х годов Америка была потрясена разоблачениями, сделанными полицейским Фрэнком Серпико. Еще в 1967 году этот молодой человек подал рапорт своим начальникам о систематическом получении его коллегами взяток за

попустительство проституции, игорному делу, подпольной торговле спиртным и наркотиками. Руководство, однако, ничего не предприняло. Тогда Серпико передал собранный материал репортеру Дэвиду Бернхейму из газеты «Нью-Йорк трибюн».

После появления сенсационной статьи мэра Нью Йорка Д.Линдсей создал в 1970 году Комиссию для расследования обвинений в коррупции полиции и выработки мер против этого, которая в дальнейшем стала именоваться Комиссией Нэппа, по имени ее главы. В декабре 1972 года она представила доклад о проделанной работе. Вот выдержка из него:

«Мы обнаружили широкое распространение коррупции. Она приняла разные формы в зависимости от того или иного вида преступной деятельности, став наиболее распространенной среди полицейских, призванных следить за выполнением законов, направленных против азартных игр. Эти полицейские получали ежемесячно или раз в две недели до трех с половиной тысяч долларов от каждого игорного заведения в районе, находившемся под их юрисдикцией, и делили полученное в равных частях между собой. Ежемесячная доля варьировалась от трехсот-четырехсот долларов в Манхэттене до полутора тысяч в Гарлеме. Когда в дело вовлекались начальники, они получали полторы ставки. Вновь назначенным полицейским не давали этих денег в течение двух месяцев, пока их проверяли на надежность. Но потом они выплачивались выдержавшим испытание стражам порядка, даже если те покидали данное подразделение» (Цит по кн.: Abadinsky H. Organized Crime. Boston, 1981).

Эти выводы были основаны на материале исследования пяти полицейских участков. Но та же практика существовала и в других. По показаниям Фрэнка Серпико были возбуждены уголовные дела против девятнадцати полицейских в Бронксе, где каждый «брал на лапу» восемьсот долларов ежемесячно. В Бруклине привлекли к ответственности тридцать семь человек, получавших в качестве «вознаграждения» по тысяче двести долларов.

У разных категорий полицейских были разные системы обогащения. Например, при обысках на квартирах, где хранились наркотики, полицейские брали большие взятки, утаивали деньги и наркотики, обнаруженные при обыске, и после этого докладывали по инстанции, что ничего криминального обнаружить не удалось.

Фрэнк Серпико в своих показаниях внес ясность в вопрос, возникший в ходе следствия: почему полицейские не боялись жалоб тех, кого они грабили? Дело в том, что обыски, как правило, производили четыре человека, которые и договаривались между собой о единодушии в случае любых возможных обвинений в их адрес. И, разумеется, их версия оказывалась весомее ничем не подтвержденных слов жалобщика.

История Серпико вызвала огромный общественный резонанс в США, его имя стало практически нарицательным. В 1973 году, по горячим следам событий, известный и талантливый режисер Сидней Люмет снял фильм «Серпико», главную роль полицейского Серпико в котором сыграл молодой Эл Пачино. Эта роль стала для Пачино знаковой и во многом определила все его последующее творчество. Как и реальная история, фильм был без оптимистической концовки. Формально Серпико добился своего: виновные в коррупции были наказаны. Однако хотя эта победа и принесла ему нравственное удовлетворение, она отторгла его от сослуживцев – коллег-полицейских. Он как был, так и остался изгоем, награда которому – пуля, тяжело его ранившая, вынужденная отставка и одиночество в эмиграции вдали от родины. Эл Пачино получил за роль Серпико титул лучшего актера года. Публика не знала, каков был реальный Серпико, но его блистательно сыграл Пачино, ученик Ли Страсберга, приверженца школы Станиславского, которая в отличие от голливудских штампов актерской игры требует полного перевоплощения актера в своего героя. Даже советские критики писали, что Эл Пачино точно и лаконично, всегда с чувством меры

убедительно показывает трансформацию своего героя (Е.Карцева. Голливуд: контрасты 70-х. «Люди в синем»). Вначале Серпико – наивный идеалист, воспитанный на романах и фильмах о доблестных полицейских, искренне убежденный в полезности и необходимости своей деятельности. А в финале перед нами предстает сломленный, загнанный в угол, ни во что не верящий и всего боящийся человек. Блестяще проведена Пачино одна из последних сцен, в которой Серпико, чудом избежавший смерти, лежит в больнице с раздробленной челюстью. К нему приходит один из коллег и приносит награду – позолоченный полицейский жетон. И тогда в раненом прорывается долго сдерживаемая ярость. Он в бешенстве бросает значок на пол. Здесь в импульсивном поступке Серпико выражено вполне оправданное презрение к системе, сделавшей все, чтобы убить его веру в справедливость и убить в самом прямом смысле.

Как все это справедливо применительно и к нашим правоохранительным органам и прокурорской системе. История Серпико повторяется у нас почти дословно. Мне пришлось пройти практически тем же путем, испытать то же, что и Серпико. И в результате моя жизнь была также перечеркнута этой системой.

Мое детство было тяжелым и голодным. Мы жили очень бедно. Наверное, одно из самых ярких воспоминаний о моем детстве – это постоянное чувство голода. Иногда дома из еды была только старая гречневая крупа, из которой моя мать варила отвратительную на вкус полужидкую кашу. Это были 80-е годы. В 1993-м я впервые начал работать. Мне было тогда 14 лет, и работал я, естественно, во время школьных каникул. Никто из моих сверстников тогда еще не работал, по крайней мере, под «работой» у них понималось устроиться по блату в ведомство, где работали родители, на какую-нибудь фиктивную должность и просто получать деньги. Я же пошел работать на стройку разнорабочим. Направление мне дали в районном отделе образования в рамках помощи малообеспеченным семьям. Работал в паре со взрослыми рабочими полную смену на строительстве школы в Верхних Печорах. На половину заработанных денег купил наручные часы «Полет», которые ношу до сих пор.

Может быть я был просто таким тупым, что никем, кроме разнорабочего работать не мог? Оказывается, нет. В школе я был отличником. Любые предметы давались мне легко. Школу я закончил с серебряной медалью, подвел диктант по русскому языку, который я написал на четверку. Но по литературе я достиг больших успехов, более того обнаружил писательский талант. Мое сочинение в 10-м классе было признано лучшим (в числе 20-ти других) на конкурсе сочинений старшеклассников на публицистическую тему имени известного советского диссидента и общественного деятеля Павленкова и издано в сборнике лучших сочинений в России (Н.Новгород) и в США Университетом города Чикаго. Об этом факте в 1996 году сообщалось, например, в газете «Советская Россия», где были процитированы отрывки из моего сочинения, а сама статья была озаглавлена строчкой из него. Тогда, в своем сочинении, использовав огромное количество изученных мной публикаций советской и новой российской прессы, я показал двойственную картину сложившейся в постперестроечной России ситуации. «В России наступили сумерки. – писал я, заканчивая свое сочинение. – Но, как известно, сумерки наступают как перед закатом, так и перед рассветом. И только от нас с вами, от россиян зависит, взойдет ли над Россией солнце или вновь наступит беспросветная ночь...». Тогда, в 95-м году, будучи еще школьником, я явно переоценивал роль народа, простых россиян в решении будущего нашей родины. Народ в России безмолвствует, как сказал когда-то Поэт. Народ безмолвствовал, когда Россию разграбили, видимо надеясь получить хоть какие-нибудь объедки с хозяйского стола, безмолвствует и теперь...

В 10 классе я написал научную работу по географии на тему «Глобальные проблемы человечества. Загрязнение атмосферы». За нее я получил диплом 2 степени

Областного научного общества учащихся (НОУ). Второй степени очевидно потому, что в этом обществе я не состоял (в нем состояли только сынки директрис школ и школьных учителей) и мою научную работу учитель географии направила на конкурс, проводившийся этим обществом, по своей инициативе, поскольку еще никто в нашей школе такой глубокой и талантливой работы не писал. В Областном комитете НОУ не могли не оценить моей работы и были вынуждены «задним числом» сделать меня членом НОУ и дали мне диплом. В 11-м классе я стал победителем Областной экологической олимпиады, и благодаря этому без экзаменов был зачислен на биологический факультет ННГУ, однако избрал в качестве своей профессии юриспруденцию, и от учебы на биофаке отказался.

Те четыре года, что я учился на юрфаке, я работал репетитором по английскому языку и имел прекраснейшие рекомендации родителей детей, с которыми я занимался. И при этом единственным вариантом работы, который я мог найти официально, был только неквалифицированный труд – сторожем или дворником. Вот такие возможности для талантливых, но *не своих* молодых людей в России.

И вот наконец я добился осуществления своей мечты. Я стал следователем прокуратуры. Как когда-то Серпико, я был идеалистом, убежденным в том, что даже в насквозь коррумпированной и опирающейся на ложь и беззаконие системе можно отстоять правду, и в этом я видел свое предназначение в жизни. Хотя о том, что в нашей стране это в принципе невозможно, мне могли бы сказать те условия, в которых я оказался после прибытия на работу в далекий и чужой город. Воспоминания о том, в каких нечеловеческих условиях мне пришлось жить и работать в Шахунье, до сих пор вызывают у меня ужас и чувство глубокого отчаяния.

Первую ночь я провел в гостинице, оплатив проживание за свой счет. Областная прокуратура отказалась мне это оплатить. В бухгалтерии мне сказали, что оплачивают только командировочные и только по предварительному согласованию. Действительно, я же в Шахунью не в командировку приехал. Чего это я там решил жить в гостиницах? Благо, что на следующий день прокурор района договорился с начальником пожарной охраны и меня пустили на одну неделю пожить в комнату для приезжих в пожарной охране Шахуньи. Это было самое лучшее и спокойное место моего жительство в там. После этого мне приходилось жить фактически где придется.

В Шахунье за те два с половиной года, что я там работал, я был вынужден вести скитальческий образ жизни, проживать без регистрации и в случайных помещениях, и большей частью мне приходилось ночевать в моем служебном кабинете, так как в нарушение закона «О прокуратуре» и Трудового кодекса в части гарантий при переезде работника на работу в другую местность, мне не было предоставлено никакого жилья для проживания.

Предоставлением жилья заведует областная прокуратура, прежде всего, отдел кадров. Жилье работникам Шахунской прокуратуры предоставлялось дважды: первый раз квартира была предоставлена заместителю прокурора Золотову А.Н., сыну бывшего начальника Шахунского ГАИ, который в квартире вообще не нуждался, так как является коренным жителем Шахуньи, второй раз квартира была предоставлена в 2003 году старшему следователю Арефьеву Ю.А., который получил деньги на приобретение квартиры в размере 300 тысяч рублей, используя личные связи в руководящем аппарате областной прокуратуры. При этом средняя цена квартиры в Шахунье составляла тогда 70 тысяч рублей.

Одно время мне пришлось жить в общежитии Шахунского агропромышленного техникума, в практически не отапливаемой в зимнее время комнате (батарея была почти холодная и комната обогревалась за счет одного полусломанного электрообогревателя-тарелки). Ночью зимой спать приходилось в шерстяных

спортивных штанах и свитере, было очень холодно. Пол в комнате был каменным: когда-то он был покрыт кафельной плиткой, как это делают в ванных комнатах или в туалете, но за прошедшее время плитка почти вся отвалилась и ее остатки были лишь в отдельных углах, снаружи остался только бетон. На полу лежал плед, который не чистили, наверное, с момента постройки этого общежития, годах в семидесятых, и плед источал такой смрадный запах, что первые недели две, пока я к нему не привык, находиться в этой комнате было почти невозможно. Окно зимой продувалось практически насквозь: рамы были старыми и рассохшимися и от окна дуло холодным ветром. Из мебели в комнате были две кровати из панцирной сетки, стол из столовой и два школьных стула. И стол, и стулья были заляпаны краской, видимо их использовали как подставки при ремонте, а потом, чтобы не выкидывать, поставили в эту комнату. Обои на стенах у потолка и у плинтусов, а также кое-где и посередине стены отклеились и висели пузырями. Стены были почему-то все в дырах, как будто в них кто-то стрелял из автомата, и из этих дыр на пол постоянно сыпалась известь и цемент. Впрочем, история про общежитие и про соседа, с которым я жил в той комнате, заслуживает отдельной главы, и я к ней еще вернусь.

Потом я жил в деревенском доме, без воды, без туалета, в проходной смежной комнате, вместе с еще двумя парнями—квартирантами, студентами техникума. Летом они уехали, и я остался один. Но ближе к осени к хозяевам приехал сын их родственников поступать в техникум, и меня выселили, чтобы поселить его.

Затем я жил в комнате в бывшем общежитии, уже официально закрытом, предназначенном на расселение и снос. Кроме стен в моей комнате ничего больше не было. Туалет был на этаже в коридоре, но он не работал, вода в доме была отключена. В комнате ни газа, ни воды не было. Из мебели — только моя раскладушка.

Проживая в таких условиях более двух лет, я не имел возможности иметь хоть какое-нибудь хозяйство, я не мог приготовить себе ничего поесть. Приходилось ходить в столовую, однако еда в шахунских столовых не радует ни качеством, ни разнообразием. Ползающие по хлебу тараканы, прокисшие виноградины — на это уже даже не обращают внимания.

Однажды я стал свидетелем весьма показательного эпизода. Придя в столовую, я к удивлению для себя обнаружил, что на окнах повешены чистые занавески, а пол до блеска вымыт. Я взял свой обед и сел за столик. В это время в зал вошли несколько хорошо одетых женщин. Им на встречу тут же вышла сотрудница столовой и с напускной радостью стала их приветствовать. Пришедшие тетки вели себя очень уверенно, одна из них обвела суровым взглядом зал, показала пальцем на потолок и что-то сказала сотруднице столовой. Та радостно закивала, после чего она и пришедшие тетки мирно ушли в зал для гостей (в столовой имеется небольшой специальный зал для заказных банкетов), куда тут же понесли подносы с едой и еще какие-то пакеты, очевидно, с продуктами. На следующий день занавесок уже не было, и все было как обычно. Не знаю, кто были эти тетки, видимо, какая-то комиссия. Это типичный способ «проверки» столовых. Начальницы из санэпидемстанции или из отдела защиты прав потребителей при администрации района приходят в «проверяемую» столовую, наедаются до отвала, набирают продуктов, щедро «подаренных» заведующей столовой, и на этом «проверка» заканчивается.

В шахунских магазинах не продаются овощи. Картошки, свеклы, моркови здесь купить практически невозможно. Видимо сельским жителям эти продукты не требуются, так как они их выращивают сами. На рынке в воскресные дни продают картошку, но только мешками или ведрами. А где я мог бы хранить мешок картошки? В служебном кабинете? Поэтому я не мог купить там даже овощей.

Не менее трети моего «срока» в Шахунье, я прожил в своем кабинете в прокуратуре, ночуя на стульях или на раскладушке. Причина того, что я не мог найти себе хорошее и постоянное жилье – моя бедность и алчность жителей Шахуньи. Квартиры здесь стоят минимум две–две с половиной тысячи рублей в месяц. Учитывая, что моя зарплата шла не только на меня, но и на содержание моей больной матери, платить столько мне было не под силу. Показателен один случай. Однажды в газете поместили объявление о том, что сдается квартира. Оказалось, что сдает ее местный священник. «Наверно, священник-то хоть попросит за квартиру по-божески», - подумал я. Но не тут то было, и священник в Шахунье меньше, чем на две тысячи в месяц не соглашался. Таковы люди в этом городе, по крайней мере, большинство из них. За то время, что я жил там, я встретил всего двух-трех добрых и отзывчивых людей, которые помогли мне. Одна старушка и потом двое других пожилых людей пустили меня на квартиру по приемлемой цене. В остальных же случаях я встречал хищных, алчных и тупых людей, которые были равнодушны абсолютно ко всему, кроме своего материального достатка.

В Шахунье от постоянного недоедания у меня серьезно ухудшилось здоровье. Несколько раз я тяжело болел, хотя до этого почти лет семь не имел никаких жалоб на здоровье. Врач, к которой я обращался в Шахунье, просто не могла скрыть своего изумления тем, насколько я худой, «в концлагере наверно такие» – сказала она. Мне поставили диагноз «пониженное питание», а анализ крови показал, что у меня сильно понизился уровень гемоглобина, развилась анемия. Все это оттого, что питаться мне в Шахунье приходилось в основном макаронами быстрого приготовления, «бомжпакетами», как их еще называют.

В отличие от Америки, где пресса не зависит от произвола чиновников и государственные органы готовы бороться с коррупцией, здесь мне пришлось почти год добиваться того, чтобы моя статья о прокурорском беспределе была напечатана. Только одна газета, «Новое Дело», причем во многом благодаря высокой моральной и гражданской позиции заместителя главного редактора В.А.Андрюхина, с которым я несколько раз встречался и мы подробно беседовали, ее издателей, не побоявшихся опубликовать материал с открытой критикой прокуратуры, согласилась опубликовать мою статью. Большие московские издания, такие как «Парламентская газета» или «Комсомольская правда», либо вообще не откликнулись, либо прислали мне короткие отписки с отказом.

Позднее из разговора с одним журналистом, я узнал, что ни одно нижегородское издание, ни одна телекомпания не осмелятся выступить с подобным материалом, никто не осмелится осветить мою историю. Этот человек сообщил мне, что прокурор Нижегородской области Демидов подчинил себе практически все организации в области, включая и СМИ. В случае публикации любой критической информации в адрес нижегородской прокуратуры на издание, прежде всего на спонсоров и учредителей, начинается давление со стороны прокуратуры, вплоть до уголовного преследования. Этот журналист рассказал мне в связи с этим историю уголовного преследования прокуратурой главы администрации Советского района Н.Новгорода: прокурор Демидов, когда еще он только был назначен прокурором в 2001 году, привез с собой своего племянника и назначил его прокурором Советского района Н.Новгорода, после чего позвонил главе администрации Советского района и потребовал предоставить квартиру этому сотруднику. Глава не отказал, но поставил условие, что квартира будет предоставлена не лично прокурору, а будет передана прокуратуре, с соблюдением всех формальностей. На это прокурор области Демидов был не согласен, он хотел, чтобы квартиру предоставили в обход всех правил, и стал угрожать главе администрации уголовным преследованием. Так как компромисса эти

два начальника не нашли, то действительно, через некоторое время в отношении главы администрации района прокуратура возбудила уголовное дело. Зная эту историю, ни журналисты, ни кто бы то ни было не осмеливаются сегодня вступать в противоречия с прокурором Демидовым. По самой прокуратуре Демидов издал приказ, запрещающий сотрудникам прокуратуры выступать в прессе с любыми сообщениями без предварительного согласования выступлений с прокуратурой области.

Еще до увольнения я обращался к депутату А.Хинштейну, который избирался и от Шахунского района. Однако мое письмо к нему ответа не имело. Равно как после избрания его депутатом заглохла и депутатская правозащитная работа в Шахунском районе. Хинштейн показал свое истинное лицо, такое же, как и у всей российской номенклатуры.

Я обращался на местное телевидение, одна из телекомпаний откликнулась и мое интервью записали, однако в эфир его не пустили. Если в Америке мое интервью было бы сенсацией и все средства массовой информации предоставили бы мне возможность выступить, то у нас, как мне неоднократно сообщали журналисты, к которым я обращался, ни одно издание или телеканал не осмелится выступить с какой бы то ни было критикой прокуратуры. Вот очевидный показатель «демократичности» нашей страны. Бюрократическая и корпоративная цензура в России сегодня не менее строгая, чем в худшие сталинские времена.

У меня есть все основания полагать, что мое увольнение было обусловлено тем, что эта система боится честности, справедливости, больше всего она боится правды. Поэтому она стремится изжить из себя честных, справедливых и правдивых людей, если по ошибке, какому-либо недосмотру, они в нее все же проникли. Себя она формирует из себе подобных, например, таких, как Арефьев и Климова. Я же не умею лицемерить, я этому не научился, возможно, потому, что у меня никогда не было такой возможности. Вырос я в рабочей семье, с 14 лет я начал работать и по своей работе вращался в кругу работяг, тех, кого в этой системе не считают за людей. Я работал разнорабочим на стройках, кровельщиком на крышах, я видел, как падают с крыши и ломают себе ноги работяги из-за преступных нарушений правил охраны труда новыми хозяевами жизни, по сути, «назначенными» местечковыми олигархами. Я работал сторожем на разных предприятиях и видел, как разворовывают не воры, а новые хозяева то, что когда-то было создано рабочим классом. Я видел, как годами не отпускают в отпуск хозяева своих по сути рабов, оформляя их на работу по гражданско-правовому договору в качестве «подрядчиков», заодно лишая их права на медицинскую помощь и пенсию.

Однажды мне удалось переспорить своих начальников и добиться признания фиктивного договора подряда, которым меня оформили на работу, трудовым договором. Я добился предоставления мне отпуска и начисления прибавки к зарплате за работу сверхурочно и в ночные смены. Мой напарник, который в отпуске не был два года, так как ему пудрили мозги, уверяя, что отпуск ему «не положен», тоже пошел в отпуск и получил свои «ночные», за что и сказал мне спасибо. Спасибо мне сказали и женщины-работяги, с которыми я работал в 97-м году дворником, когда я добился у начальства запрета привлекать рабочих к сверхурочным работам против их воли. Благодарность вот таких людей, простых рабочих, униженных и забытых, получал я, и это было для меня дороже всего на свете. Те же, кто имеет власть, деньги, связи всегда были на другой, противоположной стороне. Я воспринимался ими как один из того быдла, из которого они стремились выжать все соки до последней капли и выбросить за ненадобностью. Вспомните, как «охарактеризовал» начальник отдела кадров прокуратуры свою «кадровую политику» в отношении таких, как я. То, что «рабами» они считают только таких, как я, выходцев из бедных рабочих семей, прекрасно видно

из того, как «откармливают» они «своих». В то время, как я практически погибал от голода, ночуя чуть ли не на улице в Шахунье, на *своего* Арефьева прокуратура выделила почти три миллиона рублей.

Мои знакомые в 2002 году не понимали, почему меня отправили «в ссылку» в Шахунью, как обычно направляют за тяжкие дисциплинарные проступки. Но я то не был этому удивлен. Именно такого я и ожидал от этой *системы*. То место, на котором должен был бы работать я, должен не из-за моего эгоистического расчета, и не из-за того, что я «считаю себя лучше других», а потому что я действительно должен работать на этом месте, не для себя, а для людей, простых людей, тех, которым не на кого больше надеяться и негде больше искать помощи, и которые идут за помощью, за правдой в прокуратуру, оно, это место, было уже «занято». По какому критерию отбирали претендентов на это место – вполне очевидно. На такие места назначаются только *сынки*. Не следует пугаться этого термина. В отечественную литературу его ввел еще А.И. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ». Означает он не просто «кровных» детей, но, прежде всего «своих», «наших», «взятых» на работу нагло, цинично, без всякого конкурса, просто потому, что это «свои». Одним лишь фактом своего существования они уже заслужили себе работу, обеспеченное будущее, возможность иметь семью, детей, место под солнцем, все то, что для таких, как я, простых смертных, недоступно.

Но вот только возникает вопрос, а для кого будут работать эти сынки? Ни разу в жизни не довелось им испытать на собственной шкуре, что такое действительно быть в положении раба, что такое жить в нищете, что такое голод. Не знают они и что такое жажда правды, что такое тяга к знанию. Раньше их не интересовала учеба, ведь они знали, что все равно им «поставят» то, что нужно. Будет ли их интересовать работа? Ведь они знают, что их «поставят», куда нужно...

Когда я говорю о дискриминации при приеме на работу, то мне отвечают, что никто меня ехать в Шахунью не заставлял. А раз я сам поехал, то и претензии предъявлять не вправе. Но почему на работу в городские прокуратуры в то же самое время приняли сыновей прокуроров Нижегородского, Канавинского районов Н.Новгорода Шевелева и Андропова, сына начальника отдела кадров Торопова, сыновей других руководящих сотрудников областной прокуратуры, при этом ни один из этих сынков не имел никаких особых академических успехов, я же фактически был признан лучшим студентом-юристом в России, получил медаль Министерства образования, кроме того, уже имел опыт работы следователем, так как работал общественным помощником следователя, но меня почему-то отправили в самый отдаленный сельский район области? Разве это не очевидная дискриминация?

Рассчитывая на неосведомленную публику, прокурорские функционеры могут показушно сказать, что не я один «такой умный» был в прокуратуре, действительно, чуть ли не половина прокурорских начальников это кандидаты юридических наук, а из молодых специалистов, наверное, почти четверть – аспиранты. В 2003 году на день работников прокуратуры в газете «Нижегородские Новости» была опубликована хвалебная статья в адрес прокурора Нижегородской области Демидова В.В., в которой прокурор, в частности, рассказывал, как хорошо он относится к молодым специалистам, совмещающим работу с обучением в аспирантуре. Тогда у меня эта статья вызвала лишь горестную усмешку. Я мог бы прокомментировать ситуацию с обучением прокурорских сотрудников в аспирантуре, зная ее на собственном опыте. Здесь, как и во всех иных сферах, твердо закрепился принцип двойного стандарта. Поэтому хочется рассказать и о них - об аспирантах в прокуратуре.

Еще будучи студентом 4 курса, из разговора с одним моим однокурсником я узнал, что, якобы, прокурор области хорошо относится к аспирантам. Сам этот

однокурсник тогда работал в прокуратуре области, правда, еще не оперативным сотрудником, и неожиданно заинтересовался научной работой. Он стал принимать участие в студенческих научных конференциях, делал доклады, хотя успеваемость его как была, так и осталась на очень среднем уровне. За участие в конференциях некоторые преподаватели ставили зачеты автоматом, что его и привлекало. Однажды на одной конференции он очень настойчиво просил дать ему программу конференции, где была указана его фамилия как участника. Программок было мало, их давали в основном иногородним, и я спросил, зачем ему так понадобилась эта программка. «Для Демидова» – ответил он. Далее на одной из конференций он представил свой доклад. Не стану судить о степени его научности, так как сам еще не дорос до уровня настоящего ученого, но остановлюсь на моральной стороне этой работы. Лично меня и моих знакомых, знавших о его работе, идея, предложенная им, поразила своей безнравственностью и кощунственностью. Он предлагал узаконить изъятие внутренних органов у осужденных, приговоренных к смертной казни, и передавать их внутренние органы для трансплантации нуждающимся в них больным. Один мой знакомый, когда я рассказал ему о такой идее, сказал, что до такого могли додуматься, наверно, только фашисты, с чем я полностью согласен. Кроме этой работы, о других его идеях я не слышал. Затем, на 5-м курсе он был принят на работу следователем, а через некоторое время переведен в аппарат областной прокуратуры. Вместе с этим закончилось и его увлечение наукой. Видимо это увлечение, или вернее видимость увлечения, стали больше не нужны, цель была достигнута.

Или другой пример. На вступительном экзамене в аспирантуру юридического факультета ННГУ в 2004 году по уголовному процессу участвовали два молодых следователя прокуратуры. Также там был и один мой знакомый, который и рассказал мне об этом. Оба этих следователя отвечали крайне неудачно, один получил «тройку», другой слабую «четверку», да и то благодаря тому, что в комиссии сидела его научный руководитель. И вот того следователя, который еле-еле получил тройку, экзаменатор спросил: «А зачем же Вы поступаете в аспирантуру?» На это молодой специалист честно ответил: «Я работаю в районной прокуратуре и если я поступлю в аспирантуру, то меня обещали перевести в областную прокуратуру». Вот так. Этот «свой парень» не имеет в действительности ни настоящего интереса к науке, ни особых способностей на этом поприще, он просто использует обучение в аспирантуре как формальный повод к переводу, к продвижению по службе. Да, это действительно так. Все эти «формальности» – аспирантура и тому подобное – используются только как повод для продвижения в карьере, но только для «своих». Из таких аспирантов и кандидаты наук получают соответствующие. Ничего, кроме названия.

Таким же, как я, искренне заинтересованным в том, чтобы сделать в науке что-то полезное, руководство прокуратуры чинит всевозможные препятствия к обучению. Само мое поступление в аспирантуру состоялось вопреки воле руководства прокуратуры. Мне отказали в предоставлении отпуска для сдачи вступительных экзаменов, хотя он мне был положен по Закону о высшем и послевузовском образовании и Положении об аспирантуре, однако закон для прокуратуры не писан. Мне пришлось брать очередной отпуск, в котором и сдавать экзамены, и в который меня тоже не хотели отпускать, и заставили давать объяснения, почему я не брал очередной отпуск согласно графика предоставления отпусков.

В этой моей горькой повести я не ставил целью рассказывать о себе, в силу моей природной скромности я далек от того, чтобы превозносить свои заслуги и достижения. Я рассказываю о других, и уже это многое говорит обо мне, поскольку я *не такой, как они*. Кто я, можно определить по правилу определения от противоположного. Поэтому о своей работе я расскажу лишь вкратце, хотя, возможно, еще вернусь к этой теме.

За те два с половиной года, что я работал следователем, я расследовал более шестидесяти уголовных дел. Ни одно дело не было возвращено судом для устранения недостатков. Ни по одному делу не был постановлен оправдательный приговор или дело было бы прекращено судом по реабилитирующим основаниям. Я расследовал сложные многоэпизодные дела и специализировался в самых сложных сферах (из тех, которые были доступны следствию районной прокуратуры). Я расследовал и убийства, и изнасилования. Я мог прекрасно наладить психологический контакт как с потерпевшими от изнасилований, так и с обвиняемыми-убийцами. Были случаи, когда прокурор забирал у меня дело и отдавал другому следователю, и дело стопорилось, обвиняемый отказывался от сотрудничества с другим следователем, в то время, как со мной сотрудничали практически все обвиняемые. При этом я никогда не применял незаконных методов следствия и запрещал это делать операм, сопровождающим дело. На меня не было ни одной жалобы от обвиняемых. Никогда я не применял ни пыток, ни обмана. И тем не менее все дела я расследовал успешно.

Я проделывал по каждому делу колоссальную работу по сбору вещественных доказательств. Я изучил возможности практически всех видов экспертиз. По моим делам я всегда искал и находил свидетелей, а главное, убеждал их дать показания, в то время как многие свидетели сегодня боятся сотрудничать со следствием, боятся мести преступников, а чаще просто не доверяют правоохранительным органам. Я же всегда успешно работал со свидетелями.

Я расследовал дела, от которых отказывались мои коллеги, считая их бесперспективными. Так, я стал специалистом в расследовании преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности.

Мне удалось преодолеть активное сопротивление следствию со стороны лжесвидетелей. Так, по одному делу мать обвиняемого организовала своих друзей и знакомых, и они пытались создать ложное алиби обвиняемому. По делу более пяти свидетелей давали оправдывающие виновного показания. Однако мне удалось профессионально опровергнуть их версию, даже не прибегая к столь распространенному среди наших следователей методу «выбивания» признательных показаний из обвиняемого. Я провел несколько дополнительных экспертиз, установил других свидетелей преступления, провел несколько следственных экспериментов и вина обвиняемого была полностью доказана (что подтвердил суд обвинительным приговором).

Мои уголовные дела всегда были расследованы полно и всесторонне. Были такие случаи, когда за одинаковые промежутки времени при расследовании практически идентичных дел (убийство, совершенное неизвестными лицами) я уже собирал материалов на два тома, а мой коллега все еще имел десять страниц в папке.

Я работал не считаясь с личным временем и личными интересами, и был рад этому. Работа следователя была моим призванием. Иногда мой рабочий день продолжался несколько суток подряд. Именно в один из таких периодов мне и был объявлен выговор за снятие лампы в канцелярии прокуратуры, так как в кабинете у меня света не было в течение недели, а работать мне приходилось до 22 –23 часов. Об этом эпизоде нужно рассказать поподробнее, поскольку он является типичным и показательным, из него ясно видно, как преследует и уничтожает прокуратура тех, кто восстает против ее беспредела и беззакония. Этому будет посвящена следующая небольшая глава.

Глава 6. Выговор за лампу

Из этой главы станет видно, как система прокурорского беспредела добивается уничтожения тех, кто осмеливается противостоять ей. В августе 2004 года мне был объявлен выговор. Вот каковы были обстоятельства, послужившие поводом к моему наказанию, которое впоследствии послужило еще и поводом к моему незаконному увольнению. В июне 2004 года я вышел из очередного отпуска. В очередном отпуске я не отдыхал ни дня, а готовился к кандидатскому экзамену по философии, который успешно сдал на отлично. Я подготовил трехсотстраничный реферат по проблеме свободы воли, в котором подробно осветил подходы философов к решению этой проблемы начиная с периода античности и заканчивая работами современных российских ученых. По сути, эта была научная работа по философии, которая, что показательно, была уничтожена моими коллегами по шахунской прокуратуре, когда несколько позднее мне сломали оставленный на работе компьютер, все данные на жестком диске были уничтожены, и я до сих пор не могу их восстановить.

По выходу на работу на меня буквально обрушилось сразу несколько особо тяжких преступлений, в том числе двойное убийство, дело областной подсудности. Сразу по четырем особо тяжким преступлениям мне пришлось проводить неотложные первоначальные следственные действия. Кроме того, для расследования мне передали другие старые дела. Все преступления благодаря моей работе были раскрыты, однако почти весь месяц приходилось работать с 8 до 22 – 23 часов, а иногда и дольше. Ночевал я в то время то в прокуратуре, то в гостях у одного моего молодого коллеги по прокуратуре.

Вот так 29 июня около 24 часов я находился на своем рабочем месте в прокуратуре, был занят работой. Неожиданно на улице началась гроза, и из-за повышения напряжения в сети электролампа дневного света на потолке перегорела. Перегорела также и моя магнитола. Потом все удивлялись, почему это только в моем кабинете все перегорело, и даже ставили мне это в вину, забывая при этом или попросту не желая признавать тот факт, что из всех сотрудников прокуратуры я один был так загружен работой и был вынужден работать практически сутки напролет.

На следующий день я доложил о случившемся прокурору, дал письменное объяснение и попросил вызвать мастера починить освещение. Нужно сказать, что мой стол в кабинете стоял в самом углу, свет из окна туда совершенно не попадает, к тому же кабинет, в котором я работал, находится на темной стороне здания и в кабинете очень темно, а у меня на столе было совсем темно даже днем. Единственная реакция на мои жалобы была в том, что мне дали настольную лампу. Это китайская, самая дешевая настольная лампа, скорее ночник, абажур у нее настолько узкий, что она дает лишь узкий круг света, в котором совершенно нельзя работать. Абсолютно никаких других мер к тому, что бы что-то отремонтировать не предпринималось.

Полностью аналогичная ситуация уже происходила в октябре – ноябре 2002 года. Тогда в моем кабинете перегорела та же лампа и в течение *более месяца* прокурором не принималось никаких мер к замене ламп дневного света. Мне пришлось привезти из дома из Н.Новгорода собственную настольную лампу и использовать ее.

Дело в том, что ранее прокуратура пользовалась бесплатными услугами отдела вневедомственной охраны районного отдела внутренних дел. Пользуясь своим влиянием, прокурор района договаривался об этом с начальником отдела вневедомственной охраны. Однако теперь бесплатно ремонтировать прокуратуре электричество сотрудники РОВД отказывались. Тем не менее, прокурор поручил своей секретарше связаться с ОВО и попросить их устранить неполадку, иного способа устранить неполадку он даже не желал искать, по сути, для него это было одним из

способов продемонстрировать свою власть, влияние на местную милицию. В милиции же отремонтировать бесплатно отказались. На выяснение всего этого ушло несколько дней. В течение этого времени, в общей сложности более недели, мне пришлось работать в кабинете без света.

В те дни заканчивался месяц июнь, и к 5-му июля нужно было составлять полугодовой отчет, а отчетность у нас превыше всего. Так как старший следователь, на котором эта обязанность лежала раньше, был повышен в должности и переведен от нас, хотя и работал в Шахунье, то фактически его обязанности исполнял я, хотя никакого приказа, и соответственно дополнительной оплаты, по этому поводу не было. Отчет пришлось составлять в нагрузку к своим основным делам и вновь пришлось сидеть до полуночи, теперь уже и без света. Несмотря на эти трудности, я как всегда вовремя выполнил все на меня возложенное, и отчет мы сдали вовремя.

В эти же дни я ожидал решения прокурора области по моему заявлению с просьбой перевести меня в близлежащий район. Я подал заявление с просьбой перевести меня с должности следователя на должность помощника в один из близлежащих районов, где, как мне сообщили, освободилась вакансия, обосновал свою просьбу необходимостью бывать в Н.Новгороде в связи с уходом за матерью и в связи с учебой в аспирантуре, а также тем, что по своим индивидуальным качествам мне больше подходит работа помощника прокурора, чем следователя. Однако мне безо всяких оснований было отказано в переводе. Как я узнал впоследствии на это место назначили сына прокурора Тоншаевского района. Я был так расстроен, так сильно подавлен, почти сломлен психологически этим несправедливым отказом, что под влиянием этого сообщил прокурору района, что намерен увольняться.

Плюс ко всему я заболел, у меня поднялась температура. Когда через два дня после моего «проступка» я пошел-таки к врачу, мне сразу же дали больничный, и я по приезду домой в Н.Новгород был сразу госпитализирован с диагнозом острый грибковый отит (воспаление среднего уха), трахеит, ОРВИ, провел в больнице почти месяц, а затем больше недели долечивался амбулаторно. Отит полностью вылечить не удалось до сих пор, и теперь мне требуется дополнительное лечение. Сейчас я из-за этого постепенно теряю слух на правое ухо, боли периодически возобновляются, однако теперь у меня нет средств даже на элементарное лечение. Проживая в Шахунье без регистрации, я не имел возможности получать медицинскую помощь, так как в местной поликлинике меня лечить отказывались в связи с тем, что полис медицинского страхования у меня был выписан по месту регистрации, то есть в Н.Новгороде. Мне могли только дать больничный на один день и направить на лечение по месту регистрации.

По истечении восьми дней работы без света я решил устранить неполадку самостоятельно. Иного выхода не было, так как прокурор явно игнорировал мои просьбы. Возможно, это решение и было несколько самовольным, но на его принятие оказали сильное воздействие сложившиеся тяжелые жизненные и рабочие обстоятельства. Это была ситуация крайней необходимости, а такая ситуация исключает привлечение к ответственности.

В канцелярии прокуратуры имелся светильник дневного света, аналогичный перегоревшему в моем кабинете. Этот светильник летом в канцелярии не используется, так как дольше 17 часов секретарь прокурора и зав.канцелярией не работали, у них самый светлый кабинет, окно почти во всю стену, в летнее время там достаточно светло и без дополнительного освещения, мне же приходилось работать по ночам. Я решил снять этот светильник и временно подсоединить его у себя в кабинете. Утром я сообщил об этом своем намерении заведующей канцелярией, сказал, что если до обеда свет в моем кабинете не сделают, я возьму их светильник. До обеда никаких мер по

ремонту, естественно, не принималось. После обеда я спросил, будут ли ремонтировать свет, мне ничего не ответили, тогда я взял стремянку и снял светильник в канцелярии. При этом я пользовался тестером и проверял напряжение в сети с целью безопасности. Я достаточно хорошо разбираюсь в электротехнике, в свое время я занял первое место в школьной олимпиаде по физике, поэтому вполне способен произвести замену светильника с безопасностью и для себя, и для других. Однако когда я подсоединил светильник в своем кабинете, лампы в нем перегорели. Видимо, у меня в кабинете неисправна была и проводка. После этого я вернул светильник на место.

Этот мой поступок вызвал целую бурю возмущения. В изложении прокурора района, как он не замедлил направить представление о моем наказании, все описано как акт хулиганства и вандализма с моей стороны. Используются такие обороты, как «срывает светильник», хотя я не спеша снял его, предварительно проверив тестером отсутствие напряжения в сети, «с угрозами, оскорблениями, нецензурной бранью пришел в кабинет канцелярии». Кому и чем мне нужно было угрожать?! Никто из сотрудников не чинил мне препятствий в том, чтобы снять светильник в канцелярии. В тот момент, когда я снимал светильник, в кабинете канцелярии вообще никого не находилось, заведующая канцелярией вышла из кабинета, секретаря там не было, она насколько я помню в тот момент пила чай со своей подругой пом.прокурора Климовой в кабинете у последней. В коридоре также никого не было. Следователь по ОВД Арефьев Ю.А., упоминаемый в тексте приказа, находился в канцелярии только в тот момент, когда я зашел с лестницей в канцелярию и сообщил о своем намерении снять светильник. При этом он даже ничего мне не сказал, а просто ушел из канцелярии в кабинет к своему другу зам.прокурора Золотову, при этом на лице у него играла ехидная и злорадная усмешка, его явно забавляла ситуация, в которой я оказался. Однако в приказе изображено так, будто он делал мне замечания, а я на них «не реагировал». Также в приказе ложно указывается на то, что «на шум, доносившийся из канцелярии, также вышли заместитель прокурора Толстогузов В.А., помощник прокурора Климина Т.А.» Уже из данного отрывка текста становится очевидно, что приказ о моем наказании был составлен второпях, без сколь бы то ни было глубокого изучения действительных обстоятельств происшедшего, и результат упоминаемой служебной проверки был предрешен заранее. Дело в том, что у нас нет сотрудницы «Климиной», есть Климова. Однако, очевидно, что такие мелочи в общем стремлении наказать меня любым способом не принимались во внимание.

За то, что я снял в одном кабинете лампу и перевесил ее в свой кабинет, где более недели мне приходилось работать без света, и никаких мер к устранению неполадки руководством не принималось, причинялся вред моему зрению, моему здоровью, я был лишен квартальной премии и надбавки за сложность и напряженность в работе на 100 % на 12 месяцев. Может всех так строго наказывают? Оказывается, нет. К примеру, за оправдательный приговор по делу, направленному в суд (то есть за то, что к уголовной ответственности был привлечен невиновный) одному следователю (сыну нового начальника отдела кадров) было лишь «строго указано» без каких-либо мер дисциплинарного и материального воздействия, а другой следователь, который по нескольким делам допустил грубую волокиту, до 8 месяцев, не проводил вообще никаких следственных действий, кроме того, в баре в пьяном виде учинил хулиганскую драку и ударил охранника, тот следователь был лишен лишь надбавки, премию же он видимо все-таки заработал. Строже меня в материальном отношении не наказывали никого. То, что я был наказан отнюдь не за лампу, красноречиво подтвердил сам Арефьев, который сказал мне, что меня лишили премии и надбавок к зарплате, чтобы я «не вы*****ся».

Приказ о моем наказании был вынесен на основании объяснений следователя Арефьева Ю.А. и помощника прокурора Климовой Т.А., люто меня ненавидящих за то, что я открыто указывал на их незаконные и аморальные приемы работы, и ложно оговоривших меня из чувства мести за мое правомерное поведение.

Если бы руководство прокуратуры решая возникшую ситуацию руководствовалось бы принципами законности, справедливости и вины, то в августе 2004 года за это «снятие лампы» меня вообще не нужно было наказывать, так как руководство прокуратуры, в первую очередь прокурор районной прокуратуры, само создало критическую ситуацию, в которой невозможно было продолжать работу, что было также осложнено тяжелыми бытовыми условиями и иными условиями моей жизни и работы.

Утверждения же о том, что я выражался грубой нецензурной бранью полностью являются ложными, они сделаны Климовой и Арефьевым из ложного чувства личной неприязни ко мне, а другие попросту пошли у них на поводу. Через год, уже в суде, выступающие в качестве свидетелей по этому эпизоду зав.канцелярией Шибарева Т.Я. и зам.прокурора Толстогузов подтвердили, что «грубой нецензурной бранью» я не выражался, однако и в суде это было проигнорировано. Огульное и голословное утверждение Арефьева и Климовой, которые даже не были свидетелями этого эпизода, даже в суде было принято как истинное.

Если рассмотреть случившееся с непредвзятой точки зрения, руководствуясь общеправовыми принципами квалификации деяний, то можно сделать лишь один единственный вывод о том, что в моих действиях не было состава дисциплинарного проступка. Дисциплинарным проступком признается противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей. Это определение выработано в доктрине права и содержится, в частности, в комментариях к трудовому и административному законодательству. Как и любое другое правонарушение, дисциплинарный проступок обладает совокупностью признаков: субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона. Субъективной стороной дисциплинарного проступка выступает вина со стороны работника. Она может быть в форме умысла или по неосторожности. В моем же случае моя вина в совершенных мною действиях *отсутствовала*. Снимая лампу дневного света, я действовал под влиянием непреодолимых обстоятельств, в условиях *крайней необходимости*, я вынужден был самостоятельно принять меры к обеспечению освещения в моем рабочем кабинете, так как руководство не принимало никаких мер в течение значительного продолжительного периода времени. Продолжать работать при отсутствии освещения было невозможно, так как это наносило ущерб моему здоровью, моему зрению. В течение более недели моя проблема игнорировалась прокурором района. Неужели прокурор района был не в силах принять меры, чтобы в течение более недели устранить неполадку в электросети?! Очевидно, что прокурор обладает для этого необходимыми полномочиями, и поломка могла вполне быть устранена в течение одного, максимум двух дней. То, что за восемь дней ее не устранили, свидетельствует о том, что никто ее устранять и не собирался, моя проблема игнорировалась. Я не исключаю того, что им просто нравилось таким образом издеваться надо мной как над негодным работником, и они попросту ждали неадекватной реакции с моей стороны. В соответствии со ст. 189 ТК РФ работодатель обязан создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда. В данном случае они намеренно не были созданы. Согласно ст. 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечивать безопасность труда и условия, отвечающие требованиям охраны и гигиены труда. Тот же уровень освещенности, который был на моем рабочем месте, явно не соответствовал санитарным нормативам. Ложью является также содержащееся в приказе о моем

наказании утверждение о том, что в тот же день, что я снял светильник, должен был прийти мастер и устранить неполадку. После указанного инцидента прошло два дня, в течение которых я продолжал сидеть в кабинете без света, затем я вышел на больничный и уехал в Н.Новгород, и как мне впоследствии рассказали сотрудники Шахунской прокуратуры свет починили только через несколько дней после моего отъезда.

Также при применении меры взыскания администрацией должны были учитываться степень тяжести проступка, вред, причиненный им, обстоятельства, при которых он совершен, и общая характеристика лица, совершившего дисциплинарный проступок. Данные обстоятельства, которые однозначно и определенно свидетельствовали в мою пользу, были полностью проигнорированы администрацией при наложении на меня дисциплинарного взыскания.

Представление прокурора Шахунского района о моем наказании выдержано в стиле субъективных оценочных критериев, в нем делается попытка представить ситуацию так, будто я неуравновешенный человек, постоянно ругаюсь матом, испортил отношения со всеми сотрудниками не только в прокуратуре, но и в других связанных с прокуратурой учреждениях и т.п. Искажаются действительные мотивы моих поступков, которым ложно придается отрицательный характер. Целостный характер проблемы намеренно обходится стороной, а отрывочные сведения о ней предлагаются в качестве достоверной информации. Результатом такого подхода является непонимание и безразличность. Отношения ни с кем из сотрудников я не испортил. Просто я сохранил свою принципиальную позицию честного и справедливого человека, государственного служащего, в отношениях с отдельными сотрудниками тех или иных учреждений, чей моральный облик явно не соответствует их должностному положению.

Не секрет, что следователь – это лицо, которому по долгу его службы приходится вступать зачастую в конфликтные ситуации и встречаться с явными или скрытыми конфликтными отношениями. Также не секрет, что далеко не все сотрудники различных государственных учреждений, особенно в провинции, где все вопросы зачастую решаются исходя не из законных интересов, а из интересов личной выгоды, семейственности и свойственности, далеко не все служащие в своей работе руководствуются законом и совестью. Мне как следователю действительно пришлось не раз с этим встретиться в Шахунье. Да, мне пришлось вступить в конфликтные отношения, но конфликт был в данных случаях обусловлен естественным противоречием между интересами закона, государства, наконец, требованиями моей совести с одной стороны и беззаконием, произволом и безнравственностью с другой.

В представлении прокурора района говорится лишь о крайне незначительной внешней стороне вопроса, при этом полностью умалчивается о действительных мотивах конкретных ситуаций. При этом сам текст обращения прокурора свидетельствует об откровенном умолчании об истине. На том месте, где следовало бы осветить вещи так, как они есть на самом деле, в представлении поставлено многоточие. Сделано это намеренно, чтобы скрыть действительное положение дел, так как вещи, так как они есть на самом деле, явно свидетельствуют о моей полной невинности.

Так в вину мне прокурор ставит два случая, когда на меня пожаловались судебно-медицинские эксперты и оперуполномоченный РОВД, причем в решении о привлечении меня к дисциплинарной ответственности эти случаи вообще не упоминаются, о них говорит только прокурор района в своем сопроводительном письме к представлению о моем наказании. То есть эти случаи упоминаются, но никаких комментариев, никаких объяснений по этому поводу не приводится, они как

бы создают контекст, на фоне которого прокурор пытается оправдать необходимость привлечения меня к ответственности якобы за допущенные проступки.

Из этих историй в первую очередь видно то, как у нас работают службы, призванные, также как и правоохранительные органы, бороться с преступностью и оказывать помощь следствию. Свои служебные, должностные обязанности они рассматривают как некие личные услуги следователю, а не как работу на благо государства и общества.

Первый случай произошел, когда я первый раз обратился к шахунскому судмедэксперту Тюриной. Мне нужно было, чтобы она освидетельствовала мужчину, подозреваемого в изнасиловании. Подозреваемый был задержан мною ночью в ходе оперативно-розыскных мероприятий по заявлению потерпевшей от изнасилования. Ночь он провел в камере изолятора временного содержания, а утром я и участковый, который помогал мне, отвели его в поликлинику, где находился кабинет судмедэксперта Тюриной. Я привел подозреваемого к ней в кабинет и сообщил цель нашего, с которой мы пришли. Это обязательное следственное действие, подозреваемого необходимо освидетельствовать как можно скорее, взять у него образцы для производства экспертиз, это производит судмедэксперт по постановлению следователя. Однако реакция Тюриной на наше появление и мое законное требование меня просто поразила. Она прямо с порога мне заявила, что освидетельствовать подозреваемого не будет, потому что сегодня у нее не приемный день. Освидетельствование она проводит «по расписанию». На мои возражения о том, что это неотложное следственное действие, то есть такое, которое она обязана провести безотлагательно в любое время суток, она мне ответила, как могут догадаться те, кто сталкивался с подобными бюрократами, что «ничего мне не обязана». Я предал ей постановление. Она взглянула на него и сразу же мне вернула, по ее мнению, постановление я составил неправильно. «Что неправильно? Я готов здесь же исправить!» – сказал я. Оказалось, нужно было вписать то ли год рождения, то ли место жительства подозреваемого, что-то несущественное. Я собрался тут же у нее на столе это вписать в бланк, но у меня при себе не оказалось ручки. Я попросил у Тюриной ручку. После этого комедия перешла в фарс: она убрала со своего стола все ручки в стол и сказала, что ручку мне не даст, выпроводила подозреваемого в коридор и стала буквально выталкивать меня из кабинета, еще раз заявив при этом, что «ничего мне делать не будет», вот завтра у нее приемный день и завтра пусть мы и придем. «Но позвольте, ведь это нужно не мне! Это следственное действие, человек подозревается в преступлении. Это ваш профессиональный долг и обязанность!» – сказал я ей. «Ах, так, вы еще и кричите! Я сейчас же звоню прокурору!» – она выпихала меня из кабинета, вышла сама, заперла дверь на ключ и ушла. Телефон у нее не работал (Бюро СМЭ за него не платило и его отключили) и она пошла звонить к кому-то в поликлинике. Мне ничего не оставалось делать, как отправиться вместе с задержанным и участковым в прокуратуру. Не успел я войти в здание, как мне на встречу вышел зам.прокурора Толстогузов. Тюрина позвонила ему и сказала, что я «вломился в ее кабинет и выкручивал ей руки (!!!)». Я объяснил Толстогузову, зачем я к ней приходил, и как она с нами поступила. После это Толстогузов и прояснил мне ситуацию. Он рассказал мне следующее. Оказывается, такое поведение Тюриной является типичным. Она постоянно придирается ко всем следователям, как прокуратуры, так и милиции. Женщина истеричная и вздорная. Правоохранительные органы она ненавидит из-за того, что ее сын был осужден за какое-то преступление, и в этом она винит прокуратуру и милицию. Самое интересное, что на момент привлечения к уголовной ответственности ее сын учился в Школе милиции (Академия МВД) в Н.Новгороде и сам собирался стать милиционером, однако в связи с осуждением это не

осуществилось. Толстогузов не видел ничего удивительно в поведении Тюриной и в ее жалобе на меня. Он посоветовал мне еще раз прямо сейчас сходить к ней, извиниться, переделать постановление, как она хочет, и она все сделает. Ей просто нужно, чтобы перед ней пресмыкались. И действительно, я вернулся к ней, извинился (не знаю, правда, за что: свидетелями этого инцидента были сам задержанный и участковый и они могли бы подтвердить, что все ее обвинения в мой адрес полный вздор, если не сказать больше), и она освидетельствовала подозреваемого. Я думал, что на этом инцидент был исчерпан, поскольку сама Тюрина никогда после этого к нему не возвращалась и делала вид, как будто бы его и не было, и она не оклеветала меня. Однако нет, об этом инциденте вспомнил прокурор (ему об этом, естественно, доложил Толстогузов), когда направлял представление о моем наказании. Буквально он написал, что я «испортил отношения с судмедэкспертом». Каким образом я их «испортил», я описал выше. В бумаге прокурора, естественно, это описание отсутствовало.

Другой случай, также поставленный мне в вину, связан с заведующей Нижегородским бюро судмедэкспертизы Ревнитской. Это пожилая дама, лет семидесяти, передвигающаяся с помощью костыля, всю свою жизнь проработала в этом бюро и, видимо, ближайšie еще лет семьдесят покидать его не собирается. Однажды мне нужно было провести в этом бюро одновременно несколько, около десяти, экспертиз. Из Шахуньи следователь сам привезти на экспертизу все вещественные доказательства не может, машины для этого в прокуратуре нет, кроме того, в тот раз вещдоков у меня было несколько коробок. У меня в производстве было дело об убийстве, женщина убила сожителя с помощью кухонного половника. Я назначил две экспертизы: в рамках одной нужно было исследовать половник на предмет наличия на нем следов крови, в рамках второй – половик, который был изъят с пола на месте происшествия и на котором также нужно было найти следы крови. Эти два вещдока – половик и половник, в числе целой кучи других в Н.Новгород доставлял водитель Шахунского РОВД. Вещдоки в Нижегородском бюро СМЭ принимает лично Ревнитская. И вот, водитель привез вещдоки, она, увидев, что их много, и что предстоит поработать (а работать у нас никто не любит), стала возмущаться. Быстро просмотрев постановления, к которым собственно эти вещдоки прилагались, и сравнив указанные в постановлении вещдоки и доставленные свертки, она пришла к гениальному выводу, что я прислал одно постановление и один вещдок лишний. Когда водитель на следующий день вернулся в Шахунью, и еще на следующий день сообщил об этом мне, я обнаружил, что мне назад Ревнитская вернула коробку с половиком. Водитель был в ярости, сказал, что я не умею (по мнению Ревнитской, которая в его глазах была, видимо, непререкаемым авторитетом) составлять постановления, посылаю лишние вещдоки, что он ничего больше для меня возить не будет, и что пусть я сам езжу и вожу свои вещдоки на экспертизу. То же самое он повторил и начальнику РОВД, личным водителем которого он был, а начальник РОВД то же самое повторил прокурору. Замечу еще раз, что этот водитель тоже, как и Тюрина, и та же Ревнитская, рассматривали свою работу именно как личную услугу мне лично, а не как свои должностные обязанности. Я стал выяснять, почему же коробка с половиком вдруг оказалась лишней. Позвонил в бюро СМЭ. Ревнитской не было, мне ответила ее лаборант, которая оказалась в курсе (видимо, Ревнитская уже успела похвалиться тем, как она обнаружила лишний вещдок, и рассказать, какой идиот следователь из Шахуньи). Как мне рассказала лаборант, дело было так: Ревнитская сравнила два постановления – в одном был указан половник, в другом половик в качестве вещдоков. И сравнив их, она пришла к гениальному выводу о том, что во втором постановлении я сделал *опечатку*! Пропустил в слове «половник» букву «н» и у меня получилось «половик». Этот то половик и был лишним! Действительно, ведь очень «логично»:

следователь пропустил букву, сделал опечатку, и решил ее исправить прислав, кроме половника, еще и половик! Этот то половик, вместе с постановлением «с опечаткой» Ревнитская и вернула мне назад. Выслушав версию лаборанта о моей «опечатке», я крайне изумленный, спросил: «А ваша Ревнитская на пенсию не собирается?». После этого я объяснил лаборантке, что не было никакой опечатки, и что теперь нам из Шахуньи, за триста километров от Н.Новгорода, придется еще раз организовывать доставку вещдока к ним в бюро. После окончания этого разговора, буквально минут через пятнадцать, мне позвонил сотрудник из областной прокуратуры. Раньше я такого не знал, он никоим образом не относился к надзору за работой Шахунской прокуратуры, я даже не запомнил его должности и имени. Он был возмущен тем, что я «нецензурно оскорбил Ревнитскую». Я был ошеломлен. «Я с ней даже не разговаривал!» – только и успел сказать я. Мой высокопоставленный собеседник меня даже не слушал, а с негодованием продолжал мне рассказывать, о том, какой гнусный поступок я совершил, о том, как он сам давно лично знаком с Ревнитской, какой она высочайший специалист и т.п. Причина и цель этого звонка были понятны. Лаборантка рассказала своей начальнице о моем звонке и не преминула передать мой вопрос о том, не собирается ли Ревнитская на пенсию. Именно этот вопрос и привел Ревнитскую в негодование. Она забыла и про половник, и про половик, и сразу же, видимо в присутствии лаборантки демонстративно, чтобы продемонстрировать свою силу, власть над каким-то там следователем из Шахуньи, позвонила своему знакомому в аппарате областной прокуратуры. А тот в свою очередь был рад продемонстрировать мне его собственное влияние и значимость, и мою ничтожность. Ревнитской я после этого перезвонил, она к тому времени уже остыла, я извинился (хотя опять же, не известно за что) и на этом, как я считал, инцидент был исчерпан. По крайней мере, сама Ревнитская о нем больше не вспоминала, а мне приходилось ей назначать, наверное, сотни экспертиз. Но этот эпизод мне припомнили в шахунской прокуратуре. Тот сотрудник из областной прокуратуры, перед тем, как он дозвонился до меня, дозвонился сначала до Толстогузова. Дело в том, что у нас на два соседних кабинета был один общий параллельный телефон. Первым трубку брал, как правило, он, кроме того, поскольку в течение рабочего дня работы у него было мягко скажем не много, то его любимым развлечением в часы скуки на рабочем месте было подслушивать чужие телефонные разговоры по параллельному телефону. Таким образом он и узнал о моем «разговоре с Ревнитской». Прокурору он доложил о нем в том варианте, о котором услышал от областного чиновника. А прокурор не преминул припомнить мне это, когда направлял представление о моем наказании. Правда, саму Ревнитскую никто из них об этом случае даже не спрашивал.

Еще один подобный случай был зашифрован прокурором под фразой о том, что я «испортил отношения с сотрудниками милиции». Вот как это было. Однажды при осмотре места происшествия я изъясил два видеоманитофона. Потом это дело передали Арефьеву. Прошло время, дело было направлено в суд, меня же заинтересовало, где же видаки, в числе вещдоков они не значились. Оказалось, Арефьев отдал их своему другу, оперуполномоченному из РОВД, «переписать свадьбу». Переписывание затянулось на несколько месяцев, вплоть до тех пор, пока я этим не заинтересовался. Заинтересовался я этим, кстати, по вполне законной причине: Арефьева тогда как раз повысили и он сдавал свои незаконченные дела мне, в том числе он должен был отчитаться и за вещдоки, которые у него были по уголовным делам. Мне он предложил самому сходить к этому оперуполномоченному и видаки у него забрать. Когда же я так и сделал и потребовал вернуть видеоманитофоны в прокуратуру, то их новый владелец, друг Арефьева, отказался это сделать, причем отказ свой подтвердил несколько раз, так что мне пришлось докладывать о ситуации прокурору. Уверен, что

если бы я не вмешался, вещественные доказательства так бы и остались у того опера, потому что это по сути был подарок «с барского плеча». Эту ситуацию Арефьев сумел повернуть против меня, надоумив опера написать на меня жалобу прокурору, якобы я, требуя вернуть видики, нецензурно всех оскорблял и унижал. Естественно, им нужно было подстраховаться, поскольку в действиях как Арефьева, так и того опера были явные признаки преступления – хищения с использованием своего служебного положения. Используя эти ничем не подтвержденные и очевидно ложные жалобы того опера и самого Арефьева прокурор представил этот инцидент в письме, приложенном к моему наказанию, как то, что я, якобы, «испортил отношения с сотрудниками милиции». Этот случай наверное самый циничный и подлый из всех вышеприведенных, и не удивительно, ведь его срежиссировал такой спец, как Арефьев. Были и другие подобные случаи, когда на меня жаловались местные шахунские бюрократы, но как и описанные выше, они были основаны не на моих «неблаговидных» действиях, а на моем сопротивлении всеобщему равнодушию, спихократии и нежеланию обязанных на то лиц должным образом исполнять свои обязанности. Далее телефонного звонка прокурору и устного выражения недовольства моим служебным рвением они не распространялись, однако при представившемся случае прокурор не преминул о них многозначительно упомянуть, правда, умолчав при этом об их реальной подоплеке.

В представлении о моем наказании, вернее в том же сопроводительном письме, направленном им в довесок к представлению прокурор использовал против меня даже тот факт, что я не имел в Шахунье места жительства. Вот как прокурор района прокомментировал ситуацию, связанную с отсутствием у меня жилья: «Заместитель прокурора договаривается о предоставлении ему места в общежитии работников СПТУ... и там он долго не задерживается ввиду ссоры с соседом по комнате, экспертом–криминалистом Шахунского РОВД...». Отсюда на первый взгляд следует вывод: прокурор договорился, помог мне, а я по своей вине от этой помощи отказался, да еще и «ввиду ссоры», да не с кем-нибудь, а с самим «экспертом – криминалистом Шахунского РОВД»; поневоле рождается в душе уважение к неизвестному незаслуженно оскорбленному эксперту-криминалисту и презрение ко мне, скандалисту. В действительности же была полностью противоположная ситуация. Во-первых, возникает вопрос, почему о предоставлении места в общежитии договаривается заместитель прокурора, а не прокурор. Ответ на него прост: мои обращения к прокурору с просьбами о помощи попросту оставались без ответа, то, что мне негде было жить, просто игнорировалось прокурором. Сам же заместитель прокурора Золотов сделал лишь то, что не мог сделать я – он по моей просьбе позвонил директору техникума и попросил ее пустить меня пожить в общежитии, однако о том, что там, в общежитии есть места, и меня действительно могут туда пустить, я узнал сам, и сам попросил Золотова позвонить директору техникума. Далее, обратимся к рассмотрению второй, самой важной части приведенной цитаты. Действительно, моим соседом по комнате в общежитии Шахунского техникума оказался эксперт Шахунского РОВД О.Е.Синев. В первый же вечер, как я поселился с ним в одной комнате, я обнаружил, что жить мы будем, видимо, не вдвоем, а как минимум втроем: к нам в комнату он привел компанию из двух проституток и своего друга, который был в состоянии сильного опьянения. Одна из проституток намеревалась остаться с Синевым на ночь, а другая стала примеряться ко мне. Нравственность для меня всегда была высшим критерием оценки человека. Ни разу за свою жизнь я не совершал грязных поступков, которые запятнали бы меня перед моей совестью. Однако, уважая права хозяина комнаты, я вежливо отказался от общества той женщины. Увидев это, другая, явно не привыкшая к такому развитию событий, тоже ушла к большому неудовольствию моего

соседа. Правда, покинули они нас уже около 2 часов ночи, оставив на столе несколько пустых «полторашек» из-под пива и пустых бутылок водки. Я подумал, что, возможно, это единичный случай, и я просто не вовремя попал. Однако уже через несколько дней мой сосед явился ночью, когда я уже спал, вновь с девушкой «легкого поведения», на сей раз уже с другой. Мое присутствие в комнате он явно игнорировал. Они разделись и в моем присутствии стали заниматься сексом. Мне пришлось терпеть это до утра, благо что было темно и я ничего не видел. На мои протесты по этому поводу как тем утром, так и впоследствии Синева не реагировал, более того, он, видимо, просто не понимал в силу ущербности своего нравственного развития, чем вызвано мое недовольство. Мне он отвечал: «Тебе, что не нравится, что я девок е*у?». Себя он считал хозяином комнаты и не считал нужным считаться с моими интересами. По характеру Синева оказался грубым, я бы, сказал брутальным человеком. Он в несколько раз превосходил меня по своей физической комплекции, например, объем его руки равен примерно размеру моего бедра. По комнате он любил расхаживать раздетым по пояс, демонстрируя свои мускулы. По своим мировоззренческим взглядам он был приверженцем язычества, его идеалом был культ физической силы и чувственных удовольствий. Я впервые в своей жизни встретился с представителем такого мировоззрения, раньше я думал, что подобные люди существуют лишь в кинофильмах о маньяках. С детства воспитанный в традициях православия, я мог бы оценить его мировоззренческие взгляды как откровенный сатанизм. Синева собирался участвовать в проводимом где-то под Москвой сатанинском шабаше, из интернета он узнал место проведения другого сборища, где приверженцами язычества проводились реальные битвы на мечах и собирался участвовать в битве. Какому-то знакомому он собирался заказать выковать боевой меч (кстати, холодное оружие, приобретение которого представляет собой уголовное преступление), однако его друг, которому он передал деньги за меч, эти деньги пропил. Все это у него было «на полном серьезе». На мой вопрос, почему он пошел служить в милицию, он мне внятного ответа дать не мог, только ударил себя кулаком в грудь и сказал, что восхищается «русскими парнями», которые погибли в бою в Чечне. По-видимому, работу в милиции он воспринимал как «битву» на войне. По образованию он оказался эколог, однако работал экспертом-криминалистом. Я сам, по своему характеру не в силах поступать с людьми грубо и открыто выставлять свои интересы, поэтому я решил терпеть общество Синева и его поведение. Иного выхода у меня не было, так как жить мне было больше негде. Однако Синева продолжал периодически водить на ночь в нашу комнату проституток (сам он их при этом считал «порядочными» девушками). Надо мной он откровенно надсмехался из-за моих религиозных взглядов и моральных убеждений. Мои христианские взгляды он считал проявлением инфантильности и слабости, постоянно надсмехался над православными святынями, полностью отрицал и более того глумился над бесспорными для меня нравственными идеалами.

Отношения между нами не могли не начать портиться, хотя я ни разу не сказал ему ни одного грубого слова, наоборот, всегда был вежливым, приветливым и доброжелательным. Но однажды, когда он в очередной раз привел с собой посреди ночи проститутку, я не выдержал. Я выразил обоим свой категорический протест, после чего ушел. Я переночевал в своем рабочем кабинете в прокуратуре. На следующий день я вернулся в общежитие. Я решил, что нужно наконец открыто поговорить с Синевым и решить этот вопрос. Синева в комнате не появлялся до позднего вечера, явно предвидя серьезный разговор. Мне пришлось лечь спать одному. Около 4 часов утра я проснулся от того, что в комнате включили свет. Вошел Синева и еще один незнакомый мне парень, ростом не меньше Синева. Несмотря на свои более чем внушительные физические данные, он, видимо, не решился встретиться со мной

один на один, Голиаф оказался просто трусом и прихватил себе для поддержки сообщника. «Ну что» - сказал мне Синева, и оскорбил меня нецензурно. Далее они обступили меня и стали вести со мной разговор, который я, используя нормативную лексику, передать не могу. Были они оба пьяные. Однако мне таки удалось отстоять свою точку зрения на вопрос о том, какие именно отношения между мужчиной и женщиной следует считать нравственными. Они оба ушли. Но я рано перевел дух. Через 10 минут Синева вернулся. Он снял с себя майку, встал в бойцовскую стойку и сказал мне, чтобы я тоже вставал. Я встал. Хотя в действительности в плане физической подготовки мне, к сожалению, ему противопоставить было нечего. Синева нанес мне удар кулаком в печень. Поддерживать этот, видимо по его мнению, «честный бой» я не мог, поэтому не говоря ни слова оделся и ушел в свой кабинет на работу. На следующий день я после работы перенес свои вещи в прокуратуру. Следующие несколько недель мне пришлось ночевать в своем служебном кабинете, до тех пор, пока мне не удалось найти новое жилье. Вот таким образом я «долго не задерживался в общежитии работников СПТУ ввиду ссоры с соседом по комнате, экспертом – криминалистом Шахунского РОВД ...».

К этой цитате можно добавить и еще небольшое пояснение. Общежитие, где я жил, является общежитием не для работников, а для студентов Шахунского агропромышленного техникума, приехавших из деревень. По поводу «долго не задерживается» могу пояснить, что в общежитии я жил около года, при этом непосредственно с экспертом Синевым – около семи месяцев. За это время мне довелось выяснить, что кроме студентов в общежитии немало комнат занимают родственники и дети работников техникума, которые превратили казенные комнаты фактически в собственные квартиры. «Квартплата» при этом – сто рублей в месяц, тариф для студентов, электричество вообще «дармовое», что весьма выгодно. Комендантша общежития, женщина лет около пятидесяти, которая, не смотря на свой уже явно преклонный возраст, не стесняясь сожительствовала с молодым человеком 25-ти лет, который жил вместе с ней в занимаемых ею в общежитии комнатах. Она, кстати, намекнула мне, что при внесении мной в ее пользу соответствующей суммы, мне может быть выделена и отдельная комната. Однако для меня неприемлем способ решения своих проблем с помощью взяток и посулов, поэтому я отверг для себя такой вариант. Вообще для большинства жителей Шахуньи, как я смог для себя узнать за время работы здесь, очень характерен крайне низкий уровень нравственности, повсеместный разврат, в сочетании с мелочной заботой о своем внешнем виде и показной чистоплотностью, так, например, в порядке вещей пойти в баню с проститутками, однако в высшей мере неприлично сморкаться в носовой платок в присутствии посторонних.

Следует также прояснить и дальнейшую судьбу эксперта Синева. Моим отъездом из общежития история для него не закончилась. Буквально через несколько дней после того, как мне пришлось покинуть его общество, в отношении него и еще двух сотрудников уголовного розыска РОВД в прокуратуру поступила жалоба от административно задержанного гражданина на незаконное задержание и избивание сотрудниками милиции, среди которых был и Синева. Проверку в порядке ст. 144 УПК РФ проводила Климова. В нарушение всех сроков проверки, по истечении более одного месяца было возбуждено уголовное дело. И то только потому, что по жалобе потерпевшего было вынесено решение Шахунского суда, признавшего задержание потерпевшего сотрудниками милиции незаконным. Однако прокурор дал согласие только на возбуждение уголовного дела не в отношении конкретных лиц, хотя все они были уже фактически известны и на них прямо указывал потерпевший, а по факту, то

есть нарушение признано, но его кто его совершил, как будто бы не известно. Такой способ позволяет гораздо проще прекратить это дело впоследствии.

Я в то время как раз уходил в очередной отпуск, когда же через месяц вернулся, то расследование по этому делу поручили мне. За месяц, что дело расследовал заместитель прокурора, оно вперед ни на шаг не продвинулось. Прокурор сразу мне сказал, что «обвинение никому не предъявляем». Однако в ходе расследования вина всех троих, среди которых был и Синева, получила полное подтверждение, о чем я уже рассказывал выше. Расследование давалось не просто. Несколько раз, когда я заходил по каким-либо делам в РОВД в уголовный розыск те двое сотрудников, по которым велось дело, насильно удерживали меня и начинали спрашивать, когда же я прекращу их дело. Однажды один из них, сильно распалившись, сказал мне: «Да все знают, что ты не просто так копаешь. Тебя тогда Синева опустил и ты ему отомстить хочешь!». Тем не менее, Синеву я не «отомстил». По указанию прокурора я прекратил это дело за отсутствием состава преступления. Фактически решение о прекращении дела было принято самим прокурором, а я лишь исполнил его волевое решение. Для меня это решение было непростым, то, что оно незаконно, для всех было очевидно. Однако иного решения мне принять никто бы не позволил. Это подтверждается тем, что дело это после меня дважды прекращали и два других наших следователя, так как по жалобам потерпевшего постановления о прекращении этого дела трижды отменялись судом, и до сих пор обвинение никому не предъявлено, в суд это дело не направлено.

О том, что Синева избивает подсудимых, мне было известно и из личного опыта. При мне он ударил одного задержанного. Также мне известно о проверке, проводившейся той же Климовой, по заявлению об избиении другого человека. Мне запомнились слова потерпевшего: «Это же не люди, это звери, фашисты. Как такие могут работать в милиции». Словам того человека я вполне доверяю. Потерпевший по моему делу по этому поводу говорил, что так, как эти сотрудники вели себя с ним, наверно вели себя фашисты во время войны с нашими пленными, применяя изощренные пытки. В этом тоже есть доля истины, особенно помня увлечение Синевы идеалом физической силы, так характерного для фашистской идеологии.

А в июне 2004 года Синева уволился из органов внутренних дел. Несколько дней он не выходил на работу, будучи в сильном «запое». По «выходу» ему предложили вместо увольнения за прогул написать рапорт об увольнении по собственному желанию, что он и сделал.

Вот с таким человеком я вступил в «ссору», и «ввиду ссоры» с ним «не задержался» в общежитии.

Таким образом, факты в материалах проверки в отношении меня были представлены в полностью неверном смысле, смысл событий извращен, и там, где я фактически явился потерпевшим, меня представили как правонарушителя и наказали. Цель, которую преследовали те, которые желали наказать меня вполне очевидна – это месть мне за то, что безусловно исполнял свои служебные обязанности, непримиримо относился к любой безответственности, халатности, безнравственности, а иной раз и их преступному поведению. Я был для таких людей опасен, и они преследовали цель убрать меня.

Глава 7. The Trial

Was caught red handed
Showing feelings
Of an almost human nature.
Pink Floyd. The Wall

В последней главе я расскажу о том, за что, и главное, как я был уволен. Сегодня я все больше склоняюсь к мысли, что мое увольнение было спланировано заранее, провокация против меня была отрежисированна, и первым этапом этого сценария был мой перевод в прокуратуру Канавинского района Н.Новгорода. Пусть меня не любили в Шахунье, но шахунский прокурор, ценивший меня, минимум, как профессионального работника, никогда бы не опустил до такой низкой провокации, какую использовали против меня в канавинской прокуратуре. Сценарий моего увольнения практически идентичен предыдущему сценарию наложения выговора, что наводит меня на мысль о том, что меня перевели именно с целью уволить, и сам произошедший инцидент был заранее спланирован с этой целью.

Прибыв на новое место работы, я столкнулся с удивительными вещами, было такое впечатление, что я попал не в одну из центральных прокуратур Н.Новгорода, а в контору наподобие сельского клуба. Оказалось, в кабинетах следователей Канавинской прокуратуры не убираются уборщицы. На полу слой песка и грязи. Мусор не выносится, копится кучами в углах. В кабинетах водятся мыши, тараканы. Мыши бегают и забираются в сумки с продуктами не стесняясь людей в кабинетах. Сотрудникам элементарно не хватает исправных рабочих столов. Одна молодая сотрудница была вынуждена принести на работу в кабинет собственный стол, так как прокурор ее рабочим столом не обеспечил. Сотрудники полностью за свой счет производят все канцелярские расходы. Прокурор обеспечивает сотрудников только бумагой, но в ограниченном количестве, поэтому бумаги не хватает и приходится покупать часть бумаги за свой счет. Канцелярские расходы при этом не возмещаются. В прокуратуре отсутствует необходимая для работы техника, которая есть даже в сельских прокуратурах. Отсутствуют телефонные аппараты. Имевшиеся уже вышли из строя, отработав свой срок, поэтому сотрудники приносят на работу личные телефонные аппараты и используют их для работы. Отсутствуют настольные лампы, хотя часто приходится работать в темное время суток и требуется дополнительное освещение. Стулья и диваны для посетителей находятся в аварийном состоянии, полуразрушены. Служебных компьютеров и другой оргтехники почти нет. Для работы следователя компьютер незаменим. Поскольку новые бланки процессуальных документов отсутствуют, приходится изготавливать бланки или сразу выполнять процессуальные документы на компьютере. Также незаменим копировальный аппарат. Много документов приходится копировать в надзорные производства, множить бланки процессуальных документов. Однако на 10 следователей имеется один малопроизводительный ксерокс «Кэнон» и один лазерный принтер. Служебных компьютеров два. Остальные сотрудники, не только следователи, но и помощники прокурора, используют на работе личные компьютеры и принтеры. Прокурор Андропов лично указал мне на то, что если я не буду использовать на работе свой личный компьютер, то работать я не смогу. При этом постоянное использование личной техники в рабочих целях руководством не компенсируется, что является нарушением положений, предусмотренных Трудовым кодексом. Те, кто пользуется единственным служебным принтером, собирают ежемесячно деньги на его заправку, а также на заправку принтера.

В том, что сотрудники не обеспечены компьютерами и другой необходимой техникой, виноват исключительно прокурор района, не принимающий никаких мер к этому. Я уже рассказывал, как старший следователь Арефьев получил в прокуратуре области компьютер и принтер для работы, для этого ему понадобилось лишь подарить «нужному человеку» в прокуратуре области самовар и бутылку коньяку. В результате прокуратура Шахунского района оказалась обеспеченной компьютерной техникой лучше, чем подчиненная прокурору Андропову Канавинская прокуратура

г.Н.Новгорода. Неужели прокурор городского Канавинского района не мог, используя свои законные возможности и прямые должностные обязанности, принять меры к тому, чтобы обеспечить сотрудников компьютерами и необходимой техникой хотя бы на уровне сельской прокуратуры? Очевидно, что Ю.И.Андропов просто не желает этим заниматься, делая ставку на авторитарный стиль управления и избавления от недовольных сотрудников.

Однако прокурор Андропов сумел на неизвестные средства устроить празднование дня прокуратуры. Все сотрудники прокуратуры (около 30 человек), а также руководство Канавинского РУВД, другие руководители были им приглашены в ресторан. Приблизительно общая стоимость угощения, по минимальным подсчетам составила не менее 30 - 40 тысяч рублей. Следует, конечно, выразить Ю.И.Андропову благодарность по этому поводу. Однако подобные затраты вызывают, прежде всего, подозрения в коррумпированности прокурора района.

К сожалению меня слишком быстро «убрали», и за то время, что я там проработал, я не сумел достаточно хорошо познакомиться с обстановкой в этом районе, но даже из своего непродолжительного опыта работы там могу заключить, что возможность коррупционных связей сотрудников милиции Канавинского РУВД и Канавинской прокуратуры, в частности, с рыночными мошенниками, очень высока. Из разговоров с сотрудниками Канавинской прокуратуры мне стало известно, что сотрудники Канавинского РУВД, в особенности Центрального (3-го) отделения милиции Канавинского РУВД контролируют и получают незаконные доходы от обмана покупателей на Центральном рынке продавцами рынка. В частности, милиции известно о всех уловках продавцов рынка (обвес с помощью различных приспособлений, например, фальшивых гирек, полых изнутри, обсчет покупателей), и милиция получает с продавцов свою долю. Многие сотрудники Канавинского РУВД имеют дорогие иномарки, джипы, приобрести которые просто невозможно на зарплату сотрудника милиции. Массовый характер имеет хищение и последующий оборот сотовых телефонов. На территории, прилегающей к Московскому вокзалу, на радиорынке на Мещере действуют десятки точек, где скупаются краденые сотовые телефоны. Все эти точки действуют под контролем сотрудников канавинской милиции. Заместитель прокурора Канавинского района сообщил мне, что при желании сотрудники Канавинского РУВД смогут «достать» мне «бесплатно» сотовый телефон.

20 января 2005 г. во время обеденного перерыва я отлучился из кабинета и оставил на рабочем столе свой ноутбук. Это старый компьютер 1998 года выпуска, приобретенный мною с рук в 2002 году. Летом 2004 года этот компьютер сломался, причем поломку я обнаружил после моего возвращения с больничного, а за время моего отсутствия компьютер оставался в кабинете в прокуратуре Шахунского района. В результате поломки из строя вышел жесткий диск, среди прочего были утрачены наработки по моей диссертации, подготовленные мной для публикации научные статьи, а также моя студенческая научная работа, за которую я раньше получил медаль. Как мне сообщили специалисты, к которым я обращался для восстановления ноутбука, наиболее вероятной причиной поломки явилось воздействие на компьютер посторонних лиц, то есть его кто-то специально сломал. Мне пришлось истратить кучу денег для его восстановления, так как запчасти для ноутбуков стоят в несколько раз дороже, чем для обычных компьютеров, к тому же для моего компьютера их трудно было найти, так как он уже устарел, и таких жестких дисков больше не выпускают. Поэтому после починки компьютера я сильно переживал за его сохранность, особенно я боялся, что кто-нибудь посторонний неумелым обращением вновь может сломать мой компьютер.

Таким образом, когда 20 января около 13 часов 30 минут я вернулся в свой кабинет и увидел, что мой ноутбук, который я, уходя, оставил в открытом состоянии, теперь закрыт, я сильно испугался. Когда я уходил, то в кабинете оставался мой сосед по кабинету помощник прокурора Сероглазов К.О. Я решил, что это он закрыл крышку-монитор. Ранее он интересовался моим ноутбуком, просил меня показать как он работает. Также из предшествующего поведения Сероглазова у меня сложилось впечатление, что он мог позволить себе распоряжаться моими вещами. Сероглазов вел себя по отношению ко мне с высокомерным тоном. В связи с этим заместитель прокурора Канавинского района Березин Н.Е. даже посоветовал мне разобраться с Сероглазовым и поставить его на место, что, видимо, было сделано Березиным специально, чтобы спровоцировать ссору между нами и использовать ее как повод для увольнения, хотя тогда я ни о чем таком и не подозревал. Я тогда ответил Березину, что не желаю вступать ни в какие конфликты, так как ранее я уже был подвергнут выговору за то, что снял лампочку в прокуратуре. Но Березин мне на это сказал: «Здесь на тебя представление никто не направит, если только ты не совершишь преступление». Эти слова Березина Н.Е. действительно сыграли свою роковую роль и спровоцировали меня на несколько жесткую реакцию по отношению к Сероглазову, который, как мне тогда казалось, не имея на то права, посчитал возможным распоряжаться моим компьютером. Я подошел к Сероглазову, показал ему кулак и сказал, чтобы он не трогал больше мой компьютер. В кабинете в этот момент находился ранее мне незнакомый сотрудник Канавинского РУВД, который пришел к Сероглазову и они до этого пили вдвоем чай.

Сероглазов стал оправдываться, причем очень яростно, заявляя, что он мой компьютер не трогал. Я не хотел с ним пререкаться, инцидент я посчитал исчерпанным, и поскольку обеденный перерыв еще не закончился, я вышел из кабинета и отправился в столовую. Вернулся я по окончании обеденного перерыва. Сероглазов и тот сотрудник милиции все еще находились в кабинете, однако теперь уже оба они были в сильно возбужденном состоянии. Сероглазов заявил мне, что он сейчас же подаст докладную записку о моем поступке прокурору Канавинского района. Тот сотрудник милиции представился мне как начальник КМ Канавинского РУВД (впоследствии оказалось, что он начальник КМ 3-го отделения милиции Канавинского РУВД) Лабанок, и заявил, что он тоже доложит обо всем Андропову Ю.И. и сделает все, чтобы я был из прокуратуры уволен. Далее он презрительно стал мне говорить, что такие, как я, не раскрыли ни одного преступления, работать не умеют, только позорят прокуратуру и т.п. в оскорбительном тоне.

Я стал им обоим объяснять, что мой компьютер находится в аварийном состоянии, любое постороннее вмешательство может привести к серьезной поломке, однако они не хотели ничего слушать и оба продолжали говорить мне, что будут добиваться моего увольнения. В этот момент вернулась с обеда работающая в этом же кабинете помощник прокурора Ломакина. Наш разговор продолжался и при ней. Я лишь пытался объяснить Сероглазову и Лабанку значимость для меня моего компьютера. Тем временем Сероглазов написал докладную и отнес ее прокурору Андропову. На этом наш разговор закончился. А через некоторое время в кабинет зашел следователь Канавинской прокуратуры Куфлин А.С. и признался, что это он закрыл мой ноутбук, как он сказал, чтобы тот не пылился. Я уже был слишком подавлен случившимся, сознавал, что после докладной записки Сероглазова ситуация оборачивается против меня, поэтому я даже не стал разговаривать с Куфлиным на эту тему, не стал предъявлять ему никаких претензий. Вся эта ситуация казалась мне чудовищным недоразумением, которое Сероглазов по непонятным причинам хочет использовать против меня. В итоге прокурором Канавинского района Андроповым по

данному факту было направлено представление о моем наказании прокурору Нижегородской области и за этот самый проступок я и был уволен.

Правда до увольнения я еще около месяца работал, с 21.01 по 16.02.05 г., а 16 февраля О совершенном мной «проступке» за это время не вспоминал никто, кроме прокурора Андропова. И с Сероглазовым, и с остальными сотрудниками, милицией, адвокатами я построил прекрасные рабочие отношения. Даже с моральной точки зрения меня никто в споре с Сероглазовым не винил, поскольку сам Сероглазов имел репутацию сложного в общении человека, склонного к склокам и конфликтам. 2005 года в 10 часов состоялось заседание коллегии прокуратуры Нижегородской области, на котором было принято решение о моем увольнении.

The Urge to Defecate

- В горах был ранен в лоб, сошел с ума от раны.
- Что? К формазонам в клуб? Пошел он в пусурманы?

А.С. Грибоедов. Горе от ума

На прокурорской коллегии, созванной для моего увольнения, участвовали почти все прокурорские начальники. Первым выступил начальник отдела кадров, который зачитал заключение служебной проверки. («Когда его собственный сын учинил драку в клубе, он совсем по другому прокурору об этом докладывал, - вспомнил я потом рассказ одного моего бывшего коллеги, который знал о проступке, совершенном сыном самого Торопова, за тот проступок никакого наказания, естественно, никому не последовало. – «Тогда его сын и еще следователи из Канавинской прокуратуры Куфлин и Чеговадзе устроили драку с охранниками в ночном клубе, все были пьяные, размахивали прокурорскими удостоверениями и кричали: «Вы все арестованы!!!», так вот тогда Торопов об этом Демидову совсем по другому докладывал, будто это сами охранники на них напали, а они «защищались»). Затем выступил прокурор Канавинского района г.Н.Новгорода Андропов. Что характерно, как прокурор Андропов Ю.И., так и все остальные начальники в своей речи не сказали почти **ни одного слова правды**. Вот что говорил Андропов: «следователь Поднебесный был переведен в прокуратуру Канавинского района приказом от 21 декабря 2004 года. Однако прибыл на работу только 11 января 2005 года. Где он был столько времени, не знаю. Говорят, сдавал дела. Ну, ладно, я ему на это ничего не сказал». Как видно, уже эта «вводная» фраза была предназначена для того, чтобы дать субъективную отрицательную оценку моей личности с профессиональной точки зрения, представить меня с отрицательной стороны как неорганизованного сотрудника. В действительности дела в прокуратуре Шахунского района я сдал в течение одного рабочего дня – 31 декабря 2004 года. Именно в этот день, т.е. 31.12.04 г. я был *впервые* ознакомлен с приказом о моем переводе в прокуратуру Канавинского района (!). Прокурор Шахунского района Фуреев В.П. также не знал о том, что 25.11.04 г. был издан приказ о моем переводе. Приказ о моем переводе был прислан в прокуратуру Шахунского района почтой и получен 31.12.04 г. Предварительно меня никто не уведомлял о том, буду ли я переведен или нет. Я подал заявление с просьбой перевести меня в начале ноября, однако не мог знать, будет ли оно одобрено. Начальник отдела кадров Торопов сказал мне, что если приказ о моем переводе будет подписан, то его сразу же отправят в прокуратуру Шахунского района по факсу. Поскольку такого сообщения не приходило, в Шахунской прокуратуре полагали, что мое заявление о переводе отвергнуто.

Далее прокурор Андропов Ю.И. сообщил: «В производстве у Поднебесного было пять дел, что-то он направил в суд, но все дела были несложные, поэтому о его профессиональных качествах мне судить сложно». Этим он снова дал мне необъективную отрицательную оценку, более того, умышленно исказил ради этого факты. В действительности, с момента прибытия на работу 11.01.05 г. в моем производстве было 7 дел, 2 из которых было направлено с обвинительным заключением в суд, также я провел 4 проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, исполнил 1 отдельное поручение в порядке ст. 152 УПК РФ, провел ряд следственных действий в составе следственной группы. Обвинительные заключения по направленным в суд делам подписывал заместитель прокурора Канавинского района Березин Н.Е., который и непосредственно осуществлял надзор за качеством расследования. Березин Н.Е. качество моей работы оценивал положительно, не имел ко мне никаких замечаний, о чем он докладывал и прокурору Андропову Ю.И., однако последний положительные результаты моей работы проигнорировал и с целью создать обо мне негативное впечатление отозвался о результатах моей работы отрицательно, что фактически не соответствовало действительности.

Далее прокурор Андропов Ю.И. перешел к описанию совершенного мною проступка, и сообщил: «Ко мне пришел мой помощник Сероглазов и *со слезами на глазах* рассказал мне, что на него *напал* Поднебесный, нецензурно его оскорбил. Я вызвал Поднебесного, попросил его извиниться перед Сероглазовым. Однако Поднебесный повел себя высокомерно, извиняться отказался. Если бы он с Сероглазовым пришел ко мне на следующий день, и они пожали бы друг другу руки, то я и представление не стал бы направлять, но Поднебесный этого не сделал. Затем мне позвонили из отдела аналитики РУВД и сообщили, что и там Поднебесный что-то натворил, кому то нагрубил». На это прокурор Нижегородской области Демидов В.В. спросил Андропова Ю.И.: «Тебе такой сотрудник нужен?» Андропов Ю.И. ответил, сделав категорический жест рукой: «Нет, мне такой не нужен. Я хочу, чтобы в прокуратуре Канавинского района его не было», на этом он завершил свое выступление. В вышеприведенной части своего сообщения прокурор Андропов опять сообщил ложные сведения. Он действительно вызвал меня и предложил извиниться перед Сероглазовым К.О., что я незамедлительно сделал. Однако придти на следующий день к прокурору и сообщить о примирении я не смог, так как, во-первых, мне не пришло в голову, что это следует сделать, а во-вторых, я не смог бы это сделать физически, так как в пятницу 21 января я как участник следственной группы под руководством следователя Куфлина по его поручению осуществлял выезд на место происшествия в поселок Сортировочный для проведения проверки показаний подозреваемого на месте, а затем в ИВС Канавинского РУВД проводил следственный эксперимент с другим подозреваемым, и в прокуратуру Канавинского района прибыл только по окончании рабочего дня, когда прокурора Андропова уже не было на работе. Таким образом, весь день я был занят работой, провел два сложных следственных действия со значительным числом участников, при этом никаких негативных последствий инцидента с Сероглазовым К.О. не проявлялось, как мне, так и остальным сотрудникам прокуратуры этот инцидент представлялся крайне малозначительным, *ни один сотрудник прокуратуры не придавал этому инциденту сколь-нибудь существенного значения*. Однако в понедельник утром на оперативном совещании прокурор Андропов заявил: «следователем Поднебесным был совершен ужасный, мерзкий проступок. Я направляю представление прокурору Нижегородской области». После оперативного совещания я поднялся вместе с Сероглазовым к прокурору Андропову и Сероглазов подтвердил, что я перед ним извинился. Таким образом, Андропову стало известно, что я перед Сероглазовым извинился и мы примирились, т.е., что я выполнил указание

Андропова. Однако на коллегии прокуратуры прокурор Андропов неожиданно утверждает, что я перед Сероглазовым не извинялся, «повел себя высокомерно» и т.п., то есть умышленно сообщает заведомо ложные сведения с целью создать обо мне негативное впечатление и обеспечить мое увольнение.

Также прокурор Андропов сообщил о, якобы, имевшем место некоем инциденте в отделе аналитики Канавинского РУВД, когда я совершил некие действия и оскорбил кого-то, однако в чем содержание этого инцидента, когда и при каких обстоятельствах он произошел, Андропов не сообщил, давая, однако, интонацией понять, что факт, якобы, действительно имел место и моя роль в нем была крайне отрицательной. При этом прокурор Андропов даже не сообщил фамилий тех, кого я, якобы, оскорбил. Неужели прокурор не знает, что если свидетель не может назвать источник своей осведомленности, то сообщенные им сведения не могут рассматриваться в качестве доказательства. Очевидно, что Андропов сообщил об этом, якобы, имевшем место инциденте с целью усилить негативное отношение ко мне и обосновать свою необъективную позицию о моем увольнении. Действительно, в отделе аналитики Канавинского РУВД имел место инцидент, о котором упоминает прокурор, однако с моей стороны не было допущено никаких порочащих меня действий. Я рассказывал о нем выше: я пришел в отдел аналитики и увидел девочку лет 15-ти, занимающуюся работой со статистическими карточками, по поводу чего я и сделал замечание сотруднице этого отдела. Никаких оскорблений я ни в чей адрес не выражал, никакого порочащего меня поступка не допустил. По-видимому, эта сотрудница позвонила прокурору Андропову и сообщила ему ложные сведения с целью самой «подстраховаться», так как я сделал ей замечание о том, что к ведению статистической отчетности допущен посторонний человек, причем на вид несовершеннолетний.

За день или за два до коллегии я узнал, что Андропов доложил начальнику ОК Торопову, что я «устроил скандал» с сотрудниками милиции. Сопоставив слова Торопова и рассказы других сотрудников, я узнал, что оказывается, прокурор Андропов вызвал к себе сотрудников милиции, с которыми я накануне ездил на проведение следственного эксперимента и проверки показаний в дом на месте убийства и стал расспрашивать их о том, как я работал. Все они охарактеризовали меня исключительно с положительной стороны. Однако Андропов позвонил Торопову и сообщил ему *абсолютную, заведомую ложь* о том, будто я также как и Сероглазова до этого, «нецензурно оскорблял все участников следственного эксперимента!» Я решил действовать официально, и опровергнуть эту *гнусную ложь* из лживых уст прокурора письменными доказательствами. Те, кто участвовал в том следственном эксперименте, и понятые, и адвокаты, и сотрудники милиции все согласились дать мне письменные объяснения, подтверждающие, что я действовал исключительно вежливо, корректно, юридически грамотно. Я представил письменные опровержения слов Андропова Торопову. После этого об этом эпизоде Торопов больше не упоминал. Он был просто посрамлен.

Вся речь Андропова на коллегии, его попытки сфальсифицировать другие обвинения против меня, однозначно подтверждают, что прокурор Канавинского района использовал представившийся повод, чтобы избавиться от меня, как от неудобного сотрудника, отличающегося честностью, принципиальностью и неподкупностью. Прокурор Андропов допускал систематические и масштабные нарушения статистической отчетности с целью представить работу районной прокуратуры в выгодном свете перед вышестоящими инстанциями, добиться в результате этого поощрений и избежать дисциплинарных наказаний за низкие показатели и волокиту в работе, о чем мне стало известно из личного опыта. Сам прокурор Андропов и его заместитель Березин предъявляли к сотрудникам требования составлять заведомо

ложные документы статистического учета, в частности, карточки о направлении уголовных дел в суд, в то время, как эти дела в суд реально не направлялись. Фактически прокурор Андропов и его заместитель Березин принуждали сотрудников прокуратуры к совершению преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ – «служебный подлог», то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений из корыстной или иной личной заинтересованности, и следовательно, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, являлись исполнителями этого преступления.

Теперь мне небезосновательно представляется, что отрицательное отношение ко мне и желание уволить меня сформировалось у Андропова не без влияния бывшего начальника отдела кадров прокуратуры Нижегородской области Лазарева В.Л., который на момент описываемых событий работал в должности начальника Службы судебных приставов Канавинского района и знал о моем переводе в Канавинскую прокуратуру. Лазарев испытывал ко мне неприязненные чувства, о чем я упоминал выше, первоначально способствовал созданию предвзятого ко мне отношения у прокурора Шахунского района Фуреева В.П. Однако Фуреев В.П., после негативных отзывов Лазарева обо мне, подвергнул мою работу жесткому контролю и не нашел в моей работе никаких недочетов. В.Л. Лазарев, который ранее при приеме на работу на мою просьбу выдать мне удостоверение ответил мне отказом и кроме того в циничной форме сообщил мне, что прокуратура является «не работо - , а рабАтодателем, и принимает на работу не работников, а рабов», видимо, расценил мой отказ проследовать к месту работы за свой счет как оскорбление в свой адрес. Теперь же, поддерживая с прокурором Андроповым Ю.И. как дружеские, так и рабочие отношения, Лазарев В.Л., как я полагаю, посоветовал Андропову попросту избавиться от меня.

Далее выступил заместитель прокурора Нижегородской области Белов С.Д.: «у меня сложилось двойственное впечатление о Поднебесном. С одной стороны, он проявил хорошую подготовку. С другой стороны, я поговорил с теми, с кем он так или иначе соприкасался, и все о нем отзываются, как о человеке, который постоянно вступает в конфликты. С самого начала он вступил в конфликт с начальником отдела кадров Лазаревым. Когда его приняли на работу, он сказал: «Давайте мне подъемные и т.д.», ему, естественно, ответили, что, ты, мол, сперва поработай. Затем, когда он был на сборах в Мулино, то постоянно вокруг него происходили какие-то мелкие ссоры, конфликты. Потом, Арефьев, прокурор-криминалист, который с ним раньше работал, говорил о нем начальнику отдела криминалистики Иванову, что Поднебесного надо опасаться, доверять ему нельзя, предостерегал Иванова. В характере Поднебесного есть что-то даже маниакальное. Таким образом, я считаю, что Поднебесный своим поведением позорит нашу контору. Поэтому считаю заключение отдела кадров правильным». В действительности практически все сообщенные Беловым сведения, в которых имеется негативная оценка в отношении меня, не соответствуют действительности, источник этих сведений Белов либо не указывает, либо указывает на Арефьева, который, испытывая ко мне ложное чувство личной неприязни, меня неоднократно оговаривал раньше, и здесь также сообщил обо мне свое субъективное мнение, не основанное на действительных обстоятельствах.

Так, С.Д. Белов указывает на имевший место инцидент с бывшим начальником отдела кадров Лазаревым, однако почему-то называет этот инцидент конфликтом, при этом неверно указывает причину этого инцидента, а именно, что я, якобы, требовал выплатить мне «подъемные» при переезде. Даже если это действительно было бы так, то в этом требовании, как представляется, не содержится ничего, что могло бы быть расценено как конфликт, требование это обоснованное, Трудовым кодексом

предусмотрены определенные гарантии при переезде на работу в другую местность. Почему же прокурор, призванный стоять на страже закона, рассматривает законные требования своих сотрудников как разжигание конфликта с их стороны? В действительности же я не требовал никаких «подъемных», вероятно, так прокомментировал тот инцидент сам В.Л. Лазарев, сообщив обо мне заведомо ложные сведения с целью оправдать свое собственное циничное и безнравственное поведение по отношению ко мне, когда он в циничной форме заявил мне, что прокуратура принимает на работу не работников, а рабов. В этом и заключался весь имевший место «инцидент». Никаких действий, каким-либо образом порочивших бы меня я не совершал, наоборот мое поведение было правомерным и морально оправданным, а сам Лазарев В.Л. повел себя по отношению ко мне неоправданно цинично и оскорбительно.

Далее, относительно моего участия в проводившемся прокуратурой пятидневном семинаре в воинской части «Мулино». Полностью ложным, голословным является утверждение С.Д.Белова о том, что я там вступал в какие-то конфликты, либо вокруг меня происходили какие-то мелкие ссоры и т.п. Информацию о пребывании в Мулино можно было получить от сотрудников, которые теперь работают либо в прокуратуре Нижегородской области, либо в районных прокуратурах Н.Новгорода. Из работающих в прокуратуре Нижегородской области мне лично знакомы два молодых сотрудника – оба следователи по ОВД. С одним из тех двух следователей у меня в Мулино сложились как раз хорошие, приятельские отношения. Почти сразу после увольнения я случайно его встретил, и он был крайне удивлен тем, что я был уволен; он имел обо мне хорошее мнение. Однако С.Д. Белов, утверждающий, что поговорил со всеми, с кем я общался в Мулино, видимо не говорил с этим сотрудником, иначе невозможно было бы сообщить такие не соответствующие действительности сведения, будто бы я с кем-то конфликтовал. Также в Мулино был мой бывший сокурсник по юридическому факультету Глызин. Еще во время обучения в университете этот молодой человек проявлял крайне высокие амбиции, затем пытался создать впечатление, будто его интересует научная деятельность. Я в то время тоже начал увлекаться научной деятельностью, и мы несколько раз участвовали в различных научно-практических конференциях. Видя, что преподаватели отдают явное предпочтение моей научной работе, а не его, он уже тогда стал испытывать ко мне чувство зависти, в разговорах с другими однокурсниками насмешливо отзывался обо мне. Другие мои знакомые однокурсники, теперь также работающие в органах прокуратуры, отзывались о Глызине как о хвастливом, ненадежном и вместе с тем высокоамбициозном человеке. После непродолжительного периода работы в районной прокуратуре он был переведен на должность следователя по ОВД в прокуратуру Нижегородской области, причем не столько благодаря своим достижениям в работе, сколько сложившимся дружеским отношениям с прокурорами отдела криминалистики. При случайных встречах со мной после такого повышения Глызин стал высокомерен, разговаривал презрительно и свысока. Учитывая черты характера Глызина и его отношение ко мне, представляется, что именно он мог быть источником недобросовестных сведений обо мне относительно периода пребывания в Мулино.

Белов в своем выступлении сослался на прокурора-криминалиста Арефьева, который отрицательно меня охарактеризовал начальнику отдела криминалистики Г.Н.Иванову, однако мнение Арефьева не может быть объективным, так как Арефьев испытывает ко мне чувство личной неприязни, которое сложилось у него в результате моих исключительно правомерных и морально обоснованных замечаний Арефьеву в связи с его противоправным и аморальным поведением. Выше я указывал, что Арефьев давал мне советы сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, на что я ответил категорическим отказом, чем и вызвал его неприязненные чувства по

отношению ко мне. Также мне не раз приходилось быть свидетелем аморального поведения Арефьева в Шахунье, в связи с чем я ему также делал замечания. Однако никаких правомерных либо морально обоснованных оснований для того, чтобы давать мне отрицательную характеристику у Арефьева в действительности не имеется. Характеризуя меня отрицательно перед начальником отдела криминалистики, а также перед другими сотрудниками прокуратуры области Арефьев тем самым мстил мне за мои правомерные замечания, пытался очернить меня с той целью, чтобы я сам не мог предать гласности его противоправное и аморальное поведение.

В результате, своим выступлением С.Д. Белов создал прочное негативное отношение ко мне у участников коллегии, представил меня в исключительно отрицательном свете, что сыграло решающую роль при принятии решения о моем увольнении. При этом сведения, порочащие меня, не соответствовали действительности, были получены от лиц, испытывающих ко мне ложное чувство личной неприязни и лично заинтересованных в моем увольнении.

Затем выступил заместитель прокурора Нижегородской области Стравинскас В.В., который в продолжение негативного тона доклада С.Д. Белова заявил: «А к тому же Поднебесный еще и лживый. Тогда летом только он совершил проступок, как сразу у него появился какой-то больничный – полубольничный. А еще, как мне тут сказали, он называл эту нашу коллегию судилищем. Поэтому я тоже считаю заключение отдела кадров о его увольнении правильным».

Летом 2004 года В.В. Стравинскас исполнял обязанности прокурора Нижегородской области, и решение о привлечении меня к дисциплинарной ответственности за снятие лампы принималось им. Теперь же он публично оскорбил меня, назвав лжецом, и заявив, что больничный лист, представленный мною в прокуратуру был сфальсифицированным, а в действительности я болен не был. Стравинскас В.В. заведомо осознавал ложность сообщаемых им сведений, так как больничный лист, представленный мной в августе 2004 года, был признан подлинным и отделом кадров и бухгалтерией прокуратуры Нижегородской области, в бухгалтерии мне по нему была начислена зарплата. Указанное высказывание Стравинскаса прямо не относилось к обсуждаемому вопросу, и очевидно было сделано им с целью опорочить меня перед участниками коллегии и таким образом, повлиять на принятие решения о моем увольнении. Полученное в тот период заболевание не вылечено до сих пор, а В.В. Стравинскас утверждает, что в тот период я симулировал болезнь с целью уйти от дисциплинарной ответственности. На каком основании им сделано такое заключение? Такой же безосновательный характер носит сделанное им сообщение, в котором он передал, очевидно, какую-то сплетню, приписываемую мне, о моем высказывании, что я назвал коллегию «судилищем» (в итоге выяснилось, что это моя мама в то утро позвонила начальнику отдела кадров и сказала, что хотела бы тоже поприсутствовать на судилище, где будут судить ее сына).

После этого выступить более никто не пожелал, и слово было предоставлено мне. Однако я успел сообщить только о том, что мое заболевание, по поводу которого я представил летом 2004 года больничный лист, не излечено до сих пор. Далее мне не позволил выступить прокурор Нижегородской области В.В. Демидов. Он приказал мне сесть, а затем, вспомнив, что С.Д. Белов упоминал, что ранее я работал дворником, сказал, что у меня «менталитет дворника». После этого Демидов приказал мне выйти из зала. Таким образом, заслушан я не был, никаких объяснений прокурор области Демидов дать мне не позволил, решение о моем увольнении было принято при моем отсутствии, очевидно, оно было принято еще до этой коллегии.

Worm Your Honor

I'll sentence you
To be exposed
Before your peals
Tear down the wall
Pink Floyd. The Wall

Да, много беззакония пришлось претерпеть России: прокурор Вышинский оправдывал сталинские репрессии, прокурор СССР Андропов добился высылки с родины Солженицына и ссылки Сахарова, по телевидению показывали даже некоего «человека, похожего на генерального прокурора Скуратова»..., однако все они сохранили свои должности, никто не был уволен за совершение порочащих проступков. Но теперь, теперь!... Следователь снял лампу, показал кулак соседу по кабинету! Этого прокуратура, конечно, не могла пережить, таким злодеянием она была бы опорочена безвозвратно, и этот следователь, безусловно, должен был быть уволен. Несоответствие примененного наказания совершенному «проступку» казалось мне очевидным для всех, поэтому я возлагал надежды на суд, куда я обратился с жалобой на незаконное увольнение. Однако мне пришлось убедиться в том, что, как и в сталинские, в советские времена суд глух к голосу правды и является всего лишь бюрократической инстанцией для подтверждения незаконных решений прокуратуры.

О том, что в суде своими жалобами я ничего не добьюсь, меня цинично предупреждали в прокуратуре еще перед увольнением, прокурорские начальники и в Канавинской и в областной прокуратуре говорили мне, что все, к кому бы я ни обратился, будут молчать, делать вид, что ничего не произошло, ни один свидетель не скажет правду и не выступит в мою поддержку. Так будет, потому что все боятся, смертельно боятся, всех парализует страх самим потерять работу и умереть от голода в канаве... Этот страх распространился в нашем обществе и парализовал волю людей.

Сотрудники прокуратуры участвовавшие в судебном разбирательстве на стороне прокуратуры даже не пытались сделать вид, будто не знают, каков будет исход судебного разбирательства. Они приходили к делу неподготовленными, материалов проверки и моих жалоб не читали, они знали лишь инструкции руководства о том, что это «Поднебесный», и что «его нужно было уволить». Дело судья рассматривала в течение восьми месяцев, за это время роль прокурора в судебном заседании, кроме представлявшей областную прокуратуру прокурора отдела кадров Е.Ю.Майоровой, играли друг за другом трое различных сотрудника, и каждый из них, когда начинал участвовать в заседании придя на смену своему коллеге, заново демонстрировал свое полное незнание ситуации, задавал вопросы, на которые я уже отвечал ранее.

Сама судья М.И.Старыгина почти не скрывала свою заинтересованность в деле. По ходу заседания она неоднократно высказывалась о том, что сама ранее работала в прокуратуре Борского района, благодарна прокуратуре за предоставленную возможность стать судьей, и считает, что мне нужно было не «возникать», а «утереться» и молчать в вышеописанных ситуациях. При этом совершенно никакой официальной оценки судья не дала моим показаниям о массовой фальсификации в прокуратуре статистической отчетности, применении пыток к подсудимым и фальсификации доказательств по уголовным делам. Судья попросту проигнорировала это. Когда я давал показания в судебном заседании о беззаконии и произволе, свидетелем которых я был в прокуратуре, то судья отводила глаза и делала вид, что перебирает бумаги у себя на столе: «Это не относится к существу иска», - говорила она, а представители прокуратуры строили на лице презрительно-ироничную мину...

Ежедневно мы слышим, что то тут, то там рабочие проводят голодовки, не получая зарплаты, медики госпитализируют не выдержавших пытки голодом. А

прокурорские сотрудники в это время сыты и зарплату получили вовремя. Вот, помощник прокурора, исполняет в судебном заседании по моему делу роль «прокурора», «надзирающего за законностью», откормленный молоденький мальчик, целый день он, зевая и скучая, просидел в судебном кабинете, не сказав, кроме общих фраз, почти ни одного слова ни мне, ни судье. Просидев на суде со скучающим видом весь рабочий день, после окончания заседания отвез на личной машине свою начальницу из отдела кадров Майорову в областную прокуратуру. Вот так, рабочий день прошел, можно отдохнуть, сказать дома с ухмылкой: «Сегодня судили этого Поднебесного...». За этот «рабочий день» государство из собранных с народа денег заплатило ему 500 рублей, и заплатит еще больше за точно такой же и завтра, и всегда... Вспоминается высказывание Арефьева о том, что он считал самым трудным в своей новой работе в областной прокуратуре: «такая длинная очередь в кассу за зарплатой, минут двадцать ждать приходится!»

Однако истинная картина происшедшего все же могла быть увидена сквозь вынужденно ложные показания прокурорских сотрудников, вызванных прокуратурой в качестве своих свидетелей. В ходе судебного разбирательства было установлено, что имевший место мой конфликт с пом.прокурора Сероглазовым был малозначительным, никакого вреда им причинено не было. Так, сам Сероглазов, свидетели прокуратуры помощники прокурора Кузнецов, Ломакина, зам.прокурора Березин подтвердили, что конфликт был полностью исчерпан в течение того же дня, через 20 минут после его начала во время обеденного перерыва он был уже прекращен, никаких негативных последствий дезорганизационного характера для работы Канавинской прокуратуры либо ее конкретных сотрудников не имел. Сероглазов в своем рапорте на имя прокурора Канавинского района просил лишь пересадить меня в кабинет Кузнецова, а самого Кузнецова, давнего друга Сероглазова, пересадить в кабинет к Сероглазову. Как показала Ломакина, конфликт потух всего лишь за время, понадобившееся ей, чтобы сходить в другой кабинет и откопировать документ, то есть в течение максимум 20 минут. Также установлено, что перед Сероглазовым я извинился, никакого вреда ему не причинил.

Таким образом, в суде не получили подтверждения утверждения прокурора Андропова о том, что я своей ссорой с Сероглазовым «вывел из рабочего состояния коллектив Канавинской прокуратуры». Даже сам «потерпевший» Сероглазов не заявил, что в результате ссоры со мной была сорвана либо дезорганизована его работа. Инцидент совершенно не отразился на работе других сотрудников прокуратуры, что также подтвердили те же свидетели прокуратуры.

При этом не было учтено, вернее скрыто прокуратурой, что, оказывается, в отношении самого Сероглазова на момент конфликта со мной проводилась служебная проверка в связи с совершенным им прогулом. В течение двух рабочих дней он не появлялся на работе, будучи пьян. Почти сразу, после написания им рапорта о якобы произошедшем по моей вине серьезном конфликте, проверка в отношении него была прекращена, и вместо увольнения ему был лишь объявлен выговор. Эти обстоятельства подтверждают то, что конфликт был спровоцирован по указанию либо прокурора Андропова, либо более высокого руководства единственно с целью использовать его как повод для моего увольнения. Сероглазовым манипулировали и в награду за содействие не стали к нему самому применять увольнение. Сам Сероглазов работой в прокуратуре не дорожил, и вскоре уволился по собственному желанию, поэтому ему было не понять, как дорога для меня была эта работа.

Доводы прокуратуры о том, что я выражался нецензурной бранью, в том числе и при посторонних гражданах, не получили объективного подтверждения в суде. Гражданка, находившаяся, якобы на приеме у пом.прокурора Ломакиной во время

конфликта, и на которую ссылалась прокуратура при моем увольнении, не установлена, сама Ломакина не смогла внятно показать, что это была за гражданка. Доводы прокурора Андропова и других свидетелей о том, что в момент конфликта в коридоре прокуратуры находились иные посторонние граждане, которые якобы могли слышать, как я нецензурно ругался (и таким образом опорочил честь прокуратуры), являются предположительными, а точнее ложными и надуманными. Сами свидетели Ломакина, Сероглазов, Березин, Кузнецов, показали, что не видели посторонних граждан, но они, якобы, «могли быть». Свидетель Лабанок еще во время конфликта заявил мне, что он является хорошим другом прокурора Андропова, и что он благодаря этой дружбе добьется моего увольнения из органов прокуратуры. Свидетель Лабанок подтвердил эти свои слова и в суде. Более того, Лабанок показал в суде, что прокуратурой Канавинского района проводились в отношении него как начальника одного из подразделений КМ Канавинского РУВД многочисленные проверки в связи с нарушением им закона и превышением должностных полномочий, Лабанок даже признался, что действительно, превысил полномочия по одному делу, и прокуратурой решался вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении него, зато, как он выразился, «теперь вор сидит в тюрьме». Лабанок признал, что прокурором Андроповым все указанные проверки были прекращены. Учитывая предыдущее его признание о том, что с прокурором Андроповым они хорошие друзья, обоснованным является вывод о том, что Лабанок в ходе спровоцированного Сероглазовым конфликта выполнял заказ прокурора Андропова и показания Лабанка, если ли бы дело рассматривалось справедливым судом, должны были бы быть исключены из числа доказательств как заведомо ложные.

Мои доводы о допущенных прокурором Андроповым и его заместителем Березиным нарушениях закона получили подтверждение в ходе проверки Генеральной прокуратуры РФ по моей жалобе, однако, учитывая корпоративные интересы, Генпрокуратура официально подтвердила лишь факты нарушения отчетной дисциплины и указанные должностные лица были привлечены лишь к дисциплинарной ответственности. Однако даже этот факт в ходе судебного разбирательства в Советском районном суде от суда скрывался, прокурор Андропов утверждал, что все мои обвинения мною, якобы, вымышлены. Эту же точку зрения исходя из чувства корпоративности, а также опасаясь возможного увольнения за неподчинение корпоративным нормам, вынуждены были поддержать и остальные сотрудники прокуратуры, проходившие по гражданском делу в качестве свидетелей. О результатах проверки Генпрокуратуры я сам узнал уже после суда из отписки, присланной мне по почте.

То, что я открыто указывал на нарушения законности и, в частности, отчетной дисциплины прокурором Андроповым и другими руководителями и сотрудниками прокуратуры, было одним из основных мотивов моего увольнения. Прокурор Андропов, преследуя меня за критику и принципиальность, ложно изобразил произошедший конфликт как существенное нарушение дисциплины, как, якобы, административное правонарушение, а остальные сотрудники Канавинской прокуратуры были вынуждены ему подчиниться, опасаясь собственного наказания за неподчинение.

Прокурор Андропов не смог обосновать и свое утверждение о том, что повод возникшей у меня с Сероглазовым ссоры был незначительным. Стоимость принадлежащего мне компьютера либо его починки в случае поломки крайне высока, и вместе с тем из показаний прокурорских свидетелей было установлено, что никакой компенсации за использование личных компьютеров и за ремонт в случае их поломки в Канавинской прокуратуре не производится.

Также прокурор Андропов бездоказательно и необоснованно и на прокурорской коллегии и в суде негативно оценивал мои профессиональные способности и психологические качества, заявил, что не доверил бы мне ни одного серьезного дела, однако не привел никаких доказательств ненадлежащего исполнения мной моих служебных обязанностей. Наоборот, непосредственно контролировавший мою работу зам прокурора Березин не указал ни на один недостаток в моей работе, а прокурор Фуреев, в подчинении у которого я проработал почти все время, оценил мою работу положительно. Выступавшая против меня в суде прокурор отдела кадров Майорова даже попала впросак, когда прокурор Фуреев опроверг ее лживый довод о том, что я, якобы, был недоволен тем, что меня самого критиковали. На это прокурор Фуреев ответил, что я всегда положительно относился к критике и исправлял недостатки в работе, на которые мне указывали.

В суде прокурор Андропов рассказал уже новую версию того, как он узнал о моем конфликте с Сероглазовым. Напустив на себя важный вид он заявил, что «как сейчас ясно помнит, как *утром* к нему явился Сероглазов», и сообщил об инциденте. Однако в действительности, что подтвердили сам Сероглазов и иные свидетели, Сероглазов явился с рапортом к Андропову сразу же после ссоры со мной, то есть после 14 часов. Данное заявление еще раз подтверждает, во-первых, неискренность прокурора Андропова в своих показаниях суду, а во-вторых, то, что этот инцидент был спланирован им самим и для него не важно было, когда именно эта провокация была осуществлена. Его историю он знал сам, так как сам его и придумал. На мои вопросы по этому и по другим вопросам прокурор Андропов попросту отказался отвечать в суде, цинично заявив мне и суду: «А почему это я должен этому Поднебесному отвечать?!?».

Почему же при всех этих обстоятельствах, вызывающих сомнение в правдивости слов Андропова, судом его объяснения не были подвергнуты сомнению? Или «важный вид и высокое положение» заставляют верить его словам? Как сказал по этому поводу философ: «Никому и в голову не придет, что у человека, столь уважаемого и почитаемого нет за душой ничего, кроме этого уважения толпы, и что человек, которому поручается столько дел и должностей, такой высокомерный и надменный, не более искусен, чем другой, издали низко кланяющийся ему и ничьим доверием не облаченный».

Инцидент, спровоцированный в прокуратуре Кагавинского района, и послуживший основанием моего увольнения, был логическим продолжением кампании травли, проводившейся против меня в прокуратуре Шахунского района. История с выговором за лампу также рассматривалась в суде, и здесь также многие сфабрикованные против меня доказательства не получили подтверждения. В судебном заседании свидетели данного инцидента сотрудники Шахунской прокуратуры Толстогузов В.А., Шибарева Т.Я., а также Смирнова С.Н. (рассматривались ее письменные объяснения) показали, что Арефьев при инциденте *не присутствовал* (сам он утверждал, что присутствовал и, якобы, «делал мне замечания», на которые я и в его адрес ответил нецензурно), посторонних граждан при этом инциденте в прокуратуре не было (Арефьев утверждал, что в помещении прокуратуры находились «многочисленные посетители», которые слышали мою «нецензурную брань» и «смеялись над происходящим»). Свидетели опровергли заявление Арефьева о том, что я, якобы, нецензурно ответил ему и сказал: «выметаешься из здания».

Свидетели также не подтвердили, что я угрожал кому-либо при случившемся инциденте. Шибарева пояснила, что боялась того, что я могу упасть на нее с лестницы, когда я забрался на лестницу в канцелярии, чтобы снять светильник. Из письменных объяснений Смирновой следует, что во время инцидента я «угрожал написать заявление

в СЭС». Угроза правомерным действием, а именно подать заявление в санитарно-эпидемиологическую службу на несоответствие условий работы санитарным условиям, не может квалифицироваться как противоправная угроза. Таким образом, были опровергнуты доводы прокуратуры о том, что я сопровождал свои действия «угрозами в адрес сотрудников прокуратуры».

Те же свидетели показали, что я допускал «грубые выражения», но произносил их тихо, бормотал себе под нос, как выразились свидетели, при этом основным содержанием моих высказываний было то, что «одни тут жируют, а я вынужден сидеть в кабинете без света», то есть нецензурных выражений в моих высказываниях не было. Более того, в своих письменных объяснениях свидетель Смирнова вообще не указывает, что во время инцидента я выражался нецензурной бранью, она лишь приводит общие рассуждения о том, что я, якобы, когда-то ранее позволял себе нецензурные выражения. Толстогузов и Шибарева также сообщили, что нецензурные выражения, которые я, якобы, использовал при инциденте, я произносил безотносительно к кому-либо, «бормотал в разговоре про себя, сам с собой». Даже если согласиться с утверждениями этих свидетелей, то нельзя в данном случае сделать вывод о том, что таким поведением я допустил нарушение общепринятых норм нравственности и правил поведения, нарушил Конституцию РФ и федеральные законы.

Судом были просто проигнорированы данные показания свидетелей, опровергающие заведомо ложные показания Арефьева, и была принята версия Арефьева, которую поддерживала представляющая прокуратуру прокурор отдела кадров Майорова, выражавшая волю руководства прокуратуры. Более того, суд истолковал показания свидетелей в прямо противоположном смысле, выгодном для оправдания примененного взыскания задним числом. Так, свидетель Шибарева показала, что, когда я залез на стремянку, чтобы снять лампу, она испугалась, что я могу упасть со стремянки прямо на нее и поэтому встала из-за стола и вышла из кабинета. Суд же в своем постановлении указал, что Шибарева и Толстогузов были напуганы такими моими действиями, как, якобы, «громкие крики, нецензурная ругань». Заказной характер суда на этом стал очевиден.

Исследованная в суде обстановка моей жизни и работы в Шахунье свидетельствовала о существенном нарушении моих прав самой прокуратурой, хотя бы в части предоставления жилья на основании Закона о прокуратуре. Только после моего увольнения и подачи мною иска в суд прокуратура стала выплачивать сотрудникам, не имеющим места жительства, компенсацию за найм жилья в Шахунье. В суде было установлено, что в течение продолжительного времени по вине администрации прокуратуры Шахунского района я был вынужден работать в кабинете без верхнего освещения, что не соответствует санитарным нормам и правилам. Также я был вынужден проживать в служебном кабинете, не имея постоянного места жительства в Шахунье. Суд же на это цинично указал в своем решении, что моя мать, инвалид первой группы, приезжала ко мне в Шахунью, «привозя продукты питания и помогая в быту», а я, при этом, не исполнял свою обязанность осуществлять уход за ней. То есть не прокуратуре было поставлено в вину то, что я не имел места жительства в Шахунье, и что они лишили меня возможности осуществлять уход за матерью, отправив на край Нижегородской области, а мне. Получается, мне и не нужна была квартира, поскольку мне мама возила продукты! Действительно, один раз в месяц моя мама приезжала проведать меня и привозила мне немного пирожков и салата, поскольку, не имея места жительства в Шахунье, я не имел и возможности готовить себе еду, «помощь же в быту» выражалась в том, что когда я сильно заболел и из-за сильной температуры не мог встать даже с кровати, никто из сотрудников Шахунской прокуратуры даже не обеспокоился моим положением, а Арефьев, приехав сам на

служебном автомобиле, заставил меня пешком, с сорокоградусной температурой добираться до работы и передавать ему дела. Моя мать видела, что в Шахунье я поставлен на грань выживания полным попустительством со стороны администрации прокуратуры, и, преодолевая собственную болезнь, с риском для собственной жизни приезжала ко мне за триста километров, чтобы помочь мне.

Первое взыскание явилось актом мести, преследования за критику, в частности незаконных методов ведения следствия Арефьевым. Воспользовавшись удобным случаем, Арефьев сделал заведомо ложное заявление о том, что я, якобы совершил дисциплинарный проступок, «громко выражался грубой нецензурной бранью» в помещении прокуратуры, и добился привлечения меня к дисциплинарной ответственности. Судом же полностью были проигнорированы данные обстоятельства. Суд не позволил мне задать Арефьеву вопросы, касающиеся возникновения и развития неприязненных отношений между ним и мной, просто указав, что это «не относится к существу иска».

Зная, на чьей стороне суд, прокуратурой, а именно прокурором отдела кадров Майоровой, был представлен суду *подложный документ*, сфабрикованный с целью скрыть допущенное нарушение порядка увольнения прокурорских сотрудников, установленного Правилами внутреннего распорядка прокуратуры. Так, в соответствии с Правилами, я должен был бы быть ознакомлен с заключением служебной проверки до принятия решения прокурором о применении дисциплинарного взыскания, что сделано не было. Вместо этого, когда нарушение в суде выяснилось, Е.Ю.Майорова представила суду некий «Акт», в котором трое сотрудников Канавинской прокуратуры клятвенно заверяли, что были свидетелями того, как 14.02.05 от Майоровой в Канавинскую прокуратуру поступила телефонограмма, которой я вызывался для ознакомления с заключением служебной проверки, однако я явиться для ознакомления отказался, расписаться за ознакомление с телефонограммой также отказался.

В «Акте» в числе «свидетелей» названы трое сотрудников прокуратуры, однако в представленной суду копии имелись подписи *только двоих* из них. В «Акте» есть подписи зам.прокурора Канавинского района Березина и пом.прокурора Замятина, подпись также указанной в нем пом.прокурора Жулиной отсутствует. В суде Жулина показала, что вообще не была в курсе о происшедшем. Прокол исправил заместитель Андропова Березин Н.Е., показавший, что он, якобы, включил Жулину в документ «по ошибке». А что? Вполне логично. Видимо, каждый день десятки таких «Актов» печатать приходится. Любому честному человеку было бы очевидно, что указанный «Акт» был сострян в второпях, в расчете на то, что все включенные в него лица согласятся под ним подписаться.

Подложность «Акта» подтверждается и другими доказательствами, например, отсутствием регистрации телефонограммы, передачу ее не через зав.канцелярией, а через самого Березина. В судебном заседании было установлено, в частности из показаний сотрудника Канавинской прокуратуры Хорьковой Н.И., что акт составлен с нарушением общепринятых правил. Телефонограмма от 14.02.05 г., представленная Майоровой суду вместе с «Актом» (от ознакомления с ней я, якобы, отказался, после чего и был, по их версии, составлен «Акт»), не зарегистрирована в Журнале регистрации телефонограмм прокуратуры Канавинского района (Журнал был исследован в суде в подлиннике по моему требованию), что как правило делается, о чем также показала свидетель зав.канцелярией Хорькова. Все иные телефонограммы, приходившие от Майоровой в мой адрес в связи с проводимой ей служебной проверкой были в нем зарегистрированы, это также увидел суд. Однако фиктивная телефонограмма зарегистрирована не была, просто потому, что эту «липу» прокуратура придумала уже после моего увольнения, когда мое дело было уже в суде, и места в

Журнале, куда ее можно было бы вписать задним числом, уже не было. Сама зав.канцелярией Хорькова указанную телефонограмму не принимала и показала, что ничего о ней не знает. По версии прокуратуры телефонограмма неизвестно почему была передана через самого зам.прокурора Березина.

Даже подделку эти циничные люди, будучи профессионально некомпетентными, получившими свои должности по блату, не способны составить как следует, что, впрочем, свидетельствует об их полнейшей уверенности в собственной всесильности и безнаказанности. Они знают, что любая их «липа» пройдет без сучка и задоринки. Для них ничего не значит даже то, что, желая выслужиться перед руководством прокуратуры, заинтересованном в оправдании задним числом моего незаконного увольнения, давая в суде ложные показания, они вместе с Майоровой совершили преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ - фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле. Впрочем, точно также с молчаливого согласия суда прокуратура фальсифицирует доказательства и по уголовным делам.

Никто из них даже вида не подавал, будто понимает, что своей ложью и равнодушием они перечеркивают жизнь человека. Ожидая в коридоре суда начала заседания они демонстрировали счастье, радость и непринужденность. Вот назначенный «прокурором» в судебном заседании молодой мальчик-помощник прокурора, сидя на лавке рядом с Майоровой самодовольно играет в руках дорогим сотовым телефоном и обсуждает с ней предстоящее повышение зарплаты и подсчитывает, сколько ему еще осталось до пенсии. Или вот стоит рядом со своим подельником по «Акту» зам.прокурора Березин, довольная улыбка не сходит с его откормленных щек. Он тоже молод, 28 лет, однако, старше своего подельника помощника прокурора А.Замятина, будущего кандидата юридических наук. Не зная чем развлечься в ожидании начала судебного заседания, он радостно рассказывает Замятину про фильм Альфреда Хичкока: «...Это классическая сцена убийства! Занесенный нож!...» – в голосе его слышались нотки сытого щенячьего восторга. О том, что это он сам занес нож над невинным человеком, который стоит здесь же рядом, ожидая этой расправы, ни он, ни любой другой из них даже не задумывается. Для таких людей убийство это действительно всего лишь «классическая сцена». Никто из них даже вида не подавал, что осознает, как они сейчас уничтожают человека, разрушают человеческую жизнь, человеческую судьбу. Все были счастливы, у всех было приподнятое, радостное настроение. Сытые, счастливые, жестокие и подлые дети.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*...Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!*

*Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!*
М.Ю.Лермонтов. Пророк

...В переулке у выезда на площадь Свободы стояла новая милицейская «Волга». На углу стоял милиционер. Проходя по остановке, я заметил еще двух милиционеров. Перейдя на другую сторону, я встретил третьего. Через дорогу, напротив него стояли еще два милиционера. В парке я ни одного милиционера не встретил, однако на встречу мне попались трое странных молодых мужчин: они шли плечом друг к другу, каждый внимательно смотрел по сторонам, одеты все трое были в одинаковые серые куртки.

На перекрестке у магазина и с противоположной стороны дороги стояло по милиционеру. Обычно игнорирующие сигналы светофора, пешеходы недовольно косились на милиционеров и послушно дожидались зеленого сигнала, хотя машин было на удивление мало. Потом, через несколько часов, я узнал, куда делись машины. Возвращаясь домой, я надолго застрял на переходе через небольшую улицу рядом с домом: узкая проезжая часть, еще более суженная не убиравшимся по бокам снегом, была запружена двумя встречными потоками автомобилей. Такая же картина была и на окрестных улочках. Изгнанные с большой дороги машины были вынуждены пробираться по узким внутриквартальным улицам, в то время, как нужная им дорога была расчищена – и от них самих, и от снега по обочинам, - для какой-то одной, видимо, очень важной машины.

«Только улицы чистят, да милиция стоит...» - услышал я обрывок фразы. Говорила пожилая женщина шедшая впереди меня с молодым парнем, по-видимому, ее внуком. У парня на плече был матерчатый мешок, похожий на рюкзак, с портретом Виктора Цоя и надписью «Кино». Бабушка и внук были очень бедно одеты, пальто старушки и куртка внука вполне могли быть родом еще из той эпохи, что и сам легендарный певец. Однако в отличие от внука бабушка заметила и милиционеров, и показушную чистку центральных улиц, и в голосе ее слышалось недовольство. Внука же это, видимо, не волновало...

На пути до остановки я встретил еще пятерых милиционеров: двое стояли у машины на перекрестке с боковой улицей, по два – с разных концов пешеходного перехода, и один прохаживался по остановке. Троллейбус подошел на удивление быстро: иной раз мне приходилось ждать здесь минут по сорок, теперь же не прошло и пятнадцати. Но внутри троллейбуса как всегда была давка, как обычно, слишком многим людям было не по силам тратить на билет на два рубля больше, чтобы доехать на маршрутке.

Из окна троллейбуса мне было видно, что весь путь по обочине дороги, на каждом перекрестке, во дворах домов, на тротуаре почти через каждые пятьдесят или сто метров стоят по одному или по два милиционера. У окна на задней площадке, рядом со мной стояли две маленькие девчонки, одна постарше, лет 14-ти, другая – лет 10-ти. «Вон, смотри, опять!» – сказала маленькая и показала старшей на милиционера у патрульной машины, стоящей на пересечении дороги с небольшой улицей. «Спорим, сейчас еще один будет?» - сказала она старшей, пока милиционер еще не скрылся из виду. Тем временем троллейбус проехал метров тридцать до пересечения с другой улочкой. Окно, в которое мы смотрели, (а я тоже, в тайне от них, невольно участвовал в их споре, и ожидал, будет ли на этом перекрестке новый милиционер) было грязным снаружи и заледеневшим изнутри, поэтому, когда троллейбус проехал этот новый небольшой перекресток, ни я, ни девчонки милиционера не увидели. «Нет...» – разочарованно протянула младшая. «Нет, есть! Смотри!» - почти в тот же момент воскликнула она и с торжествующей улыбкой показала старшей на двух милиционеров у обочины дороги на перекрестке. Я тоже их увидел. Нам не было их сначала видно из-

за того, что на стекле было большое грязное пятно, которое и скрывало милиционеров, и их стало видно только когда троллейбус проехал немного вперед.

Я погрузился в свои размышления и не обращал больше внимания на девчонок, которым, видимо, наскучило считать милиционеров, но продолжал невольно отмечать, что милиционеров по обочинам меньше не становится. «Ради чего их могли столько выгнать на улицу? Ведь задействовано колоссальное количество милиции, – думал я, – Может, какой-нибудь «план-перехват», ловят кого-нибудь? Нет, скорей всего кто-то из начальства приехал...». На миг мне стало жутко. Я представил, что если так будет каждый день, что если полицейское государство, тотальный контроль и принуждение уже настолько реальны, что этот режим уже не пытается это внешне скрыть?...

Только вечером, уже успев сходить после возвращения домой в магазин, я узнал, что сегодня днем в наш город приезжал Путин.

В магазине (так называемом «социальном») был дикий ажиотаж: за два последних дня цены на сахарный песок торговцы подняли почти в два раза, кроме того, из продажи в некоторых магазинах исчезла соль и там, где она осталась, спекулянты, воспользовавшись ситуацией, взвинтили цену на нее почти в *десять* раз, поэтому соль, как и сахар, лихорадочно раскупали, ожидая еще большего подорожания. Как далеки были эти мелочи от тех грандиозных государственных задач, ради решения которых, видимо, приехал в наш город Президент. Я вспомнил запруженные автомобилями узкие улочки внутри нашего квартала, как, стараясь преодолеть этот небывалый поток автомобилей, я чуть было не угодил под колеса одной из них, и был вынужден прыгнуть в сугроб из грязного снега на обочине, набрав его себе в ботинки. На центральных улицах, куда эти автомобили не пустили, дабы они не мешали один раз проехать Главному Автомобилю, снег был убран со всех обочин.

«Царь русский не может выехать никуда без того, чтобы вокруг него не была цепь явная сотен тысяч солдат, на 50 шагов друг от друга расставленная по дороге, и тайная цепь, следящая за ним повсюду». Это писал Лев Толстой в статье «Николай Палкин» более ста лет назад. «Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время все то же...»

Мне вспомнился эпизод, произошедший в 2000 или 2001 году на Нижегородской Ярмарке. Там тогда была какая-то крупная выставка и на нее также приехал Путин. Так вот одна старушка каким-то образом сумела пробраться через охрану и подошла к самому Путину, когда он осматривал экспонаты на площади, окруженный избранными директорами и начальниками. Старушка бросилась в ноги Путину, встала перед ним на колени, воздела к нему руки и со слезами стала просить, как сказали тогда в «Новостях», о ремонте в ее доме... Старушку от Путина быстро увела охрана, и об инциденте забыли. Сюжет в новостях прошел, но к нему больше никто не возвращался, что стало с той старушкой, никто не знает. Интересно, какова была бы реакция зарубежной прессы, если бы какая-нибудь американка упала на колени перед президентом США? У нас же это было воспринято как вполне ординарное событие: ну бросилась бабушка на колени перед гарантом Конституции, ну и что? Ничего особенного.

Нет нужды говорить, что поступок этой старушки, по рабски бросившейся в ноги царю, есть лишь проявление одной из общих тенденций в массовом сознании россиян. Действительно, многие сейчас не только превратились фактически, но и сами *считают* себя рабами, смирились с этим. Соответственно Путин для них – царь. Барыги или чиновники, командующие ими на работе, для них – бары, господа.

Тенденция эта сильна, но, к счастью, она не единственная. Есть другая точка зрения на жизнь и свое место в ней. Такую точку зрения имеют те, о которых Солженицын писал, что они не преуспевают в жизни, в должностях, в богатстве, но,

имея *душу*, именно они и составляют собой *народ*, оставаясь при этом каждый *человеком*. Большой соблазн поверить в то, что таких совсем мало, что это только изгои, презируемые неудачники; иногда старушки, падающие в ноги, бывают очень убедительны. Но расставленные через каждые пятьдесят метров милиционеры являются неоспоримым доказательством того, что *людей, настоящих* людей в России еще много, и живущие за их счет, паразитирующие на народе, боятся, и очень боятся их, боятся *нас*. Иначе, зачем им выставлять тысячи милиционеров, чтобы лишь один раз проехать на бронированном лимузине по улице?...

...Моя судьба похожа на судьбу Солженицына. Только иронией судьбы можно объяснить то, что человек, добившийся моего увольнения, имел те же имя и фамилию, что и в случае с Солженицыным. Тогда начальник КГБ Юрий Андропов настоял на высылке Солженицына из СССР, моего увольнения добился Юрий Андропов, прокурор Канавинского района Н.Новгорода. Я, как и Солженицын, всего лишь говорил правду вслух, это и было основной причиной ненависти ко мне.

Эдуард Хлысталов нашел в рассекреченных архивах КГБ откровенное циничное признание начальника ГПУ Г.Ягоды: «Кому охота умереть с голоду? Если ГПУ берет человека в оборот ..., как бы он ни сопротивлялся, он все равно в конце концов будет у нас в руках: **уволим с работы, а на другую нигде не примут без секретного согласия наших органов.** И в особенности если у человека есть семья, жена, дети, он вынужден быстро капитулировать»⁹. Сегодня точно также работают российские правоохранительные органы, прокуратура в первую очередь. Именно такую схему они применили ко мне.

Но несмотря на то, что меня выгнали, обвинили меня в нарушении присяги следователя прокуратуры и я больше не следователь, я остаюсь верен данной мною присяге и буду верен ей всегда: «...быть образцом моральной чистоты, честности и неподкупности», поскольку никогда в жизни я не нарушал своих обещаний, чего бы мне это не стоило.

В то время, когда пенсионеров лишили права ездить на общественном транспорте, прокуроры разъезжают на иномарках, стоимостью эквивалентной стоимости нескольких автобусов, хотя за свою реальную работу едва ли заслужили велосипед. Они прикрываются своей отчетностью, липовой потемкинской деревней, выстроенной для вышестоящей инстанции, для оправдания постройки дворца в центре города, в котором, как принц Просперо во время чумы, восседает прокурор области, отгородившись от народа постом милиции на входе.

Прокуратура, как и милиция, да и чиновничество вообще, превратилась в замкнутую самодостаточную систему, работающую лишь ради собственного воспроизводства. Ее бессовестные сотрудники, беззаветно преданные строительству потемкинских деревень мнимого благополучия марафетят проколы друг друга, ревностно оберегая самих себя от ответственности за умышленную халатность, беззаконие и произвол. В случае маломальской угрозы разоблачения они способны на любой подлог, лишь бы скрыть творимый ими беспредел.

Сегодня всем честным людям в России перекрыт кислород. Лицемеры и подхалимы, воры и паразиты, сумевшие присосаться к богатствам России, говорят, что нужно «приспосабливаться». Приспосабливаться к ним. Но на это способны лишь такие же подлецы, как и они сами...

Трудно найти всему описанному мной в этой книге *документальные* подтверждения. Я являюсь *свидетелем*, живым очевидцем того, о чем я написал. Дело в том, что никто, кроме меня не пожелает больше говорить об этом, никто не пожелает пилить сук, на котором сидит, это замкнутая, циничная *система*. Этой системой

⁹ Хлысталов Э.А. 13 уголовных дел Сергея Есенина. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 134.

презюмируется, что *ничто* из сказанного мною негативного в ее адрес *доказано быть не может*. Доказать это в такой системе практически невозможно (за исключением единичных показательных процессов, наподобие «оборотней в погонах»), так как те, кто должен этим заниматься, не заинтересованы в этом. *Верить правде или нет, зависит исключительно от гражданской позиции людей*.

Подлецы добились моего увольнения из прокуратуры, причем теперь я не просто уволен из прокуратуры, мне лишили возможности работать в правоохранительных органах, в сфере юриспруденции вообще. Сотрудница центра занятости, куда я обратился, увидев формулировку основания моего увольнения, с недоумением спросила: «Вы что, убили кого-то?». Основание моего увольнения сформулировано как совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника. С таким основанием увольнения я лишен возможности трудоустройства по своей специальности. Это практически непреодолимое препятствие для трудоустройства и в гражданские органы, как в государственные, так и в частные коммерческие организации. В этом я убедился за полтора года безуспешных поисков новой работы.

Писать – единственное, что мне остается делать. Меня лишили возможности работать, и я поставлен на грань нищеты и выживания. «Самая трудолюбивая часть народа искоренялась...», - писал в конце двадцатых годов Короленко Горькому о чекистских репрессиях, то же самое продолжается и теперь. Но нельзя жить, не работая, кто не работает, тот да не ест. Поэтому моей работой будет писать о том, что мне пришлось пережить, о тех страданиях, лишениях, горе и скорби, что я испытал. Моя история – это история любого честного человека в России.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Эта книга была написана и размещена в интернете в 2005 году. С тех пор многие уже успели ее прочитать. Я благодарю всех моих читателей, которые уже прочитали мою книгу в интернете и написали мне. Ниже я привожу некоторые из писем. Они как нельзя лучше могут стать предисловием к моей книге...

Автор. 2007 г.

***

Уважаемый Алексей!

Ваша автобиографическая повесть - достойный и полезный материал для изучения. К сожалению, то, что происходит в правоохранительных органах (ФСБ, прокуратура, МВД) типично и для других сфер несчастного российского бытия (чиновные структуры во всей вертикали власти, здравоохранение, образование, наука и т.д.). Алексей Казанник, один из немногих порядочных генпрокуроров России, пробыв на этом посту всего несколько месяцев, сказал удивительно точно: "Совесть прокурора в России спит...". Страна разваливается и ничего путного в ней не будет с такими кадрами (чекистско-партийно-комсомольскими). Население, увы, трусливо и бестолково... С правозащитным движением в России (и Нижнем Новгороде, естественно) все очень плачевно. Для того, чтобы заниматься этим благим делом нужны:

- 1) жизненный опыт,
- 2) честность,
- 3) призвание,
- 4) поддержка населения...

В Н.Новгороде несколько правозащитных "контор": "Дронг"(экологи), комитет против пыток, общество прав человека и правозащитный союз. Было еще общество российско-чеченской дружбы, но де-юре, оно ликвидировано. К сожалению, ярких самодостаточных и самоотверженных личностей на местном правозащитном небосклоне сегодня нет. Для ребятшек это место работы, они заняты самообеспечением - получением грантов. Поэтому приоритет в их деятельности - это под что им "отстегнули" гранты. Поэтому было бы хорошо, если бы возглавили у нас "правозащитную гильдию"...

Вл.Пантелеев

***

Здравствуйтесь Алексей.

Пишет Вам студент 4 курса юридического факультета. Я из г. Рязань. Сегодня ночью дочитал Ваш рассказ «В круге втором» и хотел бы поделиться своими впечатлениями. Но вначале хотелось бы сказать Вам слова признательности и благодарности за правду, написанную в книге, и за то, что Вы не стали элементом этой гнусной системы, в которой Вам пришлось работать. Есть у нас в ВУЗе преподаватель по уголовному процессу, зовут его *** сам он бывший следователь одного из РОВД г. Ростова-на-Дону, вообще он у меня в группе занятия не вел, но пару раз заменял нашего преподавателя. «Наш» преподаватель, это величайший человек и профессионал своего дела. По молодости лет он работал в ФСБ, а потом стал преподавать у нас в академии. К сожалению, буквально неделю назад он был вынужден уволиться из академии из-за своего начальника кафедры. Мой учитель научил меня очень многому и важному, поделился своими огромными знаниями, за это я ему буду благодарен всегда. Более того, он разглядел во мне будущего юриста и общался со мной всегда на равных, даже встречаясь в коридоре или на улице он всегда здоровался со мной за руку и мы с ним разговаривали на различные темы, как говорят «за жизнь». Он довольно долго преподавал уголовный процесс и прокурорский надзор, а поэтому теоретических знаний у него было хоть отбавляй. Он всегда говорил мне лично и группе в целом «Ребята, учите теорию, на практике Вы еще всему научитесь, Вас и так научат там не соблюдать УПК, а здесь Вы должны научиться следовать букве закона». Хотя, конечно, он говорил и о том, что данный закон принимался в спешке и является не очень удачным, сырым; «Купленный» кодекс, - говорил он. Но любому юристу известно выражение *Dura lex, sed lex*. От него я узнал, о множестве ошибок и коллизий в УПК, о наличии которых не знает, наверное, и большинство практикующих работников. И вот, однажды, приходит к нам на семинар бывший следователь, а ныне преподаватель ***. Вместо занятия, он рассказывал нам о своих суровых буднях следователя РОВД, чему мы, кстати сказать, очень обрадовались. Когда мы сказали ему, что следственные действия проводятся после возбуждения УД, за исключением ОМП (Освидетельствование, Назначение судебной экспертизы по сути не могут проводиться), он рассмеялся нам в лицо и сказал «Глупости какие, это Вам Ваш старый преподаватель такое рассказал... Мы обычно делали ОМП, производили допрос свидетелей, потерпевшего и т.д., а потом даты в протоколах проставляли, ну и еще большую кучу всяких нарушений, которые они допускает при производстве по делу, в том числе и о том, что следователю ничего не стоит выкинуть из дела какой-нибудь протокол и написать его заново, потом позвонить понятным (которыми являются примерно те же люди, что и у Вас в книге), попросить их подъехать и расписаться. Адвокат же вообще является лохом и ничего не может. Естественно мы восприняли его рассказ, как браваду бывшего практика. Благодаря Вашей книге я все же убедился, что, к сожалению это горькая правда. Далее, не помню зачем, но я спросил его, какие, мо его мнению, СД могут являться неотложными (наверное, Вы знаете, что это дискуссионный вопрос, некоторые считают, что абсолютно все, другие, в том числе и кафедра Уголовного процесса моей Академии, что лишь некоторые). Знаете, что он мне ответил? Он мне начал рассказывать про ч.4 ст.146 УПК, т.е. про те СД, которые могут проводиться до ВУДа, причем его не смутило, что освидетельствование нельзя провести, так как еще нет таких участников Упр (так как УД еще не возбудили), не смутило его и то, что Назначение судебной экспертизы, еще ни есть ее производство. Из его ответа я сделал вывод, что этот человек не знает, что

такое неотложные СД и что они проводятся после ВУДа (ст.157 УПК). Теперь Вы представляете, как будут работать будущие следователи, прокуроры, дознаватели и т.д. после таких лекций. Слава Богу, что этот «педагог» вел занятия у нас всего пару раз. Хотя человек он вроде не плохой. Кстати сказать, он будет принимать у нас экзамен 26 числа вместо нашего преподавателя. У меня «автомат», поэтому пообщаться с ним мне не придется. Кроме того, как мне стало известно, он тоже увольняется из ВУЗа, «благодаря» все тому же начальнику кафедры. Сама же начальник кафедры, г-жа ***, заслуживает отдельной истории. Я полагаю, что пом. прокурора из Вашей книги Т.Климова очень схожа с нашей ***, которая стала начальником кафедры буквально несколько месяцев назад и после этого с кафедры уволились уже несколько преподавателей и думаю, что это не предел. Только, когда руководство нашего ВУЗа заметит это, будет уже поздно. Так вот эта начальница является такой стервой, которых я еще к счастью не встречал. Женщин она вообще на дух не переносит. На первом курсе мы сдавали ей Правоохранительные органы, вся женская половина выше четверки не получила, в основном тройки, а все ребята, даже которые ее увидели первый раз только на экзамене четверки и пятерки. В коридоре же она всем очень мило улыбается и, кажется, что она ангел во плоти. Однажды я стал свидетелем, как она орала на одного преподавателя, причем это было при мне. Так неудобно я себя ни разу не чувствовал. Эта г-жа даже не знает элементарных этических и профессиональных норм. Однажды я заходил в методический кабинет этой кафедры за методичками и там моя одногруппница зарегистрировала свою курсовую. Методист уже было взяла курсовую и тут зашла Митина... Методист, видимо испугавшись ее, решила изобразить бурную деятельность, и указали моей одногруппнице на то, что название курсовой написано слишком крупным шрифтом (на мой взгляд, где-то 20), тут же подскочила зав.кафедрой, ткнула девушке в лицо этой курсовой и сказала, что вообще за это надо ставить двойку сразу. Я обалдел! Потом, когда зав.кафедрой отвернулась, методист шепнула девушке на ухо, чтобы та зашла с курсовой позже. Через 10 минут курсовая была успешно зарегистрирована. Еще хочу сказать немного о журналистах, о которых Вы тоже говорили. Я всегда знал, что 99 % журналистов продажные сволочи. Вы меня в этом убедили окончательно. Я еще увлекаюсь чтением рассказов на военную тему. Есть один сайт, на котором таких рассказов огромное количество. Но мне очень запомнился один автор Зарипов Альберт и его книга «Первомайка». Так вот «благодаря» журналисту Валерию Якову операция у села Первомайское было полностью провалена, погибло огромное количество солдат, а сам автор стала абсолютно незрячим. Журналист же этот в настоящее время является главным редактором «Новой газеты». По заявлению Зарипова А.М. ген. Прокуратура проводила проверку с целью возбуждения УД по факту пособничества терроризму, но дело так и не возбудили или возбудили, но вскоре прекратили (сейчас не помню, но это и не важно). Если интересно могу написать, что сделал представитель этой 4 власти. Хотя я не считаю СМИ четвертой властью, по крайней мере, в России. Вы в книге подтвердили мои предположения о сущности СМИ в целом и журналистов в частности. Что касается г-на А. Хинштейна, то этот товарищ у меня вызывал только смех, представляет себя как борца с коррупцией и с Мишей два процент особенно. Спасибо, что убедили меня, что этот человек порядочная сволочь. Ничего конкретно плохого я про него ничего не знал, кроме того, что он журналист (знаете, так бывает, не нравиться человек и все!), а Вы мне рассказали, что он отказался Вам помочь, хотя по идее его это должно было заинтересовать.

***

Здравствуйтесь, Алексей!

Меня зовут Александр, я являюсь зам. рук. проекта solzhenitsyn.ru (сайт, посвященный творчеству А.И. Солженицына) Алексея Кравченко. Некоторое время назад Вы прислали нам свою книгу "В КРУГЕ ВТОРОМ". Я прочитал фактически все главы и был восхищен Вашим трудом. Мы, с группой инициативных товарищей, занимаемся примерно этим же - борьбой с беспределом и беззаконием в регионе. К сожалению, прямой связи с Александром Исаевичем у нас нет, но мы можем сделать ссылку на Вашу книгу с сайта Солженицына, если Вы не против. И второй вопрос: думали ли Вы о публикации книги? Уверен, она была бы очень интересна в различных кругах. Спасибо.

***

Здравствуйте.

Прочитал вашу книгу. Сумбурно, эмоционально... но очень точно. Я сам юрист, бывший военный (капитан). Что такое система о которой вы пишете представляю (был дознавателем при военной прокуратуре). Все точно, все совершенно правильно... не раз сталкивался и с ментами и с прокуратурой и т.д. Видел и их отношение к делу, к службе, к закону и т.д. Сравниваю их с эцилопами из фильма «Кин Дза Дза». Люди, которые считают себя выше всех и главнее самого закона.. Часто сталкивался в судах и в органах с фразами типа: «Ну, мало ли что в законе написано...» Подобные фразы доводят до бешенства от бессилия их переубедить и от безнаказанности, причем осознанной. Они считают что закон это они и есть..Сам в свое время хотел написать об этом и об армии но видно пока не так накопело...Сочувствую вам... мужайтесь...

С Уважением, К-а Денис.

***

Здравствуйте, уважаемый Алексей!

Неделю назад с адреса <http://chugunka.ru/forum/index.php?fid=20&id=1165328486173> вышел на Вашу книгу «В круге втором», размещенную по адресу <http://undersky2008.narod.ru/> и прочитал её, отложив многие дела. Ваша книга разрешила многие мои недоумения в отношении деятельности прокуратуры и милиции. Дело в том, что полтора года назад моего тестя (67-ми летнего старика) поместили в медвытрезвитель и подвергли административному наказанию. Это произошло в г.Обнинске Калужской области. Все было сделано сотрудниками медвытрезвителя с массой нарушений. Сначала мы активно писали жалобы в ОВД, УВД, горпрокуратуру, областную прокуратуру. Но реакция и поведение сотрудников учреждений, в которые мы обращались вызывала недоумение. В прокуратуре с нами разговаривали как с преступниками. После такого обращения с нашими жалобами мы обратились в суд и спустя девять месяцев, с момента первого обращения в суд, получили окончательное решение суда (а мы были вынуждены прибегнуть и к кассационному обжалованию), согласно которому с тестя административное наказание было снято, а помещение его в медвытрезвитель признано незаконным. Теперь на очереди обращение в суд за компенсацией материального ущерба и морального вреда, которые получены в результате незаконных действий сотрудников милиции. Но в течение всего этого времени я пребывал в недоумении в отношении поведения прокуратуры и должностных лиц милиции. Мы были вынуждены обратиться даже в генпрокуратуру (это было при Устинове) с жалобой от нашей семьи. Я лично обращался в департамент собственной безопасности МВД. Мои недоумения не разрешились. Но по прочтении Вашей книги мне очень многое стало понятно, появилась ясность, разрешились мои недоумения. Правда на смену недоумениям пришло другое неприятное состояние, а именно понимание того, в какой заднице находится наше общество и каким монстром является прокуратура РФ. Я пишу Вам нашу историю, дабы показать, что есть люди которые подобно Вам пытаются повлиять на ситуацию, делают реальные шаги и получают результаты. Но, видимо, этих людей крайне мало. В последнее время я стал задумываться, а как можно повлиять на сложившуюся ситуацию простым гражданам? Наша победа в суде - это влияние на отдельное событие. Но вряд ли это окажет влияние на всю систему. Ответа не нахожу, а повлиять на ситуацию желание есть. Очень благодарен Вам за Ваш труд (книгу), Ваше мужество и силу. Вы удивительный человек. Я знаю что такое бодаться с системой и немного (не в полной мере) могу представить каково Вам было и продолжает быть сейчас. Целенаправленный прессинг системы - это испытание очень серьезное. Я очень уважаю Вас как настоящего Человека, который всю свою жизнь честно трудится (дворником, строителем,

репетитором, сторожем, следователем) и помогает людям. Ведь Вы помогли и продолжаете помогать очень многим людям. Ваша книга это реальная помощь и я эту помощь реально почувствовал, прочитав книгу. Хочется Вас как-то поддержать. Сообщите мне свой почтовый адрес, по которому Вы можете принимать корреспонденцию. Сообщите своё полное имя. О себе: мне 39 лет, я работаю инженером. Ни в каких партиях не состою. С некоторых пор активизировал свою личностную и гражданскую позицию. А после случая с тестем появился и некоторый практический опыт защиты прав. Удачи, здоровья Вам и Вашим близким. Ещё раз спасибо Вам.

***

Если можно так сказать, "книгу" прочитал. Эта маленькая брошюра со специфическим изложением русской действительности, заслуживает огромнейшего уважения молодого человека, не боюсь сказать- большего уважения, чем внутриподвальные труды соискателей различных учёных степеней, которые переписывают "изречения" своих предшественников и подкрашивают свою диссертацию сегодняшней статистикой или анализом каких-то странных вещей. Этим я ни в коем случае не принижаю труды кандидатов.

Очень печально и жаль, что молодой работник российской прокуратуры, ставший за короткий период профессионалом в расследовании преступлений, выброшен из системы. За что? За то, что следовал и выполнял требования закона, чему его научили в университете. Торопящийся в выводах может сразу сказать, что он стал растоптанной жертвой, не способный подняться опять. Нет, его судьба иная.

Какие самые главные вещи из происшедшего события можно выделить? Первое- есть гражданин Поднебесный, который говорит прямо, пофамильно, без лукавства об уродливых традициях в российском обществе - о коррупции, о двух обществах в одном государстве. После свершившегося, его призвание быть наставником и учителем для студентов, будущих молодых юристов, прокуроров, следователей, работников милиции всех мастей и рангов, будущих судей и адвокатов. Если этой армии больного на коррупцию общества планомерно, наступательно и системно изменять сознание об отношении к работе, через несколько десятков лет Россию можно сравнить с системами, существующие в старой Европе. Второе - Поднебесный высказал всё, что он думает о своих бывших коллегах и прокурорской системе, разместил свой материал на Интернете. Это означает, что материал прочитали если не все упомянутые лица, то большинство из них. Какая реакция может последовать с их стороны? Трудно предсказать. Но реакция будет обязательной. Такие особи не дают себя в обиду, их принцип - всегда быть сверху и в ход пускаются любые средства. Не хочется верить, что они могут применить крайние меры, ведь автор брошюры только высказался, он не принимал к ним серьезных мер, не возбуждал против них уголовных дел и не организовывал иных преследований. Фактически нейтрализация Поднебесного была проведена очень быстро и безболезненно для системы. (из обсуждения на форуме Рязанской Академии УФСИН)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После публикации в газете «Новое Дело» моей статьи «Раб прокуратуры» в конце 2005 года мне писали читатели и просили помочь. Одна женщина рассказала мне очень показательную историю: у нее пропала дочь, она обратилась в прокуратуру и в течение полутора лет ей отказывали в возбуждении уголовного дела. Затем в одном овраге нашли случайно чьи-то кости. В прокуратуре вспомнили про ее

заявление и объявили, что это - кости ее дочери, т.е. труп найден, дочь мертва, тут же нашли каких-то гопников, надавали им пинков, они "во всем сознались" - ура, дело раскрыто и закрыто!

Это дело, как оказалось, расследовал *сын*ок прокурора Канавинского района Андропова (того самого, который сфабриковал обвинение против меня и добился моего увольнения). Мне стало интересно, что это за человек, сынок прокурора. Ему столько же лет, что и мне, но когда меня взяли в Шахунью (к черту на кулички), его сразу взяли в Московский район Нижнего Новгорода, а к тому времени, как меня перевели в Нижний Новгород, он уже был старшим (!) следователем пр-ры Нижегородского (центрального!) района Н.Новгорода. Видимо, за особые заслуги так он продвинулся? Я изучил материалы дела, которые имелись у той женщины, и обнаружил очевидные и ГРУБЕЙШИЕ ошибки, массу грубейших ошибок, которые мог сделать не следователь, не человек с высшим юридическим образованием, а неграмотный человек с улицы, первый встречный, которого случайно попросили «*порасследовать*» уголовное дело! Ниже я привожу текст жалобы, которую я составил для той женщины, из него видно большинство этил его "достижений", а также становится понятно, как они расследуют уголовные дела...

Генеральному прокурору Российской Федерации

Устинову В.В.

От потерпевшей по уголовному делу № 152927

Жалоба

Постановлением прокурора Нижегородского области мне было отказано в удовлетворении жалобы по уголовному делу № 152927. Также мне было отказано в удовлетворении моих ходатайств по уголовному делу производящим по делу предварительное следствие старшим следователем прокуратуры Нижегородского района Андроповым А.Ю. Считаю указанные решения необоснованными, прошу их отменить. Также прошу принять меры по расследованию исчезновения моей дочери Андреевой Т.П., пропавшей в ночь с 09 на 10.05.04 г.

По делу предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст 105 УК РФ Палютину С.В., Андреевичу С.О. и Гладкову А.В., эти лица обвиняются в убийстве моей дочери Андреевой Т.П., которое они совершили, по версии следствия, в ночь с 9 на 10 мая 2004 г.

Я не согласна с версией следствия, у меня имеются существенные основания полагать, что моя дочь Андреева Т.П. может быть жива, а указанные лица не причастны к ее убийству, хотя могут быть причастны к совершению иного преступления. Однако следствием моя позиция игнорируется, следствие увлечено лишь собственной версией происшедшего и игнорирует иные версии.

Ст.следователь Андропов частично ознакомил меня с материалами уголовного дела. Ознакомившись с материалами дела, я пришла к выводу о том, что следствие производится односторонне, субъективно, при этом с существенными нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства.

В соответствии со ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

При производстве проверки показаний на месте подозреваемого Андреевича С.О. от 24.08.05 г были нарушены требования ст.ст. 60, 170, 194 УПК, в соответствие с которыми при производстве проверки показаний на месте обязательным является участие не менее двух понятых, при этом понятыми не могут быть работники органов исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

При производстве проверки показаний подозреваемого Андреевича С.О. от 24.08.05 г. присутствовал только один понятой. Это с очевидностью следует из протокола данного следственного действия и из фототаблицы, состоящей из многочисленных фотографий. На всех фотографиях фототаблицы запечатлен только один понятой. Фотографии выполнены со значительным отступом фотографирующего назад, вокруг фотографируемой группы (следователь, подозреваемый, конвоир, один понятой) на всех фотоснимках имеется большое пространство вокруг, и таким образом, второй понятой не мог бы не попасть в кадр в случае реального присутствия этого понятого при производстве следственного действия. Отсутствие второго понятого на фотографиях объясняется его очевидным не участием при производстве следственного действия.

Отсутствие второго понятого также подтверждается явно надуманным именем и адресом, указанными следователем Андроповым как имя и адрес якобы участвовавшего второго понятого. Так, следователем в протоколе в графе, соответствующей установочным данным понятого № 2, записано: «Светов Александр Евгеньевич, проживает: г. Ульяновск, ул. Рябикова, 85а – 220». Очевидна надуманность, вымышленность данного понятого. Трудно представить, что проживающий в городе

Ульяновск гражданин случайно оказался в г. Нижнем Новгороде, причем не на центральной улице или в многолюдном месте, а на пустынном склоне оврага, за гаражами, где отсутствует пешеходное движение и расположена нежилая зона, пустырь; и в течение нескольких часов этот приезжий из Ульяновска участвовал при производстве следственных действий. Кроме проверки показаний подозреваемого Андреевича, тот же вымышленный понятой «участвовал» и при осмотре места происшествия 24.08.05 г.

Кроме того, единственный понятой, участвовавший в проверке показаний, выглядит на фотографиях в фототаблице как сотрудник милиции. Он одет нехарактерно для пешехода: в кожаную жилетку, так обычно одеваются водители или стажеры милиции.

В записи установочных данных этого понятого в протоколе проверки показаний имеются несколько исправлений: номер дома понятого исправлен, причем так, что не понятно, какой это номер в действительности – либо 15, либо 18; также исправлен и непонятен номер квартиры.

Указанные обстоятельства также ставят под сомнение правомерность участия единственного понятого и достоверность записи в протоколе его установочных данных.

В указанном протоколе проверки показаний не указано, кто осуществляет конвоирование подозреваемого Андреевича. На фото Андреевич запечатлен в наручниках, при этом наручниками он пристегнут к конвоирующему его человеку в гражданской одежде. Учитывая, что как правило конвоирование осуществляют двое сотрудников милиции, изображенный на фото «понятой» может в действительности быть вторым конвоиром, то есть сотрудником милиции, что является нарушением требований ст 60 УПК РФ.

Те же самые лица указаны следователем Андроповым в протоколе осмотра места происшествия от 24.08.05 г. как якобы также участвовавшие в качестве понятых.

На основании указанных существенных процессуальных нарушений, протокол проверки показаний подозреваемого Андреевича и протокол осмотра места происшествия от 24.08.05 г. являются недействительными, так как получены с нарушением требований УПК РФ, а именно ст.ст. 60, 170, 194 УПК РФ. Соответственно не имеют юридической силы результаты указанных следственных действий, в частности обнаружение останков трупа неизвестного человека.

В ходе проверки показаний подозреваемого Андреевича 24.08.05 г. были обнаружены останки неизвестного человека, которые следователь Андропов сразу же изъяс, составив с целью процессуального оформления их обнаружения и изъятия указанный протокол осмотра места происшествия. Эти останки следователь Андропов сразу идентифицировал как труп (останки) Андреевой Т.П. 1974 г.р., не дожидаясь опознания трупа родственниками или иными лицами.

Кроме очевидных процессуальных нарушений, связанных с обеспечением участия понятых, указанный протокол осмотра места происшествия имеет существенные содержательные недостатки. Осмотр места происшествия произведен следователем Андроповым крайне поверхностно, с существенными нарушениями общепринятых в следственной практике правил производства осмотра, рекомендованных криминалистикой. Объем содержательной части протокола составляет половину одной страницы. Схема места происшествия не составлена. Отсутствует привязка места обнаружения останков к статичным неизменным объектам местности, в результате теперь уже невозможно повторно определить действительное место обнаружения останков. Единственные сведения о месте их обнаружения, содержащиеся в протоколе, это: «дно оврага, расположенного рядом с ул. Большие Овраги». Таким образом, проверить достоверность отраженных в протоколе результатов в настоящее время невозможно. Халатное отношение ст.следователя Андропова к производству осмотра места происшествия может свидетельствовать либо о его непрофессионализме, низком уровне квалификации, либо это совершено умышленно, с целью скрыть или сфальсифицировать реальные обстоятельства происшедшего.

Обнаруженные останки следователь Андропов сразу идентифицировал как труп Андреевой Т.П. 1974 г.р. Именно так он указал в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы этого трупа от 24.08.05 г. Именно так эти останки (труп) обозначены в заключении судебно-медицинской экспертизы, начатой 26.08.05 г.: «скелетированный труп гр-ки Андреевой Т. П. 1974 г.р.». При этом сам подозреваемый Андреевич, будучи предварительно допрошенным в качестве подозреваемого перед проверкой показаний, в ходе которой он и указал на место нахождения скелетированного трупа, показал, что приметы женщины, которую он, по его словам, убил совместно с другими сообщниками, не запомнил, опознать ее не сможет. Таким образом, непосредственно при обнаружении указанного трупа никто из участвовавших в производстве проверки показаний и осмотра места происшествия не мог опознать обнаруженный труп как труп Андреевой Т.П.

В действительности Андреева Т.П. без вести пропала в ночь с 9 на 10 мая 2004 г при невыясненных обстоятельствах. Имеются косвенные доказательства того, что Андреева Т.П. пыталась связаться со мной, т.е своей матерью Шкуратовой А.В. в ноябре 2005 года по телефону.

После обнаружения 24.08.05 г. трупа в овраге на ул. Б.Овраги родственники и близкие Андреевой Т.П. об этом уведомлены не были в течение длительного периода. Я как мать без вести пропавшей Андреевой Т.П. не была поставлена в известность об этом. Следователь в течение длительного времени не приглашал меня для опознания обнаруженного трупа, не предъявлял мне никаких обнаруженных при трупе предметов одежды. Также труп не предъявлялся для опознания иным родственникам, близким либо знакомым Андреевой Т.П. Также никто из привлеченных по уголовному делу обвиняемых (подозреваемых) не опознал обнаруженные останки как труп Андреевой Т.П. Таким образом, у следствия не имелось абсолютно никаких оснований считать обнаруженные останки останками Андреевой Т.П. 1974 г.рождения. Однако именно так идентифицировал эти останки следователь Андропов. Представляется, что это свидетельствует об увлечении следователем только одной, субъективно избранной им версией и игнорированием иных версий происшедшего. Не исключено, что ради создания видимости подтверждения этой версии другими доказательствами следователь умышленно допустил вышеназванные процессуальные нарушения при производстве проверки показаний и осмотре места происшествия.

Следователем допущены существенные нарушения требований УПК РФ, в частности ч. 3 ст 177, касающиеся правил изъятия, упаковки и представления вещественных доказательств для производства экспертизы. В вводной части имеющегося в деле заключения судебно-медицинской экспертизы трупа указано: «В судебно-криминалистическом отдел лаборатории доставлены останки трупа, завернутые в серо-зеленое одеяло. Объекты не подписаны, не печатаны». Таким образом, невозможно объективно установить, какие именно останки были доставлены в НОБСМЭ для производства медицинской судебно-медицинской экспертизы. Достоверных доказательств того, что это именно те останки, которые были обнаружены 24.08.05 г в овраге на ул. Б.Овраги, не имеется. В Бюро судебно-медицинской экспертизы были доставлены неизвестные останки неустановленного лица, в неупакованном, не опечатанном виде, без какой-либо маркировки или идентификации. То, что это якобы останки Андреевой Т.П., было установлено со слов нарочного, доставившего их в Бюро СМЭ, личность которого осталась неизвестной.

Между тем, необходимость, и, что важно, возможность, упаковки и опечатывания изъятых в овраге на ул. Б.Овраги останков трупа неизвестного человека имелась. Как следует из вышеуказанного протокола осмотра места происшествия, обнаруженные останки представляли собой не труп в виде тела, а части скелета человека. Из протокола следует: «Скелетированные кости ч-ка. Среди них череп и отдельно нижняя челюсть, обе лопатки, бедренные кости, большеберцовые малые берцовые кости (запятая в оригинале отсутствует), крестец и тазовые кости по отдельности, оба плеча, пять поясничных позвонков, девять грудных позвонков, 22 ребра, обе лопатки». Таким образом, имелась реальная возможность и необходимость упаковать перечисленные объекты и опечатать их в соответствии с правилами изъятия вещественных доказательств. Из заключения судебно-медицинской экспертизы следует, что этого не было сделано.

В описательной части заключения судебно-медицинской экспертизы перечислены доставленные объекты: «представлены кости: череп с нижней челюстью, по две ключицы, лопаточные, плечевые, лучевые, бедренные, берцовые кости, а также кости таза. Также представлены правая локтевая кость, 11 позвонков из грудного отдела... Мягкие ткани на черепе, как и на остальных костях отсутствуют». Между описанием объектов (костей скелета), обнаруженных в овраге в ходе осмотра места происшествия, и описанием костей скелета, доставленных на экспертизу, имеются существенные различия. Так, в протоколе осмотра места происшествия указано, что при осмотре обнаружено девять грудных позвонков, а в заключении судебно-медицинской экспертизы указано, что на экспертизу представлено 11 позвонков из грудного отдела, налицо явное несоответствие. Имеются и другие отличия в описании обнаруженных при осмотре и доставленных на экспертизу вещественных доказательств. Указанные обстоятельства являются еще одним доказательством того, что на экспертизу были представлены неизвестные останки неустановленного лица.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, а именно, существенные нарушения процессуального порядка изъятия, упаковывания, опечатывания и представления вещественных доказательств для производства экспертизы, обоснованные сомнения в идентичности изъятых и фактически представленных для производства экспертизы объектов, результаты судебно-медицинской экспертизы от 05.09.05 г в соответствии с положениями ст 75 УПК РФ являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания иных обстоятельств.

Кроме того, судебно-медицинская экспертиза не установила ряд существенных обстоятельств. В частности, в ходе судебно-медицинской экспертизы не был установлен пол погибшего. Не установлено, принадлежат останки мужчине, или женщине. Пол погибшего устанавливался только в рамках судебно-медицинской экспертизы от 08.11.05 г., исключительно по черепу погибшего, что является менее достоверным способом, чем определение пола по всем останкам в совокупности. Таким образом, результаты судебно-медицинской экспертизы от 08.11.05 г., в той части, в

которой экспертиза установила, что череп принадлежит женщине, не подтверждаются результатами судебно-медицинской экспертизы от 05.09.05 г., результатами которой не было установлено, что обнаруженный скелетированный труп является женским.

В рамках судебно-медицинской экспертизы были осмотрены колготки, в числе прочих предметов одежды, обнаруженных при скелетированном трупе. По результатам осмотра колготок экспертом указано в протоколе: «Каких-либо повреждений механического характера (рубящих, огнестрельных, колото-резаных) на ней (т.е. одежде) не обнаружено». Эти результаты расходятся с показаниями обвиняемых Андревичева, Гладкова и Палютина, которые показали, что нанесли несколько ударов ножом в бедро потерпевшей. Если обнаруженный труп был трупом Андреевой Т.К., то на чулках в области бедра имелись бы механические повреждения, разрезы, в результате воздействия лезвия ножа. Таких повреждений на чулках не обнаружено. Соответственно, обнаруженный труп не является трупом Андреевой Т.П.

Не известна судьба иных вещественных доказательств, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия 24.08.05 г. Это, согласно протоколу, «фиолетовый свитер, колготки, черный кожаный ботинок на правую ногу (с костями стопы), бежевый бюстгальтер». Эти вещи могли бы служить для идентификации личности обнаруженного трупа. Я как мать пропавшей без вести Андреевой Т.П., знала все вещи, предметы одежды своей дочери, до исчезновения дочь проживала совместно со мной. Однако до сих пор, по истечении более семи месяцев с момента обнаружения останков, которые следствие считает останками моей дочери Андреевой Т.П., мне не предъявлены для опознания указанные предметы одежды, обнаруженные при осмотре.

Следователем мне был предъявлен лишь фотоснимок обнаруженного ботинка. По предъявленной мне фотографии я не опознала этот ботинок. Однако предъявить ботинок и другие вещи для опознания в натуре следователь уклоняется.

Сожитель моей дочери, Чинарин И.Е., опознал обнаруженный ботинок как принадлежавший Андреевой Т.П. «по фасону». Таким образом, он недостоверно опознал обнаруженный ботинок. Кроме того, опознание было проведено с нарушением требований ст. 193 УПК РФ, касающихся предварительного допроса опознающего об обстоятельствах, при которых они видели опознаваемый предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. В протоколе допроса свидетеля Чинарина И.Е. от 22 августа 2005 г. относительно описания ботинок Андреевой Т.П. имеется лишь следующие сведения: «черные кожаные невысокие полуботинки без шнурков». Представляется бесспорным, что подобное описание нельзя признать достаточным, по указанным признакам невозможно достоверно идентифицировать опознаваемые предметы. Аналогичное описание ботинок Андреевой Т.П. содержится в протоколе допроса свидетеля Чинарина И.Е. от 08.12.2005 г. При этом часть протокола от 08.12.05 г., в которой содержится описание ботинок, а также обстоятельств, при которых Чинарин был избит 9 мая 2004 г. и расстался с Андреевой Т.П. (после чего Андреева исчезла), полностью копирует описание ботинок и указанных событий в протоколе от 22.08.05 г., оба протокола выполнены на компьютере с полностью идентичным повторением лексики, фразеологии, пунктуации, а также технических характеристик шрифта и форматирования. Указанные обстоятельства дают существенные основания полагать, что один из протоколов был выполнен не в ходе реального проведения допроса в соответствии с положениями ст.ст. 189, 190 УПК РФ, а путем копирования данных компьютерного файла. Нельзя исключить возможность того, что исходным файлом был файл, содержащий протокол допроса от 08.12.05 г., а первоначальный протокол был сфальсифицирован с целью прикрытия допущенных процессуальных нарушений при производстве опознания ботинка.

Ввиду нарушения правил производства допроса, установленных ст.ст. 189, 190 УПК РФ, а именно применение копирования ранее данных показаний вместо реального допроса, и невозможности определить, какой из двух протоколов допроса свидетеля Чинарина является первичным, в соответствии с требованиями ст. 75 УПК РФ следует признать недопустимыми доказательствами протокол допроса свидетеля Чинарина от 22.08.05 г. и протокол допроса свидетеля Чинарина от 08.12.05 г., содержащиеся в этих протоколах показания не могут использоваться для доказывания, в частности принадлежности обнаруженного при осмотре места происшествия ботинка Андреевой Т.П. и не имеют юридической силы.

Кроме того, в протоколе допроса свидетеля Чинарина И.Е. от 08.12.2005 г. имеется указание на нарушение следователем порядка предъявления предмета для опознания по фотографии. Из указанного протокола Чинарина следует: «Мне предъявляли фотографию черепа, найденного в овраге, по данному уголовному делу. Могу сказать, что на переднем зубе обнаруженного черепа имеется скол. Точно такой же скол был у Андреевой Т.П.». Таким образом, из протокола следует, что следователь в нарушение требований ч. 2 ст. 193 УПК РФ предъявил Чинарину для опознания вещественное доказательство – череп, обнаруженный в овраге, и при этом предварительно не допросил Чинарина об обстоятельствах, при которых он мог видеть упоминаемый скол на зубе, по каким приметам может этот скол опознать. В вышеуказанном протоколе допроса Чинарина от 22.08.05 г. никаких сведений о сколе на зубе у Андреевой

не имеется. Таким образом, в силу ст 75 УПК РФ, следует признать недопустимым доказательством протокол предъявления для опознания по фотографии, в результате которого свидетель Чинарин И.Е. опознал скол на зубе, имевшийся, якобы у Андреевой Т.П.

Также следователем допущены иные нарушения требований УПК РФ при производстве по данному делу. При производстве проверки показаний на месте свидетеля Якунина Р.А. от 13.02.2006 г были нарушены требования ст.ст. 60, 170, 194 УПК, в соответствии с которыми при производстве проверки показаний на месте обязательным является участие не менее двух понятых. На фототаблице, как и в случае проверки показаний подозреваемого Андреевича, можно видеть лишь одного понятого. В соответствующем протоколе от 13.02.2006 г указаны следующие установочные данные второго понятого: «Зябихов Мурат Гаджиевич, пгт Вознесенск, ул. Ленина, 136 – 57». Представляется маловероятным, что житель поселка городского типа Вознесенск, как и в случае с неким жителем г. Ульяновск, случайно оказался в г. Нижнем Новгороде, причем на пустынном склоне оврага, за гаражами, где отсутствует пешеходное движение и расположена нежилая зона, пустырь, и в течение нескольких часов этот приезжий из пгт Вознесенск участвовал при производстве проверки показаний свидетеля Якунина. Таким образом, в силу ст 75 УПК РФ, протокол проверки показаний свидетеля Якунина Р.А. от 13.02.2006 г следует признать недопустимым доказательством, не имеющим юридической силы.

Следователем было отказано в удовлетворении моего ходатайства о проведении молекулярно-генетической экспертизы. При этом в обоснование этого отказа следствие ссылалось, с частности, на результаты судебной медико-криминалистической экспертизы, которой, по мнению следствия, установлено, что череп, обнаруженный в числе останков в овраге 24.08.05 г принадлежит Андреевой Т.П. Однако результаты указанной криминалистической экспертизы позволяют утверждать обратное. Из описательной (исследовательской) части судебной медико-криминалистической экспертизы от 08.11.05 г следует, что в результате сравнительного исследования черепа, представленного на экспертизу, и фотоснимка Андреевой, все совпадающие выявленные признаки являются лишь групповыми, то есть ни один из них не относится к ярко выраженным индивидуализирующим. Совпадение одноименных признаков внешности, установленных по исследуемому черепу и по прижизненному фотоизображению головы на фото, позволяет лишь предположить, что исследуемый череп мог принадлежать гр Андреевой Т.П. В ходе идентификационного исследования в рамках той же экспертизы эксперт пришел к выводу, что «для достоверных выводов в распоряжение эксперта нужно представить стоматологическую карту с отметкой о леченых зубах и качественные фотоснимки последних лет жизни», то есть выводы экспертизы не являются достоверными, и для получения достоверных выводов необходимо предоставить дополнительные материалы, которыми следствие не располагает. Таким образом, вывод судебной медико-криминалистической экспертизы от 08.11.05 г о том, что представленный на исследование череп мог принадлежать гр Андреевой Т. П. 1974 г рождения, является лишь вероятностным, достоверным его назвать нельзя.

Кроме того, как и в случае проведения судебно-медицинской экспертизы по постановлению следователя от 24.08.05 г., вещественные доказательства были представлены на судебную медико-криминалистическую экспертизу от 08.11.05 г с нарушением требований ч. 3 ст. 177 УПК РФ относительно изъятия, упаковки и представления вещественных доказательств для производства экспертизы. В вводной части заключения судебной медико-криминалистической экспертизы от 08.11.05 г указано: «Череп на исследование поступил в полиэтиленовом пакете», при этом сведений об опечатывании упаковки нет. Таким образом, невозможно достоверно определить, тот ли это череп, который был обнаружен и изъят в овраге 24.08.05 г. На основании указанных обстоятельств, в силу ст. 75 УПК РФ заключение судебной медико-криминалистической экспертизы от 08.11.05 г является недопустимым доказательством, не имеющим юридической силы.

Нельзя признать достаточным для идентификации обнаруженных останков как трупа Андреевой Т.П. и заключение судебной биологической экспертизы от 29.12.2005 г., которой было установлено, что не исключена принадлежность фрагмента лучевой кости (представленной на экспертизу) лицу, в групповую характеристику которого входит антиген Н, т.е. лицу группы О(Н) альфа-бета. Данная групповая характеристика является чрезмерно широкой, под эту характеристику подпадает большое число лиц, и нельзя на этом основании делать вывод о том, что останки, обнаруженные 24.08.05 г., принадлежат Андреевой Т.П. Кроме того, объект для исследования (измельченный фрагмент лучевой кости) поступил на биологическую судебную экспертизу из числа объектов (частей скелета) представленных на судебно-медицинскую экспертизу 26.08.05. Части скелета, представленные на судебно-медицинскую экспертизу 26.08.05 г в нарушение требований УПК РФ не были упакованы, не снабжены пояснительными надписями и не опечатаны, эти же части скелета, вероятно, использовались при производстве судебно-биологической экспертизы. Соответственно, как и результаты судебно-медицинской экспертизы от 05.09.05 г, результаты судебной биологической экспертизы от 29.12.2005 г в соответствии с положениями ст 75 УПК РФ являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания иных обстоятельств.

Таким образом, единственным достоверным способом идентификации останков, обнаруженных 24.08.05 в овраге рядом с улицей Б.Овраги г.Н.Новгорода является проведение молекулярно-генетической экспертизы. В чем следователем Андроповым безосновательно отказано.

Учитывая вышеизложенное, на основании п. 5 ч. 2 ст 42 УПК РФ, прошу отработать иные версии безвестного исчезновения моей дочери Андреевой Т.П., в частности версию похищения, принять меры к устранению субъективизма и нарушения законности при производстве следствия, а также прошу назначить и провести по делу молекулярно-генетическую экспертизу в целях идентификации обнаруженных следствием останков неизвестного человека.

Чем же кончилось это дело? Кончилось весьма характерно, полностью подтвердило мои ожидания.

Однажды, почти год спустя после отправки этой жалобы, я оказался в Нижегородском районном суде, где встретил одного моего бывшего одноклассника, он теперь работает судебным приставом. Пока я стоял на улице, ожидая начала судебного заседания, мы с ним разговорились, и он стал рассказывать мне «смешные» истории из деятельности суда, я слушал в пол уха, но вдруг услышал нечто знакомое, что заставило меня настрожиться и прислушаться: «А вот было недавно одно дело, - с циничной улыбкой говорил мой знакомый, - в овраге нашли чьи-то кости, сказали, что это женщину убили, нашли ее мать, а мать их не признала! На суде восемь человек свидетелей выступали и говорил, что никакого убийства не было, мать ничего не опознала...Доказательств НЕ БЫЛО ВООБЩЕ НИКАКИХ!!!».

«Слушай, я это дело знаю!, - сказал я, - это на улице Большие Овраги было, его сын прокурора Андропова расследовал?»

«Да!»

«И чем там кончилось? Кого же посудили?»

«Кто-то там признался, хотя в суде от всех показаний отказывался».

«И как же...?»

«Все построили на показаниях одного придурка, из «школы волшебников» - мой знакомый опять ехидно засмеялся.

«???»

«Парень из 39-й школы, для умственно отсталых, мы ее называем школа волшебников, там одни гарри поттеры учатся, ха-ха...Так вот, на его показаниях все дело и прошло. Он вроде бы видел ту женщину и как ее убивали. Хотя восемь человек нормальных говорили, что это не так!»

«Ну и как это получилось?!»

«Я потом как то вместе с тем судьей водку пил и спросил его, ВанВаныч, как же вы по тому делу приговор-то вынесли? 14 лет? За что?!? – «Ну, может я в квалификации немножко ошибся, но СРОК ТО ВЕДЬ Я ПРАВИЛЬНО НАЗАНЧИЛ» – вот так он мне ответил!».

Вот так. Я уверен, что дело было сфабриковано просто потому, что сынок Андропова не хотел лишаться премии и надбавки к зарплате (в случае, если бы арестованного им и необоснованно привлеченного к уголовной ответственности в суде оправдали, ему, возможно, объявили бы выговор и сняли бы максимум на полгода надбавки к зарплате)...

Недавно мне стало понятным поведение судьи Старыгиной, утвердившей в Советском районном суде мой «приговор» и я узнал КТО или, может быть, более правильно сказать ЧТО (поскольку существа, не имеющие совести, души, следует считать неодушевленными) это за человек. Я познакомился с одним человеком, Валерием Кирилловичем Д-ко, который рассказал мне интересные вещи о г-же Старыгиной. В 1996 году одна строительная компания совершила самозахват земли и постороила на ней дом, потерпевший подал иск в суд. Судьей оказалась Старыгина. Дело она рассматривала почти два года. Все никак не могла решить, кто прав. Хотя дело было очевидным, все документы на землю у потерпевшего были оформлены. И вот за эти два года, судья Старыгина, ранее проживавшая на Бору, вдруг получает квартиру в центре Н.Новгорода в новом элитном доме. Оказалось, квартиру ей «дали» круги, близкие к застройщикам, захватившим земельный участок потерпевшего. После этого для судьи Старыгиной дело сразу прояснилось и она приняла абсолютно ничем не мотивированное и не обоснованное решение в пользу застройщика, самовольно захватившего чужую собственность. Кассационная инстанция, как водится, решение одобрила...